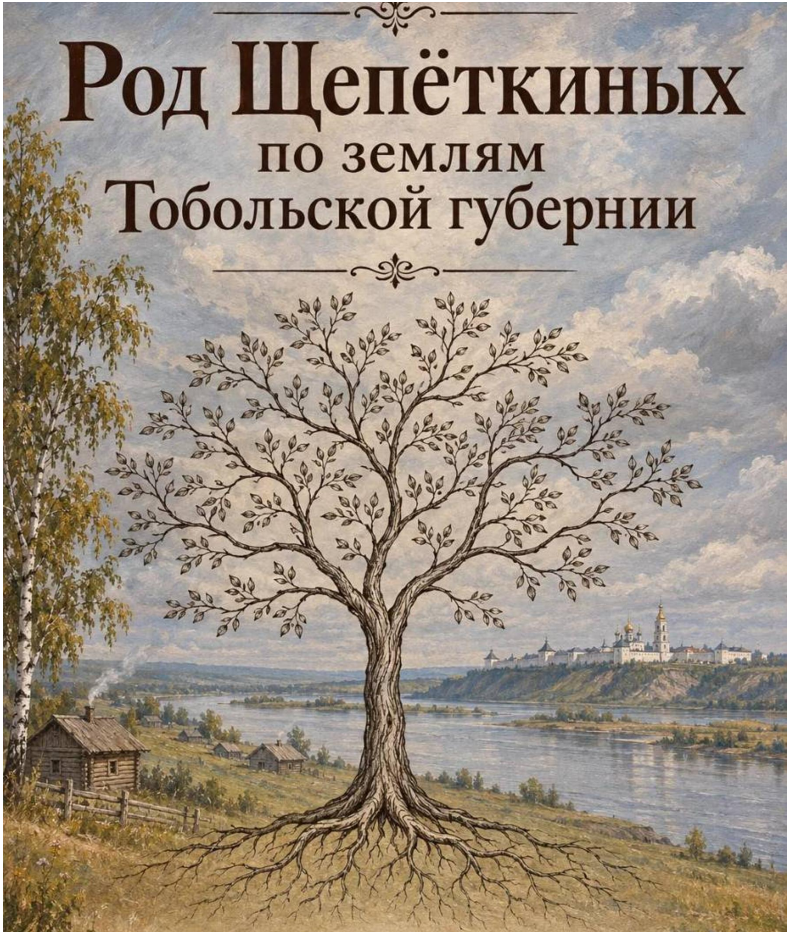
Род Щепёткиных
по землям Тобольской губернии

Автор Щепёткин Максим Петрович

Сургут 2026

Том 1

Максим Щепёткин

Щепёткины по землям Тобольской губернии

https://litres.ru/74852272
SelfPub; 2026

Аннотация

Родословная книга рода Щепёткиных — итог многолетних архивных поисков и кропотливой расшифровки документов. В неё вошли сведения более чем о 1000 представителей рода, включая линии, документально подтверждённые до 1720 года. За каждой из этих тысяч судеб — часы работы с метрическими книгами, где почерк едва читается, и внимательное сопоставление данных: от старых форм имён и формулировок о причинах смерти до пометок полиции и разделов имущества. Особое место в книге занимают истории, связанные с Сургутом и окрестностями: быт мещан, переезды деревень, социальные лифты эпохи — например, как грамотность стала главным капиталом сыновей Даниила и помогла им выйти за пределы крестьянского мира. Отдельная ценность издания — сочетание строгой документальности с личными рассказами и материалами, собранными у ныне живущих потомков. Книга адресована не только потомкам Щепёткиных, но и всем, кто всерьёз занимается генеалогией и историей Западной Сибири.

Максим Щепёткин
Щепёткины по землям Тобольской губернии

Предисловие

Всё началось с одного вечернего разговора — с той самой минуты, когда прошлое вдруг перестало быть чем-то далёким и книжным и шагнуло к нам через стол, через голос отца. Мне было лет семнадцать. Мы сидели дома, говорили о деде, и отец между делом, будто о чём-то самом обычном, упомянул прадеда. Потом заговорил о Владимире Филаретовиче — вспоминал, как тот нянчил его маленьким, как он умел рассказывать истории так, что даже самые простые слова становились сказкой. Я спросил: «А он нам кто?» И отец начал перечислять: дяди, тёти, кумовья, сваты… Через пять минут мы оба запутались в этих связях, потеряли нить. Тогда мы взяли лист бумаги и стали рисовать схему — простые кружки и линии, соединяющие имена. С этого наивного рисунка и началось моё долгое путешествие в глубь времени.

Я отправился туда, где прошлое ещё можно потрогать: в историко культурный центр «Старый Сургут». Там я не нашёл сразу тех ответов, что искал, но получил нечто более ценное — направление. Меня отправили в библиотеку, в отдел краеведения. Там на пожелтевших страницах старых

книг я впервые увидел множество Щепёткиных — фамилию, которая была моей, но казалась тогда чужой: слишком много имён, слишком много ветвей, и ни одной понятной дорожки к моим родным.

Тогда я решил пойти туда, где время застыло в камне и ржавом металле, — на старое кладбище на Чёрном Мысу. Полдня я бродил между оградками, читал полустёртые надписи, наклонялся к самым старым плитам, где буквы уже почти сливались с камнем. И там, среди тишины и ветра, я нашёл несколько Щепёткиных. Не всех, не главных, но тех, кто будто подал мне знак: «Мы здесь. Мы были».

В «Старом Сургуте» меня познакомили с одной женщиной — не помню ни имени, ни фамилии, только тепло её голоса и терпеливые объяснения. Она и сказала главное: если хочешь знать точно — иди в архив. И я пошёл.

Архив — это особый мир. Он пахнет старой бумагой, пылью и временем. Это место, где тишина звучит громче любых слов. Там, в читальном зале, среди высоких стеллажей и тяжёлых коробок, я впервые понял, что история — это не только даты и события, но и почерки. Сотни разных почерков: кто-то писал чётко и строго, кто-то — торопливо, с помарками, будто спешил успеть записать самое важное. Особенно врезались в память метрические книги — те самые «книги жизни», где рядом с именем человека стояли три главные отметки: рождение, брак, смерть. Читать их — всё равно что подслушивать голоса прошлого.

Там же я познакомился с Анастасией Кайдаловой. Она не просто учила меня искать документы — она учила уважать их. «К каждой персоне обязательно должна быть ссылка на архив, — повторяла она. — Чтобы любой человек мог открыть ту же самую папку, найти ту же страницу и убедиться: да, это правда». И я учился быть аккуратным: записывать не только факты, но и шифры фондов, номера описей, листы. Это была дисциплина памяти.

Какие непередаваемые ощущения — держать в руках книгу, которой больше ста лет. Листать страницы, на которых ещё видны капли парафина, будто свеча дрогнула в руках писаря. Находить на полях крошечные пометки, сделанные другим почерком, может быть, спустя годы. Однажды я увидел в парафине отпечаток пальца — чёткий, будто вчера оставленный. Какой-то церковнослужитель коснулся страницы, и его прикосновение сохранилось на века. В этот момент прошлое становилось не абстракцией, а чем-то живым и близким.

Всю ту зиму я провёл в архиве. Сотни фамилий выстраивались в цепочки, но эти цепочки часто обрывались, не доходя до начала. Дома я пытался упорядочить записи в большой папке, но путался: кто чей сын, кто кому дядя, где пересекаются линии. Потом я нашёл программу для построения древа, и началось новое волшебство: имена стали соединяться линиями, поколения выстраивались друг над другом. Но вскоре я упёрся в стену: в сургутском архиве фонды за-

канчивались на определённом рубеже. Чтобы копнуть глубже, нужно было ехать в Тобольск, где хранились копии документов. И я поставил работу на паузу.

Пауза растянулась на долгие годы. Папка с записями лежала на верхней полке шкафа, будто ждала своего часа. А потом пришло известие: архивы оцифровывают. Ещё немного — и всё будет в интернете. Я решил подождать.

В 2024 году я вернулся к древу. Оказалось, что многое забылось, программа пропала, а от прежних наработок осталась только папка. Пришлось начинать заново. Но теперь у меня было огромное преимущество: оцифрованные документы. Ещё одну зиму я провёл за компьютером, страница за страницей, лист за листом, восстанавливая утраченное. И вот тогда все ветки сошлись. Я дошёл до двух семей, пришедших в Сургут примерно в 1720 году. Может, и раньше, но документов не сохранилось: первые три ревизии Сургута сгорели при пожаре в РГАДА. В интернете я нашёл сведения о том, откуда пошла фамилия, как Щепёткины шли в Сибирь. Но между тем родоначальником и первыми сургутскими Щепёткиными остался пробел больше чем в сто лет. Самое главное звено, тот самый первый, кто пришёл в Сургут, пока теряется во тьме времени. Но я верю: кто ищет, тот всегда найдёт.

Когда древо собралось и в нём оказалось более восьмисот человек, я вдруг понял, что схема — это только скелет. В ней есть имена, даты, связи, но нет жизни. А за каждым именем

— судьба, история, которую в таблицу не впишешь. Так родилась идея книги.

Весь 2025 год я собирал эти истории. И тут выяснилось, что найти ныне живущих родственников порой сложнее, чем перелистать тысячи страниц столетней давности. Разобрать почерк священника, выписанный пером при свечах, бывает легче, чем выудить информацию от живого человека. Сообщения висят неделями без ответа. Кто-то читает — и молчит. Кто-то отвечает спустя столько времени, что уже и не ждёшь. И всё же эти живые ниточки — самые драгоценные.

Огромное спасибо Полине Щепёткиной: она очень сильно помогла собрать информацию и фотографии своей линии. Её прадед был Филарет — личность, невероятно важная для моей книги. Именно он — отец того самого Владимира Филаретовича, о котором рассказывал мой отец. Полина оперативно собрала сведения от всех своих родственников и прислала мне — и этим буквально вернула к жизни целую ветвь рода.

Спасибо Виталию Сакк из Ханты-Мансийска: он предоставил большую информационную базу — документы, фотографии, семейные истории своей семьи. Виталий — сын Сергея Щепёткина, уважаемого врача города Ханты-Мансийск, и эта связь поколений тоже стала важной частью общей картины.

От всей души благодарю Николая Щепёткина, тоже из Ханты-Мансийска. Это ещё одна семья, живущая в городе, и

Николай щедро поделился множеством сведений и снимков.

Большое спасибо Анне Белозеровой из Тобольска. Она, по сути, прямая родственница Михаила Георгиевича Щепёткина — того самого, в честь кого названа улица в Сургуте. Её вклад помог соединить ещё одно звено в цепи памяти.

И отдельная благодарность Дарье Щепёткиной из Тундрино. Хотя она давно там не живёт — жизнь сложилась так, что она развелась с мужем, — именно Дарья помогла собрать сведения о родственниках её бывшего супруга. Те сами не пошли на контакт, а она сделала эту работу за них, проявив невероятное понимание и чуткость.

Особую, ни с чем не сравнимую роль в этой работе сыграла Алеся Шмидт. Хочу от всей души поблагодарить её — без её участия эта история семьи просто не сложилась бы. Алеся шаг за шагом собирала целую ветвь родословной, искала родственников, выходила с ними на связь, делилась контактами и присылала фотографии. Каждая из них словно открывала новую страницу прошлого. Благодаря её внимательности и неравнодушию удалось собрать столько ценных сведений и найти людей, до которых мне самому было не дотянуться. Это не просто данные — это живые нити, которые снова соединяют семью. Спасибо, Алеся, за твоё время, терпение и искреннее желание помочь!

Оказалось, что самое сложное — не в архивной пыли и не в выцветших чернилах, а в том, чтобы достучаться до людей, попросить их поделиться тем, что хранится в семейных аль-

бомах и в памяти. И потому каждое сообщение, каждый присланный снимок, каждая рассказанная история — это настоящий дар.

А сам поиск в архивах — это отдельный труд, который постороннему человеку трудно представить. Я просмотрел больше девяти тысяч страниц. И нередко возвращался к одним и тем же листам по нескольку раз: искал малейшую зацепку, любую деталь, которая могла бы связать разорванные линии рода. Бывало, что метрической записи о смерти не было, а в исповедной ведомости вдруг встречалась строчка: «супруга — вдова». И тогда приходилось заново перечитывать исповедные ведомости год за годом, чтобы найти тот самый год, когда человека перестали записывать. Это кропотливая работа: шаг за шагом, лист за листом.

Нередко главным препятствием становился почерк. Не одну ночь я провёл, разбирая едва различимые буквы, пытаясь угадать, какое слово скрывается за витиеватыми росчерками. Иногда выручали старые справочники и интернет: я искал, какие вообще встречались имена в те годы, и по буквам собирал слово заново. Так, например, мы долго не могли понять, что написано в причине смерти: «умер от катара желудка». Лишь спустя неделю поисков я нашёл объяснение: именно так в те времена фиксировали болезни, и читатель моей книги не должен теряться в догадках. Поэтому в книге я решил пояснять такие формулировки — рассказывать, что значили эти слова и как их понимали современники. Пусть

читатель, как и я, сможет заглянуть за сухие строчки и увидеть живую картину.

А ещё в документах встречались имена, о которых мы раньше и не слышали: Феопемпт, Амфилохий, Стахет, Полуект. Древние, почти забытые имена, которые в метрических книгах писались непривычно, а иной раз и вовсе искажались переписчиком. Их было особенно трудно распознать: нужно было сверяться со святцами, искать варианты написания, проверять, не ошибка ли это. Но именно в таких деталях и прячется дух времени.

Изначально мне хотелось, чтобы рядом с каждой записью о рождении, браке или смерти читатель мог увидеть и сам документ — оригинал, откуда взята информация. Хотелось дать возможность буквально заглянуть в ту самую страницу метрической книги, почувствовать её возраст, разглядеть почерк писаря, рассмотреть печать. Но быстро стало ясно: если вставлять все документы прямо в текст, книга разрастётся до тысячи страниц, и тогда придётся жертвовать главным — словом, историей, атмосферой. Факты вытеснят живое повествование, а сухие строки заглушат голоса предков.

Мне хотелось уместить всю историю в одном томе. Но очень скоро стало ясно: одну книгу написать не получится. Слишком много судеб, слишком глубоко уходят корни, и слишком важно не спрессовать жизнь поколений в сухие списки. Так родилась новая структура.

Теперь повествование разделено на два тома о людях. В первом томе — история первых пяти поколений: от тех самых первых Щепёткиных в Сургуте до их ближайших потомков, тех, чьи судьбы сложились на переломе эпох. Во втором томе — шестое по десятое поколения: люди, чья жизнь пришлась на бурные десятилетия XX века, на перемены, которые ломали привычный уклад, но не смогли стереть память о роде.

Параллельно с этими томами остаётся фундамент книги — том «Источники». Здесь собраны все ссылки на архивы, шифры фондов, номера дел и листов, полные тексты документов, выписки, сканы. Любой читатель, который захочет проверить данные или погрузиться в первоисточники, найдёт здесь всё необходимое.

Том — фотографии и семейные альбомы. В нём — лица рода Щепёткиных: портреты, групповые снимки, старые фотокарточки, виды мест, связанных с семьёй. Это визуальная память, которая дополняет слово и возвращает именам черты и взгляды.

Дорогой читатель, эта книга — мой способ сказать спасибо предкам. За то, что они выживали в пожарах и морозах, растили детей, хранили память, передавали её дальше. И отдельное спасибо всем ныне живущим, кто откликнулся, кто не пожалел времени, кто открыл свои семейные архивы и свои воспоминания. Без вас эта книга была бы неполной. Благодаря вам прошлое обрело живые голоса, а род Щепёт-

киных стал не просто списком имён, а настоящей семьёй, раскинувшейся сквозь века. Я приглашаю тебя пройти вместе со мной по этим страницам, услышать эти голоса и увидеть, как история большой страны складывается из судеб простых людей. Из судеб Щепёткиных.

М. П. Щепёткин

Как пользоваться книгой

Эта книга задумана не просто как сборник историй, а как живой инструмент памяти: чтобы вы могли легко находить нужных людей, понимать, как они связаны между собой, и видеть, как судьбы Щепёткиных вплетаются в историю города и страны. Ниже — простая инструкция, которая поможет ориентироваться в тексте и источниках.

Коды персонажей: как читать и зачем они нужны

Каждому человеку в книге присвоен уникальный код вида БЩ-П1-001 или ИЩ-П1-001. Он стоит рядом с именем при первом упоминании и помогает сразу понять, кто перед вами.

Расшифровка кода:

Первые две буквы — ветка рода.

БЩ — ветка от Бориса (крестьянская линия).

ИЩ — ветка от Ильи (мещанская линия).

Так вы сразу видите, к какой основной ветви относится человек и какой социальный уклад определял его быт и документы.

П1 — первое поколение в этой ветке (основатель линии).

П2 — его дети.

П3 — внуки, и так далее.

Это удобно, когда нужно быстро найти «своё» поколение или сравнить судьбы людей одного возраста в разных ветках.

001 — порядковый номер внутри поколения.

Если в поколении П3 в ветке БЩ несколько человек, они будут идти как БЩ-П3-001, БЩ-П3-002, БЩ-П3-003 и т. д. Нумерация сквозная по поколению и ветке.

Зачем это нужно:

Чтобы быстро находить людей при повторном чтении.

Чтобы сопоставлять их с генеалогическим древом и источниками.

Чтобы не путать однофамильцев из разных веток: даже если имена совпадают, коды сразу покажут, кто есть кто.

Структура томов и логика отбора персонажей

Книга состоит из нескольких томов, каждый со своей задачей:

Том 1 «Люди: 1–5 поколения». Судьбы первых пяти поколений: быт, переезды, браки, рождение детей, причины смерти по документам. Фокус — на тех, кто дал потомство.

Том 2 «Люди: 6–10 поколения». Поколение XX века: перемены, миграции, новые профессии, испытания времени.

Том «Источники». Архивные ссылки: фонды, описи, де-

ла, листы. Для каждой персоны есть точная ссылка, чтобы любой желающий мог проверить факт.

Том «Фотографии и альбомы». Визуальная память: портреты, групповые снимки, виды мест, связанных с семьёй.

Кто включён в повествование:

Только те, кто продолжил род (у кого были дети).

Имена без отдельной главы (без потомства) встречаются в связях: как братья, сёстры, дяди, тёти и т. п. Все родственные линии сохранены.

Такой подход позволяет не размывать фокус и рассказывать именно о тех, чьи судьбы стали основой для следующих поколений.

Практические подсказки для чтения

Чтобы найти человека: ориентируйтесь на код (БЩ/ИЩ + поколение), затем ищите в нужном томе о людях и проверяйте факты в томе «Источники».

Чтобы проследить линию рода: начните с основателя ветки (П1) и двигайтесь по поколениям — так будет видно, как менялся быт, профессии и места жительства.

Если встретите редкое имя (Феопемпт, Амфилохий, Стахет, Полуект) — в тексте всегда есть пояснение о происхождении и вариантах написания.

Если формулировка непонятна — смотрите словарь терминов в конце книги.

Об иллюстрациях

Все изображения созданы с помощью нейросетей. Лица на них — художественная интерпретация, а не портреты реальных людей. Цель — передать дух эпохи и типичные сцены из жизни сургутских мещан и крестьян, а не реконструировать конкретных предков. На каждой странице с иллюстрацией есть соответствующая пометка.

Словарь терминов: как в метрических книгах писали о причинах смерти

Читая старые метрические книги, важно помнить: формулировки там — не современные медицинские диагнозы, а привычные для того времени слова, которыми приходские священники и писари фиксировали утрату. За каждой такой фразой стоит своя бытовая картина: холод, тяжёлый труд, скудное питание, отсутствие привычной нам медицины. В книге я стараюсь раскрывать эти формулировки, чтобы читатель не спотыкался о непонятные слова, а видел за ними реальную жизнь предков.

«Умер от катара желудка» — так в XIX веке привычно обозначали воспаление слизистой и тяжёлые расстройства пищеварения. Для семьи это нередко означало долгое недомогание на фоне плохого питания и постоянных нагрузок, а для врача или фельдшера в небольшом поселении — ограни-

ченные возможности помочь. В тексте я поясняю такие фразы, чтобы современный читатель понимал, о чём идёт речь, и не искал буквальных соответствий в нынешних справочниках болезней.

«Скончался от старости» — самая спокойная и в то же время самая человечная формулировка. Её ставили, когда человек доживал до преклонных лет, и смерть воспринималась не как внезапная трагедия, а как естественный итог долгой жизни. Рядом с такой записью в книге я даю возраст и немного контекста: сколько десятилетий этот человек прожил, какие перемены он застал, чем запомнился семье.

«Умер от горячки» — общий термин, который покрывал множество состояний с высокой температурой и лихорадкой. Под «горячкой» могли подразумевать всё что угодно: от обычной простуды с осложнениями до тяжёлых инфекций, распространённых в те годы. Важно, что для современников это слово было понятным и достаточным: оно сразу объясняло, что человек долго и тяжело болел. В повествовании я стараюсь уточнять, в каких условиях это происходило: была ли эпидемия в округе, как лечили, кто ухаживал.

«Инфлуэнца» — именно так в документах конца XIX — начала XX века нередко фиксировали грипп. Слово пришло из медицинской лексики и было узнаваемым для писарей и врачей того времени. Для жителей небольших поселений такая болезнь могла быть особенно опасной: из-за скученности, холода и недостатка ухода инфекция быстро рас-

пространялась и давала тяжёлые осложнения. В книге, когда встречаю эту формулировку, я рассказываю, как эпидемия могла затронуть деревню или улицу, и что в тот момент могли сделать для больного.

«Родимец» — устаревшее, но широко употреблявшееся в народной речи и иногда попадавшее в документы обозначение судорожных состояний, в том числе эпилептических припадков или тяжёлых нервных расстройств. В быту это слово несло сильный эмоциональный оттенок: оно описывало внезапное, пугающее состояние, перед которым семья часто оказывалась беспомощной. В тексте я стараюсь показать не только медицинский контекст, но и то, как близкие воспринимали такие приступы, как пытались помочь и какими средствами располагали.

«Супруга — вдова» (в исповедной ведомости) — это не запись о смерти, а косвенный признак, который помогает установить год ухода человека из жизни. Если в исповедных ведомостях муж ещё записан в одном году, а в следующем его уже нет, а жена указана как «вдова», это надёжный ориентир. В работе над родословной такие пометки не менее важны, чем метрики: они помогают «поймать» дату, когда прямых записей не сохранилось. В тексте я объясняю, как именно по таким деталям восстанавливают хронологию и почему такие источники ценны.

Бывали случаи, когда причину смерти в метрической книге не указывали вовсе, но рядом появлялась пометка, связан-

ная с полицией. Такие записи обычно означали, что смерть носила необычный характер и требовала официального внимания: это могло быть подозрение на несчастный случай, насильственную смерть либо обстоятельства, нуждавшиеся в проверке. Для исследователя такая пометка — важный сигнал: она направляет к другим источникам, прежде всего к делам полицейского управления и следственным материалам, где можно найти подробности. В книге я отмечаю такие случаи и рассказываю, в какие фонды и дела стоит заглянуть, чтобы восстановить картину.

Важные особенности написания имён и отчеств в старых документах

В метрических книгах многое выглядит непривычно, и это часто сбивает с толку, если пытаться искать предков по современным правилам написания. Ниже — самые частые расхождения, которые я учитываю в книге и о которых полезно знать читателю.

Отчества раньше писали иначе. В документах нередко встречается не привычное нам «Петрович», а «Петров», не «Гаврилович», а «Гаврилов». Это не ошибка и не сокращение: так в бытовой и канцелярской практике той эпохи фиксировали патронимы. Если отца звали Гавриил, то сына могли записать как «Гаврилов сын» или просто «Гаврилов» в графе «отчество/происхождение». В книге я везде привожу имена и отчества в современном виде (например, «Гаврило-

вич»), чтобы читателю было проще воспринимать текст, но в ссылках на архивные листы указываю именно ту форму, которая стоит в оригинале, — так любой желающий сможет найти нужную запись.

Имена часто писали с вариациями и ошибками. Писарь мог торопиться, плохо разобрать устное произношение или использовать устоявшийся вариант написания, который сегодня выглядит как опечатка. Например, вместо «Евдокия» встречается «Евдакия», и это одна и та же святая, просто записанная по-разному. То же касается и других имён: формы могли отличаться из-за особенностей местного говора, почерка или просто привычки конкретного писаря. В книге я унифицирую имена до современного нормативного написания, но в архивных справках сохраняю оригинальную орфографию: она важна для точного поиска.

Редкие и непривычные имена — Феопемпт, Амфилохий, Стахет, Полуект — тоже часто искажались. Они были календарными, то есть давались по святцам, и писарь мог записать их по-разному: с ошибками, сокращениями или на свой лад. Поэтому в книге рядом с такими именами я даю варианты написания, происхождение и пояснение, как их правильно читать и понимать.

Я старался по максимуму адаптировать текст к современному языку, чтобы читать было легко, а имена звучали привычно. Но при этом ни одна архивная ссылка не теряет точности: в томе «Источники» вы увидите ровно те формули-

ровки и написания, которые стоят в подлинных документах. Так удаётся совместить удобство чтения и надёжность фактов.

Эти слова и формулировки — не просто архивная лексика. Это язык эпохи, через который предки рассказывали о себе и своих близких. Моя задача — помочь читателю услышать этот голос, не теряя ни смысла, ни человеческого тепла, которое стоит за каждой строкой метрической книги.

Истоки рода

У каждого рода есть своя точка отсчёта. Для Щепёткиных она уходит не в Тундрино и не в Сургут, а гораздо дальше на север и на запад — на Пинегу, в Поморье, в Кеврольский уезд Архангельской земли. Именно там, в документах XVI–XVIII веков, впервые звучит наша фамилия.

Второе поколение нашего рода, о котором пойдёт речь в этой главе, — прадед писца, мещане, мальчики купцов. Но прежде, чем рассказать о них, нужно сказать о том, откуда вообще взялись Щепёткины — и почему они, крестьяне с Пинеги, оказались в Сибири.

Об этом написал в 1983 году ленинградский историк Н. П. Воскобойникова — статья «Род крестьян Щепоткиных» в пятнадцатом выпуске сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» (стр. 129–140) [Воскобойникова]. Это почти всё, что сегодня известно о древнейших Щепоткиных: переписные и писцовые книги, таможенные книги Мангазеи,

Устюга Великого, Якутского острога, челобитные, межевые книги. Островок архива — и целая судьба за ним.

Федосей Щепотка и его сыновья

Родоначальником Щепоткиных был некий Федосей Леонтьев сын Щепотка. По его завещанию старший сын, Нехлюд, должен был наследовать деревню Земцово; второй сын, Еремей, — деревню Гриневскую; третий, Данила Ушак, — деревню Тупиковскую. Так род поделил землю — ещё до того, как его имя попало в писцовые книги.

Земли Щепоткиных лежали в Кеврольском уезде — по волостям Карпова Гора, Покшеньга, Шатогора. Разбросанность владений — не странность, а примета Поморья: крестьяне там свободно покупали и продавали землю, и в их деревнях стояли дворы, где жили сами хозяева или их половники — наёмные работники, которых «ставили» на свой двор. В первой четверти XVII века на веденецких землях Щепоткиных стояло одиннадцать дворов, в них жило шестнадцать человек мужского пола — около пяти вытей, «пол-пол-пол-три сохи» сошного письма. С этих земель платили около тридцати рублей данных денег — немалые деньги для крестьянского рода.

Центром владений была волость Карпова Гора. Там, в конце XVI или начале XVII века, построили церковь Воскресения — и в документах сказано о ней прямо: «свечи, и книги, и колокола, и все церковное строение Щепоткиных». Крестьяне, которые строят церковь всем миром, а церковное

строение числят за собой, — это уже не простые пашенные люди. Это род, который поднялся.

Нехлюд Большой и Данила Ушак упоминаются в числе выборных судей: в 1590–1600 годах они разбирали спор о владении землёй между крестьянами Веркольской и Кушкопальской волостей. Снова примета достойного рода: крестьяне, которым община доверяет судить чужие земли.

Земля, крест, цена земли

В писцовой книге 1623 года в Кеврольском уезде числятся дворы только внуков Федосея Леонтьева — Семена Нехлюдова, Ивана Данилова и Назара и Семена Еремеевых, живших в деревнях, перешедших к ним от отцов. Так и живут роды: делили между сыновьями, а внуки унаследовали то, что отцы сумели сохранить.

Но уже в 1626/27 году Богдан Щепоткин получил на свои владения список с сотной. А к середине XVII века началось запустение. В ответ на челобитье Щепоткиных кеврольскому воеводе была послана грамота — предписывалось собирать налоги с их земель по сошному письму с живущего: то есть считать налог не с той земли, что была, а с той, что живёт. По переписной книге 1646 года за Щепоткиными осталось лишь пять жилых деревень с шестью дворами и одиннадцатью людьми мужского пола; население остальных дворов «сошло в 150 году в Сибирские города и дворы свои покинули пустые от хлебного недороду».

Сибирские города. Это словосочетание из документа

XVII века — и это же ключ ко всей нашей дальнейшей истории. Род, который с Пинеги, от хлебного недороду, уходил в Сибирь, — и рассыпался по сибирским городам и острогам: Мангазея, Туруханск, Якутск, Нарым, Илим, Верхотурье, Тюмень. Кеврольский уезд оставался родиной, но работала семья уже в Сибири — и среди этих уходивших были Щепоткины.

Уход в Сибирь: Мангазея, Туруханск, Якутск

Братья Моисей, Семен и Дружина Ивановы — сыновья Ивана Данилова — все занимались торгами и промыслами и, по-видимому, большую часть жизни провели в Сибири. Имя Моисея Щепоткина с Пинеги упоминается в 1625/26 годах в челобитной торговых и промышленных людей мангазейского города Тазовского. Имена двух других братьев встречаются в таможенных книгах Мангазеи за 1629/30 год: записи о взыскании пошлин с Дружины и Семена Щепоткиных, о регистрации коча Дружины с товарами на сумму 489 рублей, об уплате поголовного и «семи сороков» с двадцати шести соболей. Братья снаряжали на свои средства покрученников на соболиные промыслы: в 1629 году Семен отпустил на промыслы тринадцать человек «ужнишек с товарищи», в 1630-м они снарядили покрученников на Тунгуску и при разделе добычи получили семь сороков соболей, в том же году отправили на Русь восемь сороков. В июле 1630 года Дружина уехал из Тазовского города на Енисей, в Туруханское зимовье, — а в мае 1631-го был выбран целовальником в та-

можню «для сбора десятой соболиной казны в Туруханске и на Енисейском волоке». В 1641 году Дружина ездил с приказчиком своего двоюродного брата, гостиной сотни Богдана Щепоткина, через Верхотурье и Тюмень — для закупки хлеба, вероятно, для соболиных промыслов. В 1655/56 году Дружина продал свой жеребей деревни и с сыном Степаном уехал в Сибирь — окончательно.

Младшие ветви рода пошли ещё дальше на восток. Семен, служивший в Нарымском остроге, в 1645 и 1648 годах был подьячим Нарымской приказной избы; в 1656-м — приказчиком пашенных крестьян Нарымского острога. Трофим Селиверстов в 1661/62 годах был в числе служилых людей, посланных в Жиганское зимовье; в 1670-м ходил на реку Алазею. Павел Селиверстов в 1678 году был послан в Илимский острог для доставки хлебных запасов в Якутск, годами служил приказчиком на Усть-Витиме и Пеледуе, в 1690-м — выдельщиком десятинного хлеба по Усть-Кутской, Криволуцкой и Верхне-Киренской волостям. Лаврентий Кузьмин получил в 1663 году проезжую грамоту на Колыму и плавал морским путём Якутск — Колыма. Харитон Кондратьев служил на Охоте в 1640-х — начале 1650-х и на Анадыре в конце 1650-х.

Прочитайте эти названия вслух: Мангазея, Туруханск, Тунгуска, Якутск, Жиганы, Алазея, Илим, Усть-Кут, Витим, Пеледуй, Колыма, Охота, Анадырь. Это карта сибирской мечты XVII века — той самой, на которой наша страна вы-

росла на восток. И среди тех, кто эту карту прошёл, — крестьяне с Пинеги, по фамилии Щепоткины. Уходя в Сибирь, они делали то же, что потом, тремя веками позже, делали сибирские Щепёткины — те, что жили в Тундрино: ловили рыбу, охотились, торговали пушниной, служили. Просто они делали это в первый раз — на самом переднем крае русской колонизации.

Богдан: крестьянский сын в гостиной сотне

Самая яркая фигура ранних Щепоткиных — Богдан Семенов, крестьянский сын из деревни Власовской, ставший купцом гостиной сотни Московского государства. По окладному списку гостей гостиной и суконной сотен 137 года (то есть 1628/29 года) Богдан Щепоткин с двумя братьями платил по восемь алтын две деньги — налог, который платили только люди верхнего торгового слоя.

В 1623/24 и 1627/28 годах Богдан с другими торговыми людьми покупал в Холмогорах на государевы нужды шёлковые ткани и доставлял их в Москву. В 1637-м он был головой соболиной казны Сибирского и Казанского приказов — составлял ценовные росписи мягкой рухляди, поступавшей из Сибири. В 1641/42 и 1646 годах — таможенным и кабацким головой в Холмогорах. В 1654-м — дьяком Приказа книгопечатного дела. Богдан Щепоткин вел крупную торговлю с Сибирью: посылал туда своих братьев и приказчиков с русским товаром и вывозил оттуда пушнину. В 1622 году по его челобитью дана была грамота в Сибирь, в которой «ве-

лено братьев ево Юрия и Володимера в Сибирь на Верхотурье пропущать для хлебных покупки». В 1641-м — проезжая грамота «для промыслу». Он отправлял в Мангазею запасы мёда, посылал приказчиков через Верхотурье и Тюмень для закупки хлеба, через Камень на Обдорь — с товаром. Находясь в Москве, он сам платил налоги со своих земель в Кеврольском уезде — и снабжал деньгами Приказ новгородской четверти, получая возмещение из кеврольских кабацких доходов.

Но у успеха была и оборотная сторона. В мае 1645 года по его же челобитью в Кевролу была послана грамота — братьям и племянникам велено было доправить оброчные деньги за стрелецкие запасы и прислать в Москву. А они не платили: «государеву указу учинились сильны и непослушны». Когда для доправки дани к ним был послан пристав, то и тогда не заплатили — «а им заплатить есть чем»: они посеяли в Кеврольском уезде всякого хлеба с полутораста четверти. Крестьяне, ставшие богатыми, — но не забывшие, чьи они и чьи деревни.

Сын Богдана, москвич гостиной сотни Иван Щепоткин (он же Иван Елисеев), продолжал торговые дела отца. В 1643/44 году он купил в Устюге у Меркурия Обухова пятьдесят семь сороков соболей на сумму 2250 рублей — сделка такого масштаба, что её записали в таможенные книги Устюга Великого отдельно. В 1653/54 году через Тотьму проплыл карбас Ивана Щепоткина. В 1654-м он жил в Москве и разъ-

езжал по торговым делам в Архангельск и другие города; с 1655 по 1661 год был дьяком Приказа книгопечатного дела — вел приходо-расходные книги, заведовал продажей и рассылкой изданий. Именные грамоты, варницы на Кулойском посаде, соленое озеро в оброчном владении — всё это уже купечество, а не крестьянский двор. По завещанию умершего в конце 1661 или начале 1662 года Ивана Щепоткина деревня Савинский Починок с солёным озером и варничным местом перешла его двоюродным братьям Ждану и Константину Кондратьевым.

Возвращение и расслоение

Не все уходили в Сибирь навсегда. Из всех детей Селиверста, по-видимому, вернулся на родину только Андрей Селиверстов — и в писцовой книге 1686 года он значится владельцем одной из четырёх лавок в Кевроле: раз в неделю он торговал в ней мелким щепетильем. Щепоткин — торговец щепетильём. В этой игре слов род как будто сам себя описал.

Вернувшиеся из Сибири Щепоткины уже не были прежними крестьянами: они стали торговцами, промышленниками, служилыми людьми. Род расслоился. Часть осталась в деревнях Кеврольского уезда — пахала, косила, ловила рыбу, судилась о сенных покосах и рыбных ловлях, закладывала и выкупала дворы, «ходила по миру» после неурожаев. Часть сделала карьеру в Москве и в сибирских городах. Часть ушла в Петербург: по переписной книге 1718 года один из сыновей Аникея Юрьева «сшел в Санктпетербург» — ве-

роятно, на строительство города, а второй «сшел ради учения словестного в монастыри».

В истории рода Щепоткиных, как писала Воскобойникова, нашли отражение многие явления русской действительности конца XVI — начала XVIII веков: рост имущественного неравенства в деревне, перерастание его в социальное расслоение, отрыв крестьянства от земли, заселение и освоение русскими крестьянами и промышленниками Сибири, участие населения Поморья в строительстве Петербурга, комплектование русской армии. Щепоткины прошли через всё это — и в этом смысле их история повторяет историю всей крестьянской России той эпохи.

От Пинеги до Оби: одна фамилия, две истории

Теперь — осторожно, без натяжек. Можно ли считать тундринских Щепёткиных — Петра Гавриловича, Иоанна, Александра, Григория — потомками пинежских Щепоткиных? Доказательств нет. Метрики Тундрино начинаются с XIX века, и ни один документ не связывает сургутских Щепёткиных с Кеврольским уездом.

Но совпадений слишком много, чтобы пройти мимо. Во-первых, сама фамилия — редкая: Щепоткины встречаются в источниках по считанным ветвям, и одна из них — именно пинежская. Во-вторых, сибирский маршрут: пинежские Щепоткины уходили «в Сибирские городы» уже с начала XVII века, селились по Верхотурью, Тюмени, Тобольску, Нарымскому острогу — то есть в тех самых землях, из которых по-

том, двумя веками позже, вышел наш род на Оби. В-третьих, уклад: рыбаки, промысловики, охотники, торговцы пушниной — и у пинежских, и у тундринских Щепёткиных это одна и та же стихия. В-четвёртых — и это, пожалуй, главное — сама судьба совпадает по рисунку: крестьянский род, который через Сибирь двигался на восток, к воде, к рыбе, к промыслу, — и в каждом поколении у него были люди, которые «шли вперёд»: приказчик, целовальник, связист, счетовод, врач.

Можно сказать и проще. Щепотка — это не случайное прозвище. Слово «щепоть» — это ладонь, сложенная горстью, которой черпают воду, берут соль, отсчитывают зерно. Щепотка — это тот, кто берёт немного, но берёт постоянно; кто живёт от реки, от промысла, от руки. Имя, которое род носил с Пинеги, в Сибири, на Оби, — работяга с открытыми руками.

И — правда ли родство или совпадение фамилий — пинежская история всё равно важна для нашей книги. Она показывает, какой была исходная матрица Щепоткиных: не дворяне и не купцы, а крестьяне, у которых была земля, церковь, дело и талант договариваться. Она показывает и главный закон рода, который потом повторится и на Оби: Щепоткины всегда были людьми при деле — у реки, у счёт, у карты, у станции связи. И всегда — людьми, которые уходили туда, где труднее, но нужнее.

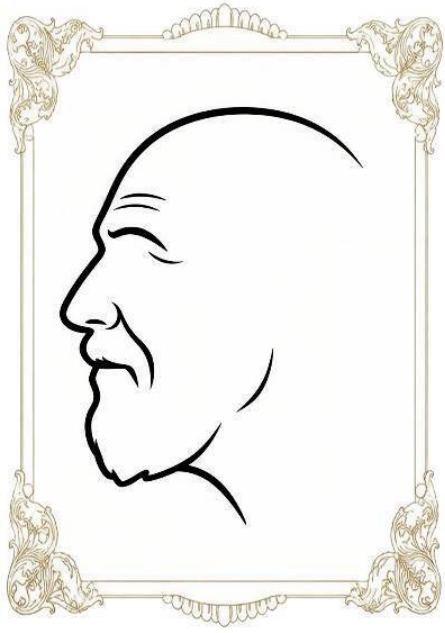
Поэтому главу о происхождении рода мы начинаем с Пи-

неги — и заканчиваем Обью. Расстояние между ними — тысячи вёрст и триста лет. Но фамилия — одна.

ИСТОЧНИК

Воскобойникова, Н. П. Род крестьян Щепоткиных / Н. П. Воскобойникова // Вспомогательные исторические дисциплины. — Вып. XV. — Ленинград : [изд-во], 1983. — С. 129–140.

Поколение
1

Щепёткин Борис

Годы жизни: 1705 - 1769

Место жительства: г. Сургут

РОДИТЕЛИ:

Отец: Неизвестно *Мать:* Неизвестно

Годы жизни: _____ *Годы жизни:* _____

СУПРУГ(А)

_____

_____

Щепеткин Борис 1705 - 1769 год

У каждого рода есть человек, с которого начинаются документы. До него — только фамилии, предания и догадки. Для нашей линии Щепёткиных этот человек — Борис. В списках рода он значится под кодом БЩ-П1-001: первая позиция, первое поколение сургутской линии. Всё, что дальше — Пётр и Ермил, Иван и Григорий, Сергей и Станислав, — растёт из него, как река из истока, в котором ещё не видно ни ширины, ни направления.

Пинежский исток

Прежде чем говорить о Борисе, нужно вспомнить, откуда пришёл род. В предыдущей главе мы проследили Щепоткиных до Пинеги: Федосей Леонтьев сын Щепотка, его сыновья и внуки, церковь Воскресения на Карповой Горе, уход «от хлебного недороду» в Сибирские города. Пинежье издавна славилось «промышленными людьми» — крестьянами, которые ходили за пушниной в Мангазею и на Обь, знали речные пути и суровые условия Севера. Для поморских крестьян Сибирь была не чужой землёй, а продолжением привычного промыслового пространства: те же реки, та же зима, тот же соболь.

Со временем часть рода Щепоткиных осела в ключевых пунктах Обского бассейна — в Сургуте, Берёзове и Томске, где можно было сочетать промыслы с крестьянским хозяйством и казёнными работами. Именно так появился в Сур-

гуте и Борис — как представитель этой северной крестьянской традиции, умевшей выживать и хозяйствовать на границе освоенного мира. От него пошёл огромный род, доживший до наших дней: потомки разъехались по всей России — в Томск, Берёзов, Ханты-Мансийск, Тундрино, Сытомино, Тюмень и даже в Москву.

Родство Пинежских Щепоткиных и сургутского Бориса — гипотеза, о которой мы говорили в предыдущей главе: документальной связи нет, но совпадения — редкая фамилия, промысловый уклад, сибирский маршрут — слишком выразительны, чтобы пройти мимо.

Сургут начала XVIII века

Борис Щепёткин — первый документально зафиксированный представитель рода в Сургуте. Его возраст зафиксирован в ревизской сказке 1782 года (4-я ревизия): 58 лет «на последнюю ревизию», то есть на 1764 год. Отсюда расчётный год рождения — около 1706-го.

Сургут того времени оставался небольшим пограничным городом-острогом. По данным, направленным в Сенат в 1724 году, в городе насчитывалось 183 служилых человека: два сотника, три пятидесятника, восемнадцать десятников, сто шестьдесят казаков и пушкарей; верхний слой составляли два дворянина и семь детей боярских. Крестьянского населения в Сургуте на протяжении первых двух веков его существования практически не было — эту особенность раннего заселения города отмечает и научная литература.

Основу жизни составляли служба, рыбная ловля и сбор ясака с коренного хантыйского населения; хлеб и многие припасы приходилось завозить с юга, из Тобольского уезда.

К середине XVIII века гарнизон сократился примерно до ста человек, а всё население Сургута, вместе с семьями служилых и немногочисленными крестьянами, едва достигало четырёхсот человек. Появление крестьян в эти годы было связано с постепенным хозяйственным освоением края: гарнизону и администрации нужны были продукты, дрова, извоз — и кто-то должен был это поставлять.

Государственные крестьяне, к которым принадлежал Борис, не были крепостными, но несли тягло в пользу казны: платили оброк, выполняли подводную и дорожную повинности, участвовали в заготовках. Их переселение и приписка к уезду могли происходить по-разному: по распоряжению властей, по собственной челобитной о поселении на свободных землях или как следствие хозяйственных связей с уже живущими в крае людьми. Каким из этих путей пришёл в Сургут Борис — документы не говорят. Но фактическая картина ясна: государственный крестьянин на краю освоенного мира, в городе, где крестьянин был редкостью и потому был нужен всем.

Брак и семья

Жену Бориса звали Авдотья Фёдоровна (около 1723–1794), уроженка Сургута. О её местном происхождении прямо свидетельствует пометка «старинная города Сургута» в

ревизских сказках — так называли роды, давно обосновавшиеся в городе и известные местной администрации. В ревизской сказке 1782 года ей указано 40 лет «на последнюю ревизию» (1764), в 1795 году — 59 лет.

Точный год венчания неизвестен. Учитывая возраст супругов и год рождения старшего сына Петра (около 1738-го), брак, вероятно, был заключён в конце 1730-х годов. Венчали в Троицкой церкви — единственном храме Сургута, служившем духовным и административным центром города. В условиях небольшого поселения, где все знали друг друга, брак был не только личным союзом, но и хозяйственным объединением: мужчина отвечал за промыслы и повинности, женщина — за избу, огород, заготовку рыбы и дикоросов, переработку сырья.

В браке у Бориса и Авдотьи родилось двое сыновей — Пётр и Ермил.

Дети Бориса и Авдотьи

БЩ-П2-001 — Пётр Борисов Щепёткин (около 1738–1785) — прямой продолжатель линии рода. В ревизской сказке 1782 года ему указано 28 лет «на последнюю ревизию» (1764); в 1795 году сведения о нём даны уже через статус вдовы Фёклы Гавриловны и возрастные данные детей — значит, к той ревизии Петра не стало.

Пётр был женат на Фёкле Гавриловне (около 1749–1806), тоже «старинной города Сургута». В ревизии 1782 года ей указано 14 лет «на последнюю ревизию» (1764), в 1795 году

— 33 года; позднее — 46 лет как вдове.

Дети Петра и Фёклы, рождённые после 1764 года, впервые учтены в ревизии 1782 года:

- Иван Петров Щепёткин (около 1772–?) — в 1782 году 10 лет, в 1795 году — 23 года;
- Никифор Петров Щепёткин (около 1776–1784) — в 1782 году 6 лет, умер в 1784 году;
- Семён Петров Щепёткин (около 1779–?) — в 1782 году 3 года, в 1795 году — 16 лет;
- Павел Петров Щепёткин (около 1782–?) — в 1782 году «40 недель», в 1795 году — 14 лет.

В ревизии 1795 года дополнительно учтены рождённые после 1782 года:

- Прокопий Петров Щепёткин (около 1786–?) — 9 лет;
- Настасья Петрова Щепёткина (около 1783–?) — 12 лет.

Четыре сына и дочь. Никифор умер ребёнком — и это тоже правда рода XVIII века: детская смертность косила семьи без разбора, и ревизии фиксировали это так же сухо, как рождение. От Петра пойдёт основная линия потомков, которую мы прослеживаем в этой книге.

БЩ-П2-002 — Ермил Борисов Щепёткин (около 1744–?) — младший сын Бориса и Авдотьи. В ревизской сказке 1782 года он указан холостым: 21 год «на последнюю ревизию» (1764), в 1795 году — 40 лет, позднее — 53 года.

В ревизии 1795 года Ермил учтён отдельной страницей как государственный крестьянин; рядом с ним указана мать Авдотья Фёдоровна (59 лет) с пометкой «умре в 1794 году».

Ермил в разные годы фиксировался как подворник — то есть проживавший и работавший на чужом дворе за кров и пропитание либо за долю в хозяйстве. В разных источниках он записан подворником у атамана Тимофея Ивановича (имя и фамилия в документе частично неразборчивы), у Ивана Петровича и у Семёна Петровича — в двух последних случаях с пометкой «у племянника». Ермил жил на дворах родных племянников — сыновей старшего брата.

Статус подворника отражал ограниченную хозяйственную самостоятельность: у Ермила не было собственного двора и земельного надела, а значит, и полноценной тягловой нагрузки. В то же время подворничество позволяло оставаться в общинной структуре, участвовать в промыслах и выполнять повинности. В небольших поселениях подворники делали сезонные работы, помогали в рыбной ловле, заготовке дров, извозе — в том, что было основой экономики Сургута.

Причины такого положения могли быть разными. В

небольшом Сургуте, где женское население оставалось редким, брак был не только личным выбором, но и экономической необходимостью. Ермил мог остаться холостым из-за отсутствия брачных возможностей: невест в городе было немного, а младший сын в крестьянской семье часто оказывался в наименее выгодном положении — без надела и без собственного двора. Возможно также, что дело было в здоровье или характере, не позволявших вести самостоятельное хозяйство. Документы молчат — мы знаем только факт: холостой подворник на чужом дворе, рядом с племянниками.

Судьба Бориса: завершение главы

Борис Щепёткин умер в 1768 году. Точная дата и причина смерти не зафиксированы: метрические книги в Сургуте в это время ещё не велись систематически, а единственные сохранившиеся документы — ревизские сказки — фиксировали лишь факт смерти и год. В ревизской сказке 1782 года Борис указан как умерший, а его возраст на 1764 год (58 лет) перенесён из данных предыдущей ревизии. Это означает, что к 1782 году его не было в живых уже четырнадцать лет, но переписчики сохранили его возраст для учётных целей.

Авдотья Фёдоровна пережила мужа на четверть века — до 1794 года; её смерть отмечена в ревизской сказке 1795 года рядом с данными о сыне Ермиле. Старушка, дожившая до семидесяти с лишним лет в Сургуте XVIII века, — редкость даже по меркам того времени.

Источники

ГАТО (Тобольск). Ф. И154, Оп. 8, Д. 44. Лист 112 Ревизские сказки 1782 года (город Сургут)

ГАТО (Тобольск). Ф. И154, Оп. 8, Д. 277 Лист 42 Ревизские сказки 1795 года (город Сургут)

Пузанов В. Д. Сургутский уезд в конце XVI–XVIII вв. // Вестник угроведения. — 2019. (Данные о численности гарнизона и населения Сургута в 1703, 1724 и середине XVIII века; об отсутствии крестьянского населения в первые два века существования города.)

Pavlov P. N. Об источниках по истории пушного промысла в Сибири XVII–XVIII. // КиберЛенинка. (О пинежских промышленниках в Сибири, системе покруты и пушном промысле.) 5. Русские промыслы // Пушной промысел в Сибири. (О поморских промышленниках, пинежанах и их роли в освоении Сибири.)

Поколение
2

Щепёткин Илья Семёнович

Годы жизни: 1738 - 02.08.1812

Место жительства: г. Сургут

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Семён ИЩ-П1-001

Годы жизни: _____

Мать: Неизвестно

Годы жизни: _____

СУПРУГ(А)

Щепёткина Агриппина Ильина (1739 - 10.06.1810) код: ИЩ-П2-002

Щепёткин Илья Семёнович (≈1738–02.08.1812)

Ранние годы

Об Илье Семёновиче и его семье мы знаем немного, но достаточно, чтобы восстановить контур жизни. О его отце, Семёне, не сохранилось никаких сведений — ни года рождения, ни возраста, ни социального статуса. Его память осталась только в отчестве Ильи, как это часто бывало в сибирских крестьянских родах: человек жил, работал, передавал имя сыну — и исчезал, не оставив следа в бумагах. Можно лишь предположить, что Семён был тем, кто привёз или привёл семью в Сургут, и что он, как и Борис Щепёткин из параллельной линии рода, принадлежал к поморской крестьянской традиции, шедшей из Архангельской земли — из Пинежья, где издавна жили «промышленные люди», ходившие за пушниной в Сибирь.

Первые документально зафиксированные сведения об Илье относятся к ревизской сказке 1782 года (4 я ревизия). Он записан как глава семьи, государственный крестьянин города Сургута, в возрасте 44 лет — что даёт расчётный год рождения ≈1738. Это означает, что Илья и Пётр Борисов Щепёткин из линии БЩ были почти ровесниками: два представителя разных ветвей рода Щепёткиных, одновременно появившихся в Сургуте и одновременно зафиксированных в одной ревизии. В книге эти две линии будут идти параллельно: одна — крестьянская, переходящая в мещанскую

(ИЩ), другая — крестьянская (БЩ). Одновременное появление двух носителей одной фамилии в небольшом городе, где крестьянское население только формировалось, трудно объяснить простым совпадением: возможно, Борис и Семён (отец Ильи) были братьями или двоюродными родственниками, пришедшими в Сибирь из одного пинежского селения.

Чтобы представить, в каком городе жил Илья Семёнович, важно увидеть Сургут не как строчку в ревизии, а как живой, суровый и упрямый северный город. К 1780-м годам Сургут давно утратил черты военной крепости, но ещё не стал полноценным купеческим центром. После пожара 1712 года, уничтожившего укрепления и казённые здания, город отстраивали заново, и к середине XVIII века его облик был преимущественно деревянным. Стены бывшего кремля к этому времени уже не играли оборонительной роли: где-то они осели, где-то были разобраны на дрова или на новые постройки. Остались лишь отдельные башни и участки палисада, напоминавшие о временах, когда Сургут был форпостом освоения Сибири.

Центр города по традиции держался вокруг Троицкой церкви — единственного каменного здания в Сургуте. Она возвышалась над одноэтажной деревянной застройкой и служила не только духовным, но и административным ориентиром: рядом с ней находились городская управа, лавки, амбары, а на площади у церкви собирались для оглашения указов и городских распоряжений. От церкви лучами расходились

нешироки улицы, застроенные избами на высоких подклетах — чтобы зимой снег не заваливал двери, а весной вода не затапливала жильё. Дома стояли плотно, дворы выходили на улицу глухими заборами, а за ними тянулись огороды, сараи, амбары и ледники: в условиях Севера каждая хозяйственная постройка имела значение.

По берегам Оби тянулась пристань и рыбные тони: именно здесь кипела главная экономическая жизнь города. У воды стояли коптильни, сушильни для рыбы, склады для пушнины и бочек с солениями. Рыбный промысел был основой благосостояния многих семей: невод тянули всем двором, рыбу солили, коптили, вялили, везли на продажу в Тобольск и дальше. Зимой, когда Обь вставала, по льду шли обозы, и извоз становился главным заработком: доставка почты, казённых грузов, купеческих товаров. Именно этот ритм — речной, промысловый, сезонный — и определял жизнь Ильи Семёновича и его соседей.

Сургут, в котором Илья жил и вёл хозяйство, к 1780-м годам оставался небольшим уездным городом с населением около 400–500 человек. В 1782 году, когда проводилась 4 я ревизия, было учреждено Тобольское наместничество — Сургут стал уездным городом, что несколько изменило структуру управления, но не облегчило жизнь государственных крестьян. Они по-прежнему несли тягло: подушную подать, подводную и дорожную повинности, казённые заготовки. Хозяйство строилось на рыбной ловле, заготовке

дров, огородничестве и обработке пушнины; хлеб завозили с юга Тобольского уезда. Светских школ не было, грамотность оставалась редкостью.

Именно в этом ритме городской окраины и складывалась динамика рода: семья прочно «осела» в Сургуте, её экономика всё меньше зависела от пашни и всё больше — от городских и речных промыслов. Эта хозяйственная логика и станет главным объяснением того перелома, который произойдёт между ревизиями: переход от крестьянского тягла к мещанской самостоятельности был не формальностью, а отражением реального образа жизни семьи.

Сословный переход: от крестьянина к мещанину

Одна из самых значимых деталей в судьбе Ильи Семёновича — смена сословного статуса между двумя ревизиями. В ревизской сказке 1782 года он зафиксирован как государственный крестьянин города Сургута. Однако уже в следующей, 5-й ревизии 1795 года он числится как мещанин — и с этого момента все его дети и дальнейшие потомки проходят по документам как мещане.

Этот переход — не просто формальная пометка в бумагах, а серьёзный социальный сдвиг. В Тобольском наместничестве сословная принадлежность определяла не только обязанности, но и возможности. Государственные крестьяне несли тягло: платили подушную подать, исполняли подводную и дорожную повинности, участвовали в казённых заготовках. Мещане тоже платили налоги и несли городские по-

винности, но их нагрузка была иной и часто более предсказуемой. Для семьи, прочно связанной с городом, мещанство давало больше свободы в выборе занятий: можно было заниматься ремеслом, мелкой торговлей, извозом, работать по найму — и всё это без привязки к сельскому тяглу и полевым работам. Мещане могли участвовать в выборах органов городского управления, быть старостами, сборщиками. Кроме того, мещанам было проще перемещаться между городами губернии для промыслов и торговли.

Для Сургута, где население было небольшим, а экономика строилась на промыслах, извозе и обслуживании администрации и гарнизона, переход в мещанство был естественным шагом для тех, кто прочно «осел» в городе и зарабатывал не столько пашней, сколько городскими промыслами. Как именно произошёл переход — неизвестно: прямого «заявления» о смене сословия в документах обычно не оставляли. Статус мог измениться через практику и фиксацию в ревизии. Если Илья Семёнович к 1790-м годам устойчиво занимался извозом, рыбной ловлей на продажу, ремеслом или мелкой торговлей и был известен в городе как человек, живущий «городскими» заработками, администрация могла отнести его к мещанскому сословию. Учитывая, что в 1795 году мещанами стали все дети Ильи Семёновича, вероятнее всего, речь идёт о смене статуса всей семьи как хозяйственной единицы: глава перешёл в мещанство — и дети автоматически оказались в том же сословии.

Облик города в эти годы тоже понемногу менялся. В 1785 году у Сургута появился собственный герб: в золотом поле — черно бурая лисица, символ богатства здешних лесов пушным зверем. Это был знак признания роли Сургута как центра промысловой Сибири. При этом повседневная жизнь оставалась трудной: суровые зимы, короткое лето, зависимость от речного транспорта и поставок хлеба. Но именно в этих условиях и формировалась новая городская прослойка — мещане, которые не пахали землю, а жили промыслами, извозом и ремеслом.

Эта динамика — ключевой узел в структуре книги: от одной ревизии к другой семья не просто живёт, а меняет своё место в социальной структуре города — от крестьянского тягла к городскому промыслу и большей хозяйственной самостоятельности. Для последующих поколений мещанство могло облегчать приписку к другим городам, если семья решала переехать, и давало больше возможностей для наёмного труда и ремесла. И именно из этого «мещанского» фундамента потомки Ильи Семёновича будут уходить в ремёсла, торговлю, службу и разъезжаться по всей России.

Брак и семья

Жена Ильи Семёновича — Агриппина Ильина (≈1739–1832), код: ИЩ-П2-002, уроженка Сургута. О её местном происхождении прямо свидетельствует пометка «старинная города Сургута» в ревизской сказке 1782 года — это означало, что её род давно обосновался в городе и был известен

местной администрации. Точный год венчания неизвестен — метрических записей о браке не сохранилось. Однако, учитывая возраст супругов и год рождения старшей дочери Анны (≈1761), брак, вероятно, был заключён в конце 1750-х годов. Бракосочетание проводилось в Троицкой церкви — единственном каменном храме Сургута, служившем духовным и административным центром города.

В условиях небольшого поселения, где все знали друг друга, брак был не только личным союзом, но и хозяйственным объединением: мужчина отвечал за промыслы и повинности, женщина — за избу, огород, заготовку рыбы и дикоросов, переработку сырья, а в отсутствие мужа — за поддержание двора. В браке у Ильи и Агриппины родилось пятеро детей, и их судьбы, как и у параллельной линии рода, отражают хрупкость жизни на Севере: дочери исчезают из записей, не оставив следов, а двое сыновей становятся продолжателями рода.

Здесь особенно видна общая динамика рода: в небольшом городе судьбы женщин «теряются» из документов именно тогда, когда они выходят замуж. Это не утрата памяти, а особенность учёта: после замужества дочери фиксировались уже под фамилиями мужей, и в исповедных ведомостях прежней церкви их больше не записывали. Поэтому исчезновение всех трёх дочерей Ильи примерно до 1797 года типично для эпохи и говорит не столько о трагедии, сколько о нормальной демографической картине того времени.

Дети Ильи и Агриппины

ИЩ-ПЗ-001 — Анна Ильина Щепёткина (≈1761–?)

В ревизской сказке 1782 года ей указано 21 год. В исповедных ведомостях 1797 года Анны уже нет — на тот момент ей должно быть около 36 лет. Судьба её неизвестна: возможно, она вышла замуж и сменила фамилию, но метрической записи о браке не сохранилось. Возможно также, что она умерла. В условиях небольшого Сургута, где все семьи были на виду, исчезновение женщины из исповедных ведомостей чаще всего означало либо замужество, либо смерть — но без метрической записи установить, что именно произошло, невозможно.

ИЩ-ПЗ-002 — Ирина Ильина Щепёткина (≈1770–?)

В ревизской сказке 1782 года ей указано 12 лет. В исповедных ведомостях 1797 года Ирины уже нет — на тот момент ей должно быть около 27 лет. Как и в случае со старшей сестрой Анной, судьба её неизвестна. Возраст 27 лет для незамужней крестьянки, а затем мещанки того времени был уже довольно поздним — если Ирина не вышла замуж, это могло говорить о проблемах со здоровьем или об отсутствии брачных возможностей в небольшом городе. Но возможно, что она всё-таки вышла замуж, и запись о венчании просто не сохранилась. Тот факт, что все три дочери Ильи исчезают из исповедных ведомостей примерно в одном и том же периоде — до 1797 года, — может говорить как о «серии»

замужеств, так и о каких-то общих обстоятельствах: эпидемии, массовом отъезде из города или просто о том, что после замужества дочери фиксировались уже под фамилиями мужей.

ИЩ-ПЗ-003 — Иван Ильин Щепёткин (≈1771–1836)

В ревизской сказке 1782 года ему указано 15 лет. Иван прожил около 65 лет. В исповедных ведомостях за 1836 год он уже не записан как глава семьи, а у его жены добавлен статус «вдова» — это означает, что Иван умер в 1835 или 1836 году. Его женой была Анисья Никифорова. В их семье зафиксировано трое детей: Фёкла (1796), Наталья (1801) и Андрей (1803). Трое детей — немного по сравнению с другими ветвями рода, где было по семь восемь, но для мещанской семьи это могло означать как раннюю смерть Анисьи, так и трудности с рождаемостью. Точная причина смерти Ивана не зафиксирована, однако для мужчины 65 лет в условиях Севера наиболее вероятны болезни от переохлаждения, инфекционные заболевания или последствия тяжёлого физического труда. Будучи мещанином, Иван мог свободнее, чем крестьянин, заниматься извозом и промыслами, участвовать в городских работах — и его дети уже росли в статусе городских жителей.

ИЩ-ПЗ-004 — Авдотья Ильина Щепёткина (≈1773–?)

В ревизской сказке 1782 года ей указано 9 лет. В исповедных ведомостях 1797 года Авдотьи уже нет — на тот момент ей должно быть около 24 лет. Как и её старшие сёстры, она исчезает из записей в молодом возрасте, не оставив следов ни в метрических книгах, ни в более поздних документах. Судьба её неизвестна: возможно, вышла замуж, возможно, умерла.

ИЩ-ПЗ-005 — Яков Ильин Щепёткин (≈1776–18.04.1835)

В ревизской сказке 1782 года ему указано 5 лет. Яков прожил 59 лет и умер в Сургуте от горячки 18 апреля 1835 года. Его женой была Аграфена Кирилловна. В их семье родилось семеро детей: Анисья (1806), Алексей (1809), Наталья (1812), Иосиф (1815), Сила (1817), Марья (1819) и ещё один Алексей (1823). Рождение второго Алексея в 1823 году, через 14 лет после первого (1809), может говорить о том, что первый Алексей умер в детстве или отрочестве, и имя было дано повторно — обычная практика в крестьянских и мещанских семьях, где имя ребёнка часто передавалось по наследству и повторялось при потере первенца. Семеро детей за 17 лет — обычная картина для семьи того времени. «Горячка», от которой умер Яков, в документах XIX века обозначала острые инфекционные заболевания — нередко переходившие в тиф, пневмонию или сепсис. В условиях Севера, с его суровым климатом и ограниченным доступом к

медицинской помощи, горячка была одной из самых частых причин смерти взрослых людей.

Динамика рода здесь видна в контрасте: у Ивана — трое детей, у Якова — семеро. Это отражает и разные семейные обстоятельства (здоровье жён, бытовые условия), и общую картину демографической устойчивости: даже в одной семье рождаемость могла сильно различаться, но именно такие «перепады» и обеспечивали выживание линии. И в этом смысле десять внуков Ильи Семёновича от Ивана и Якова — это основа для следующего поколения, которое продолжит линию ИЩ в Сургуте и, возможно, за его пределами.

Судьба Ильи и Агриппины: завершение главы

Илья Семёнович умер 2 августа 1812 года в Сургуте «от горячки» — так в документах XIX века обозначали острые инфекционные заболевания, нередко переходившие в тиф, пневмонию или сепсис. В 1812 году, когда умер Илья, в России шла Отечественная война, и хотя Сибирь была далеко от театра военных действий, её последствия ощущались и здесь: усиление рекрутских наборов, перебои в снабжении, рост повинностей. Точные обстоятельства болезни Ильи неизвестны, но для мужчины 74 лет, прожившего всю жизнь в суровых условиях Севера, горячка могла стать последствием обычной простуды, обострения хронического заболевания или контакта с больным — особенно в небольшом городе, где инфекции распространялись быстро.

Агриппина Ильина пережила мужа на двадцать лет. В ис-

поведных ведомостях за 1831 год она указана как вдова и глава семьи. В 1832 году и последующих записях о ней нет — это означает, что она умерла в 1832 году. Если исходить из расчётного года рождения ≈1739, ей было около 93 лет — возраст почти невероятный для того времени. Однако следует учитывать, что возраст в документах часто указывали приблизительно, и реальный год рождения мог быть несколько иным. Точная причина смерти не зафиксирована, но для женщины, пережившей такой возраст, наиболее вероятной записью была «от старости» — так священники обозначали естественную смерть при отсутствии явных симптомов заболевания.

Источники

Ревизские сказки 1782 года (город Сургут) / ГБУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. И154. Оп. 8. Д. 44. Л. 111

Документы по Сургутскому уезду / ГБУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 115, 137, 558, 569, 596, 610, 617, 628, 662, 677, 702, 703, 716, 739, 755, 763, 781, 797, 799

Перепись населения и метрические книги 1798–1809 гг. / МКУ МА г. Сургута. — Ф. Э 1. Оп. 12. Д. 164. Л. 59

Исповедные ведомости по г. Сургуту (в т. ч. за 1797, 1831, 1836 гг.) / ГБУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 156. Оп. 20

Пузанов, В. Д. Сургутский уезд в конце XVI–XVIII вв. / В. Д. Пузанов // Вестник угроведения. — 2019

Белькова, А. Е. Названия болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX века Тюменского ду-

ховного правления. Часть третья: об умерших / А. Е. Белькова // КиберЛенинка. — 2014

Швецов, С. П. Очерки Сургутского края / С. П. Швецов. — Тобольск: Типография Епархиального братства, 1911. — 48 с.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ
ВЕЛИЧЕСТВО
ЕКАТЕРИНА II
УКАЗЪ
О ВОЛЬНОСТИ
ГОРОДОВЪ

Щепёткин Пётр Борисович

Годы жизни: 1738 - 1785

Место жительства: г. Сургут - г. Берёзов

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Борис
БЩ-П1-001

Годы жизни: 1705 - 1769

Мать: Щепёткина Авдотья
Фёдоровна БЩ-П1-002

Годы жизни: 1723 - 1794

СУПРУГ(А)

Щепёткина Фёкла Гавриловна (1749 - 1807) код: БЩ-П2-005

Щепёткин Пётр Борисов (1738–1785)

Ранние годы Петра

Пётр Борисов Щепёткин родился, вероятно, в 1738 году — в последний период правления императрицы Анны Иоанновны, а детство и юность его пришлись на эпоху Елизаветы Петровны (1741–1761). Точный год рождения и данные о крещении неизвестны: метрические книги в сургутском приходе в это время ещё не велись систематически, а первые сохранившиеся документы, в которых Пётр упоминается, — ревизские сказки 1782 и 1795 годов.

Но даже отсутствие метрик помогает понять, в какой среде он рос. Для сибирского государственного крестьянина в середине XVIII века «документальная жизнь» начиналась не с крещения, а с учёта тягла. Человек становился видимым для государства не в момент рождения, а когда становился рабочей «душой», за которую нужно платить подушную подать и выполнять повинности. Именно поэтому первые надёжные сведения о Петре появляются только в ревизии 1782 года, когда он уже был главой двора и сам отвечал за учёт всех домочадцев.

Сургут, в котором рос Пётр, был городом, где выживание зависело от реки и умения работать в ритме Севера. К середине XVIII века он оставался небольшим поселением с населением порядка 400–500 человек. После пожара 1712 года укрепления и казённые здания сгорели, и город отстраивали

заново, но уже без прежней военной строгости: крепостные стены постепенно оседали, местами их разбирали на дрова или на новые постройки, и к середине столетия от оборонительной функции почти ничего не осталось. Единственным каменным зданием была Троицкая церковь — она возвышалась над деревянной застройкой и служила не только духовным, но и административным центром: рядом с ней собирались на оглашение указов, здесь же вели учёт прихожан и решали многие бытовые вопросы.

Для мальчика из крестьянской семьи этот город был пространством труда и обязанностей. Улицы расходились от церкви, дома стояли плотно, дворы выходили на улицу глухими заборами, а за ними тянулись огороды, сараи, амбары и ледники. Каждая постройка имела значение: ледник позволял хранить рыбу до вывоза, амбар защищал скудные припасы, сарай укрывал снасти и упряжь. В условиях Севера, где зима длилась восемь месяцев, а лето было коротким и непредсказуемым, умение выстроить и содержать такой двор было не просто хозяйственным навыком, а вопросом выживания.

Хозяйство семьи строилось на промыслах, а не на пашне. Хлеб в Сургут завозили с юга Тобольского уезда, потому что северные почвы не позволяли рассчитывать на стабильный урожай. Основу благосостояния составляли рыбная ловля, заготовка дров, обработка пушнины и огородничество. Мальчик с ранних лет втягивался в этот ритм: помогал тя-

нуть невод, сушить и солить рыбу, коптил её в коптильне у берега, собирал дикоросы, заготавливал дрова. Зимой, когда Обь вставала, главным заработком становился извоз: доставка почты, казённых грузов и купеческих товаров по льду. Для семьи это был не дополнительный доход, а необходимое подспорье, чтобы покрыть тягло.

Тягло для государственного крестьянина было постоянной реальностью, которая определяла всю жизнь. Пётр, как и его отец Борис, нёс подушную подать, подводную и дорожную повинности, участвовал в казённых заготовках. Это означало, что в любой момент его могли привлечь к перевозке грузов, заготовке леса для казённых нужд или другим работам, не спрашивая согласия. Такая система приучала к дисциплине и одновременно показывала, насколько человек зависит от воли администрации и от природных условий: если река поздно вставала или лёд был ненадёжным, срывались сроки доставки, а ответственность всё равно оставалась на крестьянине.

Детство и юность Петра пришлись на время, когда Сибирь постепенно превращалась из «края служилых и промышленников» в территорию устойчивого крестьянского расселения. При Елизавете Петровне усилился контроль за учётом населения и сбором податей, а к началу правления Екатерины II административные реформы ещё больше ужесточили фискальную дисциплину. Пугачёвское восстание 1773–1775 годов, хотя и не затронуло Сургут напрямую, усилило

настороженность властей в тобольской глубинке: участились проверки, ужесточились требования к учёту «душ», и угроза штрафа за утайку перестала быть просто формулой на бумаге.

Именно в этом контексте особенно показательна ревизская сказка 1782 года (4 я ревизия), где Пётр сам подаёт документ как глава двора. Текст сказки начинается с обязательной формулы, в которой крестьянин клянётся, что показывает всех «по самой истине и без повинной утайки», а в случае обмана готов понести штраф «без всякого милосердия». Упоминание манифеста от 16 июня 1781 года — это указ Екатерины II о проведении ревизии, и для Петра эта фраза означала не просто бюрократическую формальность, а реальную ответственность: за каждую «утаённую душу» полагался тяжёлый денежный штраф, и переписчики в Сибири следили за этим строго.

Сам факт, что Пётр лично подавал сказку, говорит о его положении: к 44 годам он был признанным главой хозяйства, на котором лежала обязанность отвечать перед казной за всех домочадцев. В этой ответственности уже видна та хозяйственная зрелость, которая отличала «промышленных людей» Севера: умение вести учёт, соблюдать сроки, договариваться с соседями и администрацией, распределять труд в семье и на промысле.

Эпоха, в которую взрослел Пётр, была временем перемен в управлении Сибирью. В 1782 году было учреждено Тоболь-

ское наместничество, и Сургут стал уездным городом — это меняло структуру управления, но не облегчало жизнь крестьян. Тягло оставалось прежним, а административный контроль становился только строже. Для Петра и его семьи это означало, что привычный ритм северной жизни — рыбалка, извоз, заготовки, огород — теперь фиксировался не только в быту, но и в документах, и любая ошибка или утайка могла обернуться серьёзными последствиями.

Так, ранние годы Петра Борисовича складывались в пространстве, где река диктовала ритм труда, церковь служила центром общественной жизни, а государство требовало строгого учёта и исполнения повинностей. Из этого сочетания суровой природы, общинных связей и фискальной дисциплины и формировался тот тип хозяйственной устойчивости, который позже позволил его роду не просто выживать, но и разрастаться, переселяться и закрепляться в новых местах.

Брак и семья Петра

Пётр Борисов женился на Фёкле Гавриловне (≈1749–1806), уроженке Сургута. О её местном происхождении прямо свидетельствует пометка «старинная города Сургута» в ревизской сказке 1782 года — это означало, что её род давно обосновался в городе и был известен местной администрации. В ревизии 1782 года ей указано 14 лет «на последнюю ревизию» (1763) и 33 года на текущую; в 1795 году — 46 лет как вдове. Точный год венчания неизвестен — метриче-

ских записей о браке не сохранилось. Однако, учитывая, что старший сын Иван родился около 1772 года, брак, вероятно, был заключён в конце 1760-х годов, когда Фёкле было около 16–18 лет — обычный брачный возраст для крестьянок того времени. Бракосочетание проводилось в Троицкой церкви — единственном каменном храме Сургута, служившем духовным и административным центром города.

В условиях небольшого поселения, где все знали друг друга, брак был не только личным союзом, но и хозяйственным объединением: мужчина отвечал за промыслы и повинности, женщина — за избу, огород, заготовку рыбы и дикоросов, переработку сырья, а в отсутствие мужа — за поддержание двора. В браке у Петра и Фёклы родилось шестеро детей, и их судьбы отражают хрупкость жизни на Севере: детская смертность, ранние утраты и долгие жизни тех, кто сумел преодолеть суровые условия.

Дети Петра и Фёклы

БЩ-ПЗ-001 — Иван Петрович Щепёткин (≈1772–≈1807) прожил 35 лет, так и не женившись. Его жизнь прослеживается по нескольким последовательным документам: в ревизской сказке 1782 года он записан в возрасте 10 лет, в ревизской сказке 1795 года — 23 года, в исповедных ведомостях 1804 года — 33 года, и наконец, в исповедных ведомостях 1807 года — 35 лет, после чего его имя вычеркнуто. Для Сургута и Берёзова, где учёт был предельно строгим, вычёркивание из ведомости было официальным свидетель-

ством утраты статуса тяглеца — смерти или отъезда. Причина смерти в документах не указана: в исповедных ведомостях начала XIX века священники не всегда заносили причину, ограничиваясь фактом. Для неженатого мужчины 35 лет, жившего в суровых условиях Севера, наиболее вероятными причинами были инфекционные заболевания (тиф, горячка), болезни органов дыхания или несчастный случай на промысле — замерзание, утопление.

БЩ-ПЗ-002 — Семён Петрович Щепёткин (≈1779–1843) — один из двух братьев, продолживших род. В ревизской сказке 1795 года он записан в возрасте 16 лет. Семён женился 28 января 1808 года в Берёзове на Марфе Матвеевне. В их семье родилось восемь детей: Иван (1811), Даниил (1812), Леонтий (1815), Михаил (1817), Семён (1819), Захар (1821), Александр (1827) и Степан (1829). Восемь детей за двадцать лет — обычная картина для крестьянской семьи того времени, когда каждый ребёнок был рабочими руками, но и каждые роды — риск для матери. Семён Петрович прожил 71 год и умер в Берёзове от простуды 16 апреля 1843 года. В исповедных ведомостях Берёзова сохранились записи о его проживании и смерти, фиксирующие не только факт, но и причину. «Простуда» в метрических книгах того времени означала не просто переохлаждение, а широкий спектр заболеваний, вызванных воздействием холода: от воспаления лёгких и бронхита до обострения хронических болезней. В

условиях северного климата, когда заморозки случались даже в июне, а зима длилась восемь месяцев, простудные заболевания были одной из самых частых причин смерти.

БЩ-ПЗ-003 — Павел Петрович Щепёткин (≈1782–1859) — второй сын, продолживший род отца. В ревизской сказке 1782 года он записан в возрасте «40 недель» — младенец, только что родившийся перед самой ревизией [1]. Павел женился 16 июля 1806 года на Евдокии Ивановне Замятиной. В их семье родилось восемь детей: Иван (1806), Василий (1809), Семён (1811), Яков (1812), Николай (1814), Марфа (1815), Гаврило (1820) и Александра (1825). Павел Петрович прожил долгую жизнь — 84 года. Об этом сообщается в исповедной ведомости за 1859 год, где рядом с его возрастом сделана запись «умер в 1859 году». Для эпохи, когда средняя продолжительность жизни была существенно ниже, такой срок считался выдающимся. Точная причина смерти в документах не зафиксирована, однако для человека, дожившего до 84 лет, наиболее вероятной записью в метрической книге была бы «от старости» — именно так священники обозначали естественную смерть при отсутствии явных симптомов заболевания. По данным исследований метрических книг Тобольского духовного правления, около половины взрослых людей, умерших в преклонном возрасте, получали именно эту формулировку.

БЩ-П3-004 — Никифор Петрович Щепёткин (≈1776–1784) умер совсем юным — в возрасте около 8 лет. В ревизской сказке 1782 года он записан в возрасте 6 лет; в ревизии 1795 года рядом с его именем стоит пометка о смерти в 1784 году. Причина смерти не зафиксирована. Детская смертность в суровых условиях Севера оставалась крайне высокой: наиболее частыми причинами были «родимец» (судорожный синдром у младенцев), «понос» (кишечные инфекции), «оспа» и «корь». В условиях отсутствия медицинской помощи и сурового климата даже обычная простуда могла стать смертельной для ребёнка.

БЩ-П3-005 — Настасья Петровна Щепёткина (≈1783–?) записана в ревизской сказке 1795 года в возрасте 12 лет. Настасья прожила около 29 лет и во всех известных документах числилась девицей — незамужней. Она многократно фигурирует в исповедных ведомостях разных лет в составе семьи; последняя запись о ней относится к 1811 году. В последующих исповедных ведомостях её имя больше не вписывают. Точно сказать, что она умерла, нельзя: возможно, она вышла замуж и сменила фамилию, однако метрической записи о браке не сохранилось. В условиях небольшого поселения, где все семьи были на виду, исчезновение женщины из исповедных ведомостей чаще всего означало либо смерть, либо переход в другую семью при замужестве — но без метрической записи установить, что именно произошло,

невозможно.

БЩ-П3-006 — Прокопий Петрович Щепёткин (≈1786–?), как и его сестра Настасья, записывался в составе семьи вплоть до 1811 года, когда была сделана последняя о нём запись. В последующих годах его имя больше не вписывают. Судьба его неизвестна: ни метрической записи о смерти, ни о браке не сохранилось. Для молодого мужчины в условиях Севера наиболее вероятны смерть от инфекционного заболевания, несчастный случай на промысле или отъезд в другой населённый пункт, где он мог затеряться из виду сургутской и Берёзовской администрации.

Судьба Петра и Фёклы: завершение главы

Пётр Борисов Щепёткин умер в 1785 году — факт зафиксирован в ревизской сказке 1795 года, где он указан как умерший, а его семья учтена уже по вдове Фёкле Гавриловне. Точная причина смерти не зафиксирована — метрические книги в это время в Сургуте ещё не велись систематически. Для мужчины 47 лет, жившего в суровых условиях Севера и несшего тягло, наиболее вероятны инфекционные заболевания, болезни от переохлаждения или последствия тяжёлого физического труда.

Известно, что Пётр Борисов переселился в Берёзов — уездный город Тобольской губернии, расположенный севернее Сургута на реке Северной Сосьве. Его дети последовали за ним и прожили там долгую и насыщенную жизнь: Семён

женился в Берёзове в 1808 году, Павел — в 1806-м. Берёзов в это время был крупным административным центром Северного Приобья; жизнь здесь, как и в Сургуте, строилась вокруг рыбных промыслов, казённых повинностей и речной связи с Тобольском, но давала больше возможностей для хозяйственного развития.

Фёкла Гавриловна прожила после смерти мужа ещё около 21 года, сохраняя статус вдовы и ведя хозяйство. Последняя запись о ней — в исповедной ведомости 1806 года, где ей указан возраст 50 лет (при расчётном возрасте около 57 — расхождение, обычное для того времени, когда возраст часто указывали приблизительно). В 1807 году её уже не фиксируют, что означает, что она умерла в 1806 году. Точная причина смерти не зафиксирована, однако для женщины этого возраста в условиях Севера вероятны как естественное угасание, так и болезнь органов дыхания или инфекционное заболевание.

Источники

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, Оп. 8, Д. 44 Л. 112 - Ревизские сказки 1782 года (город Сургут)

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, Оп. 8, Д. 277 Л. 42 - Ревизские сказки 1795 года

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189 Оп. 1 Д. 1 Л. 16, 52, 561, 597 Исповедные ведомости, метрические книги 1797 - 1832 года

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д. 747 Л. 31

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 39 Л. 180 - Перепись населения и метрические книги Березовского округа (1808)

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 42 Л. 173 - Перепись населения и метрические книги Березовского округа (1811)

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 43 Л. 23 - Перепись населения и метрические книги Березовского округа (1812)

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 45 Л. 19 - Метрические книги города Берёзова и округа (записи о родившихся, умерших, браком сочетавшихся) за 1815 год

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 47 Л. 145 - Перепись населения и метрические книги Березовского округа (1817)

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 49 Л. 134 - Перепись населения и метрические книги Березовского округа (1819)

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 51 Л. 137 - Перепись населения и метрические книги Березовского округа (1821)

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 55 Л. 5 - Исповедные ведомости и метрические книги Берёзовского округа 1828 год

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 59 Л. 5 - Исповедные ведомости и метрические книги Берёзовского округа 1832 год

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 61 Л. 147 - Исповедные ведомости и метрические книги Берёзовского округа 1835 год

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 71 Л. 34, - Метрические книги Березовского округа (1843)

МКУ МА г. Сургута Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 164 Л. 107, 110, 157 - Исповедные ведомости и метрические книги сургутской Троицкой церкви 1798-1809 годы.

Пузанов В. Д. Сургутский уезд в конце XVI–XVIII вв. // Вестник угроведения. — 2019. (Данные о численности гарнизона и населения Сургута в 1703, 1724 и середине XVIII века; об отсутствии крестьянского населения в первые два века существования города.)

Белькова А. Е. Названия болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX века Тюменского духовного правления. Часть третья: об умерших // КиберЛенинка. — 2014. (О причинах смерти в метрических книгах сибирских приходов.)

Опыт анализа причин смерти населения Барнаула во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам метрических книг) // Уральский федеральный университет. — 2018.

Поколение
3

Щепёткин Иван Ильин

Годы жизни: 1771 - 1836

Место жительства: г. Сургут

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Илья Семёнович ИЩ-П2-001

Годы жизни: 1738 - 02.08.1812

Мать: Щепёткина Агриппина Ильина ИЩ-П2-002

Годы жизни: 1739 - 10.06.1810

СУПРУГ(А)

Щепёткина Анисья Никифоровна (1774 - 06.08.1854) код: ИЩ-П3-006

Щепёткин Иван Ильин (1771–1836)

Ранние годы Ивана Ильина

Иван Ильин Щепёткин родился, вероятно, в 1771 году — в эпоху, когда на российском престоле ещё сидела Екатерина II, а Сибирь переживала серьёзные административные преобразования. Точный год рождения и данные о крещении неизвестны: метрические книги сургутского прихода за это время не сохранились. Единственный источник сведений о возрасте — ревизская сказка 1782 года (4 я ревизия), где Ивану указано 15 лет в составе семьи отца, Ильи Семёновича Щепёткина, государственного крестьянина города Сургута.

К моменту рождения Ивана Сургут оставался небольшим городом с населением около 400–500 человек. Однако к 1780-м годам, когда Иван был уже подростком, ситуация начала меняться: в 1782 году было учреждено Тобольское наместничество, и Сургут стал уездным городом. Это изменило структуру управления — появились новые административные учреждения, усилился документооборот, ужесточился контроль за населением. Для семьи Щепёткиных это был период сословного перехода: если в ревизии 1782 года Илья Семёнович ещё записан как государственный крестьянин, то в ревизии 1795 года — уже как мещанин, и вместе с ним мещанами стали все его дети, включая Ивана. Этот переход означал смену образа жизни: от крестьянского тягла к городским промыслам, большей свободе в выборе занятий и воз-

можности участвовать в городском самоуправлении.

Для молодого мещанина в Сургуте конца XVIII века жизнь означала работу в тех сферах, которые кормили город: извоз, рыбная ловля на продажу, ремесло, обслуживание казённых и церковных нужд. Светских школ по-прежнему не было, грамотность оставалась редкостью, и быт крутился вокруг хозяйственных забот, сезонных промыслов и повинностей.

Брак и семья

Жена Ивана Ильина — Анисья Никифорова (1774–06.08.1854), код: ИЩ П3 006. Брак зафиксирован в ревизской сказке за 1782 год, где Анисья уже записана в составе семьи. Это означает, что венчание состоялось не позднее 1782 года, когда Ивану было около 11 лет, а Анисье — около 8. Такой ранний брак по современным меркам не был исключительным для того времени: в крестьянских и мещанских семьях Сибири венчание иногда проводилось в детском возрасте, особенно если семьи были согласны и объединяли хозяйства. Фактическое совместное проживание могло начаться позднее, когда супруги подрастали.

Бракосочетание проводилось в Троицкой церкви — единственном каменном храме Сургута, служившем духовным и административным центром города. В условиях небольшого поселения, где все знали друг друга, брак был не только личным союзом, но и хозяйственным объединением: мужчина отвечал за промыслы и повинности, женщина — за из-

бу, огород, заготовку рыбы и дикоросов, переработку сырья. В браке у Ивана и Анисьи родилось трое детей — немного по сравнению с другими ветвями рода, где было по семь восемь. Это могло означать как трудности с рождаемостью, так и раннюю потерю части детей, не зафиксированных в документах.

Дети Ивана и Анисьи

ИЩ-П4-001 — Фёкла Ивановна Щепёткина (1796–≈1817)

В переписи 1796 года Фёкле указан 1 год, в переписи 1804 года — 8 лет. Она прослеживается в исповедных ведомостях до 1808 года, когда ей было 12 лет. Дальше информации о ней нет. Судьба Фёклы неизвестна: возможно, она умерла в отрочестве — детская и подростковая смертность в условиях Севера оставалась высокой, и инфекции, простуды, недостаточное питание могли стать причиной смерти девочки подростка. Возможно также, что она вышла замуж и сменила фамилию, но метрической записи о браке не сохранилось. В условиях небольшого города, где все семьи были на виду, исчезновение молодой женщины из исповедных ведомостей чаще всего означало либо замужество, либо смерть — но без документального подтверждения установить, что именно произошло, невозможно.

ИЩ-П4-002 — Наталья Ивановна Щепёткина (1801–≈1824)

В переписи за 1824 год Наталье указано 23 года, а в 1825 году она уже не числится. Два варианта: либо она умерла, либо вышла замуж. Возраст 23 года — обычный возраст для замужества в то время, и если Наталья вышла замуж, переход в семью мужа означал, что она фиксировалась в исповедных ведомостях уже под другой фамилией. Однако если она умерла, наиболее вероятными причинами для женщины этого возраста были осложнения беременности и родов — по данным исследований сибирских метрических книг, около 7,5% женщин репродуктивного возраста умирали от родовых осложнений. Также возможны инфекционные заболевания, особенно учитывая, что в 1820-е годы в Тобольской губернии периодически фиксировались вспышки тифа и других эпидемических болезней. Без метрической записи установить точную причину невозможно.

ИЩ-П4-003 — Андрей Иванович Щепёткин (02.10.1803–11.03.1862)

2 октября 1803 года у мещанина Ивана Ильина Щепёткина родился сын Андрей. Восприемником при крещении стал Ефим Туполев — вероятно, сургутский житель, знакомый или родственник семьи. Выбор восприемника (крёстного) в традициях того времени был важным решением: крёстный обязан был духовно наставлять ребёнка и в случае необходимости заботиться о нём, а связь между семьями через кумовство укрепляла социальные сети в небольшом городе.

Андрей женился на Авдотье Алексеевне — метрических записей о браке не сохранилось. В их семье родилось девятеро детей: Иван (1828), Евдокия (1830), Яков (1831), Егор (Георгий) (1833), Иван (1833), Максим (1836), Марфа (1840), Василий (1845) и Ирина (1849). Рождение второго Ивана в 1833 году, через пять лет после первого (1828), может говорить о том, что первый Иван умер в раннем детстве, и имя было дано повторно — обычная практика в семьях того времени. Девятеро детей за двадцать один год — большая семья даже по меркам того времени, и это говорит о крепком хозяйстве, способном прокормить столько ртов. Подробно о детях Андрея будет рассказано в отдельной главе.

Андрей Иванович прожил 58 лет и умер в Берёзове от горячки 11 марта 1862 года. «Горячка» в документах XIX века обозначала острые инфекционные заболевания — нередко переходившие в тиф, пневмонию или сепсис. В условиях Северного Приобья, с суровым климатом и ограниченным доступом к медицинской помощи, горячка была одной из самых частых причин смерти взрослых людей. Для мужчины 58 лет, прожившего жизнь в условиях постоянного физического труда и сурового климата, инфекционное заболевание могло стать последствием обычной простуды или контакта с больным.

Авдотья Алексеевна прожила около 80 лет и умерла 26 октября 1886 года «от старости» — так священники обозначали естественную смерть при отсутствии явных симп-

томов заболевания. По данным исследований метрических книг Тобольского духовного правления, около половины взрослых людей, умерших в преклонном возрасте, получали именно эту формулировку. Для женщины, пережившей мужа на 24 года и воспитавшей девятерых детей, дожить до 80 лет в условиях Севера было выдающимся достижением.

Переезд в Берёзов

Иван Ильин переехал с семьёй в Берёзов — уездный город Тобольской губернии, расположенный на реке Северной Сосьве, притоке Оби. Точный год переезда неизвестен, но в 1809 году семья ещё жила в Сургуте, что подтверждается исповедной ведомостью за этот год. Все дети Ивана — Фёкла, Наталья и Андрей — родились в Сургуте, а значит, переезд произошёл после 1803 года, но не позднее начала 1810-х годов.

Переезд из Сургута в Берёзов не был простым перемещением. Берёзов, основанный в 1593 году, к началу XIX века был уездным городом Тобольской губернии — одним из ключевых административных центров Северного Приобья. Он располагался на важном речном пути, связывавшем север и юг Обского бассейна. Для мещанской семьи переезд означал смену административного контекста, новых тягловых обязательств и новых промысловых угодий. Но для семьи Щепёткиных, происходивших из поморской традиции «промышленных людей», привыкших к речным путям и сезонным миграциям, такое переселение было естественным

продолжением хозяйственной логики: Берёзов давал новые возможности для рыбных промыслов, извоза и торговли.

Судьба Ивана и Анисьи: завершение главы

Иван Ильин умер в 1836 году. В исповедных ведомостях за этот год Анисья Никифорова указана как «вдова», что подтверждает факт смерти Ивана именно в 1836 году. Точная дата и причина смерти не зафиксированы. Для мужчины 65 лет, прожившего жизнь в суровых условиях Севера, пережившего переезд в другой город и всю жизнь занимавшегося физическим трудом, наиболее вероятны болезни от переохлаждения, инфекционные заболевания или последствия тяжёлого труда. В условиях Берёзова, где зима длилась восемь месяцев, а медицинская помощь была практически недоступна, даже обычная простуда могла перерасти в смертельное заболевание.

Анисья Никифорова пережила мужа на 18 лет. Она умерла 6 августа 1854 года в Берёзове в возрасте 80 лет «от старости». Для женщины, пережившей мужа, воспитавшей троих детей и дожившей до 80 лет в условиях Севера, это был выдающийся срок. «От старости» — формулировка, которую священники использовали для обозначения естественной смерти при отсутствии явных симптомов заболевания. В исповедных ведомостях 1831–1855 годов она прослеживается как вдова и глава семьи, а после 1854 года записи о ней прекращаются.

Источники

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, Оп. 8, Д. 44, Л. 59. Ревизские сказки 1782 года (город Сургут).

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189, Оп. 1, Д. 1, Л. 55, 116, 166, 189, 558, 596, 628, 745, 825, 848, 874, 892.

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189, Оп. 1, Д. 40, Л. 291. Исповедные ведомости 1850–1855 годов.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 164, Л. 59, 99, 132, 164, 184. Исповедные ведомости и метрические книги Сургута 1796–1838 годов.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 114, Л. 202. Метрические книги Берёзовского округа.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 94, Л. 230. Метрические книги Берёзовского округа 1854 год.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 105, Л. 4. Метрические книги Сургутской Троицкой церкви за 1845–1849 годы.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 89, Л. 153. Метрические книги Берёзовского округа 1849 год.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 9, Л. 204. Метрическая книга Градо Сургутской Троицкой церкви (записи о рождении, браке, смерти).

Белькова А. Е. Названия болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX века Тюменского духовного правления. Часть третья: об умерших // КиберЛенинка. — 2014. (О «горячке» и других причинах смерти в метрических книгах сибирских приходов.)

Переезд из Сургута в Берёзово,
примерно 1807 год

Щепёткин Яков Ильин

Годы жизни: 1776 - 18.04.1835

Место жительства: г. Сургут

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Илья Семёнович ИЩ-П2-001

Годы жизни: 1738 - 02.08.1812

Мать: Щепёткина Агриппина Ильина ИЩ-П2-002

Годы жизни: 1739 - 10.06.1810

СУПРУГ(А)

Щепёткина Аграфена Кирилловна (1777 - 1832) код: ИЩ-П3-007

Щепёткин Яков Ильин (1776–18.04.1835)

Ранние годы Якова Ильина

Яков Ильин Щепёткин родился, вероятно, в 1776 году — в последние годы царствования Екатерины II. Единственный источник о его возрасте — ревизская сказка 1782 года (4 я ревизия), где Якову указано 5 лет в составе семьи отца, Ильи Семёновича Щепёткина, государственного крестьянина города Сургута. Метрической записи о рождении и крещении не сохранилось.

Яков был младшим ребёнком в семье — на девять лет моложе старшего брата Ивана. К моменту его рождения семья ещё жила в крестьянском статусе, но между ревизиями 1782 и 1795 года Илья Семёнович перешёл в мещанство вместе со всеми детьми. Это означало, что Яков, в отличие от старших братьев и сестёр, провёл большую часть сознательной жизни уже как мещанин — и, вероятно, меньше помнил крестьянское тягло, чем они.

Город, в котором жил Яков

Сургут, в котором Яков рос, жил и состарился, был одним из самых глухих уездных городов Тобольского наместничества. К 1825 году, когда Якову было около 49 лет, в городе насчитывалось всего 532 жителя — 282 мужчины и 250 женщин. Город располагался на высоком берегу обской протоки и со всех сторон был окружён водой: летом Сургут можно было покинуть только на лодке — ни дорог, ни мостов не бы-

ло. «Летних экипажей сургутяне вовсе не имеют, потому что круглое лето Сургут со всех четырёх сторон окружён водой», — писал местный учитель Филипп Зобнин в конце XIX века, но и во времена Якова картина была той же. Жители передвигались на лодках-каюках — больших, с крытым помещением посередине, — и на обласах, лёгких долблёных лодках из одного дерева, требовавших особой сноровки и прозванных в народе «душегубками».

Город состоял из четырёх улиц и семи переулков. Тротуаров не было, улицы не освещались. Все дома строились из соснового леса, которого вокруг было в изобилии. Типовое жильё — небольшой пятистенный дом, разделённый капитальной стеной на жилое помещение и кухню. В некоторых домах стёкла на зиму вынимали и вставляли рамы с бычьими пузырями — они не замерзали, хотя через них ничего нельзя было разглядеть. Дома не отличались теплом: из-за отсутствия земляных накатов на полу и плохих печей зимой в избах было холодно. Иконы занимали целую стену до порога — вносить в эту комнату кипящий самовар, обедать и ужинать считалось предосудительным, для этого строили отдельную избушку с русской печью.

Земледелием сургутяне не занимались. «К земледелию душа не лежала», — свидетельствовали современники. Хлеб привозили из южных округов Тобольской губернии за сотни вёрст, и стоил он баснословно. Огородничество также было развито слабо: «из огородных овощей разводится в ни-

чтожных размерах только картофель, который даёт блестящие урожаи», — писал ссыльный Сергей Швецов. Основу жизни составляли рыболовство, охота, заготовка кедровых орехов и ягод, извоз и обслуживание казённых нужд. Пища сургутян по большей части состояла из рыбных блюд и еды, приготовленной на рыбьем жире. С большой охотой ели рыбу «с душком» — не от лени, а от бережливости: выбрасывать то, что ещё можно употребить, считалось грехом. Зимняя одежда была полностью заимствована у остяков и носили её по девять месяцев в году, не снимая даже в домах.

В городе не было ни одного врача. Медицинскую помощь фактически не оказывал никто — фельдшер, упоминаемый в более поздних документах, был «едва грамотный остяк, не имеющий понятия о медицине, да и медикаментов у него почти не было». При таких условиях любая болезнь могла стать смертельной, а инфекции распространялись в тесноте деревянных изб мгновенно.

1804 год: Сургут теряет статус уездного города

В 1804 году, когда Якову было около 28 лет, произошло событие, прямо коснувшееся его семьи. Указом императора Александра I Сургут утратил статус уездного города и был переведён в разряд заштатных, с припиской к Берёзовскому уезду. Это означало, что город потерял собственную администрацию уровня уезда: вместо воеводы и уездных учреждений теперь управлял комиссар — чиновник рангом пониже, подчинённый Берёзовскому исправнику. Для мещан

это означало изменение в структуре повинностей и подчинения: городские дела теперь решались через Берёзов, а не напрямую через Тобольск.

Причины были понятны: южные города Сибири росли быстрее, и Сургут, с его полу тысячным населением и полу сельским характером жизни, не мог конкурировать с ними в административном значении. Но для местного обывателя это означало прежде всего ощущение отставания — город становился «глухой провинцией провинции», и шансы на улучшение инфраструктуры, строительство школы или появление врача отдалялись.

1812 год: Война и Сибирь

В 1812 году, когда Якову было около 36 лет, а его жена Аграфена была на сносях — 20 августа родилась дочь Наталья, — в России началась Отечественная война. Сибирь была далеко от театра военных действий, но война коснулась и её.

В Тобольской губернии проводились рекрутские наборы: по указу от 7 августа 1812 года из Сибири было взято 3552 рекрута, из них от Тобольской губернии — 2152 человека. Для немногочисленного населения Сургутского уезда это были ощутимые потери: из каждой семьи мог быть взят молодой мужчина, и женатые братья Якова — Иван или сам Яков — формально подпадали под рекрутскую повинность. Однако мещане в небольших городах чаще откупались деньгами: по манифесту от 1 июля 1812 года, сибирские губер-

нии могли вместо «натуральных» рекрутов вносить по 2000 рублей за каждого. Для мещанина это была огромная сумма, но община могла собрать её сообща.

Кроме рекрутов, собирали деньги. К концу 1812 года по всей Сибири было внесено свыше 400 000 рублей. Жители Сургутского уезда собрали 847 рублей 53 копейки — немного по сравнению с Тобольском или Томском, но для городка с пятьюстами жителями это были общественные средства. Вносили мещане, крестьяне, даже ссыльные — «пропитанные», старики и больные, жившие подаяниями. По данным Тобольских метрических книг, с 1811 по 1815 год население Сибири выросло почти на 30% — за счёт беженцев из центральных губерний, которые прибывали в города губернии в поисках убежища.

В 1812 году скончался отец Якова — Илья Семёнович, глава линии ИЩ, «от горячки». Это могло быть связано с эпидемической обстановкой: в небольших сибирских городах инфекции распространялись быстро, особенно при скученности населения и отсутствии медицинской помощи. Для Якова смерть отца означала, что он теперь — один из двух глав мещанских дворов Щепёткиных в Сургуте (вторым был его брат Иван).

1820-е годы: ссыльные и перемены

В 1822 году, когда Якову было около 46 лет, в Сибири была проведена реформа управления, разработанная М. М. Сперанским. Были учреждены новые административные ор-

ганы, ужесточён контроль за населением, создан Приказ о ссыльных в Тобольске. С этого момента поток ссыльных в Сибирь резко возрос: если с 1807 по 1821 год в Сибирь поступило около 50 000 ссыльных, то с 1822 по 1841 год — уже более 170 000. Часть из них доходила и до Сургута: в 1826 году сюда был отправлен «на вечное поселение» декабрист Андрей Шахирев, в 1828 году — ещё один декабрист. Ссыльные приносили с собой не только новые идеи, но и болезни: тиф и другие инфекции распространялись по этапам, и «дурные условия» пути — дождливая погода, недостаток тёплой одежды, утомление, недостаток пищи, совместное содержание здоровых и больных — способствовали заражению в каждом населённом пункте, через который проходила партия.

Брак и семья Якова

Жена Якова Ильина — Аграфена Кирилова (≈1777–≈1832), код: ИЩ П2 007. Брак зафиксирован в исповедной ведомости за 1804 год, где Аграфена указана в составе семьи в возрасте 26 лет. Точный год венчания неизвестен — метрических записей о браке не сохранилось. Однако, учитывая возраст супругов и год рождения старшей дочери Анисьи (1806), брак, вероятно, был заключён около 1804–1805 года, когда Якову было около 28 лет, а Аграфене — около 27. Бракосочетание проводилось в Троицкой церкви — единственном каменном храме Сургута.

В браке у Якова и Аграфены родилось семеро детей за

семнадцать лет — с 1806 по 1823 год. Их судьбы — одна из самых тяжёлых страниц в истории рода: из семерых детей двое умерли младенцами, один — в раннем детстве, одна дочь исчезла из записей в юности, и только двое — Сила и Марья — прожили долгую жизнь и оставили потомство.

Дети Якова и Аграфены

ИЩ-П4-005 — Анисья Яковлевна Щепёткина (30.12.1806–?)

30 декабря 1806 года у мещанина Якова Ильина Щепёткина родилась дочь Анисья. Восприемницей при крещении стала жена мещанина Семёна Чусовитина Парасковья. В исповедных ведомостях с 1809 года Анисья не встречается. Дальнейшая судьба неизвестна: возможно, она умерла в раннем детстве — младенческая смертность в условиях Севера оставалась крайне высокой, и записи о смерти детей часто не сохранялись. Возможно также, что запись о её смерти была утеряна вместе с частью метрических книг.

ИЩ-П4-006 — Алексей Яковлев Щепёткин (28.09.1809–29.12.1809)

28 сентября 1809 года у мещанина Якова Ильина Щепёткина родился сын Алексей. Восприемником при крещении стал пономарь Александр Попов, а восприемницей — жена мещанина Чусовитина Параскева. Примечательно, что крёстным выступил церковный служитель — пономарь: это могло говорить об особых отношениях семьи с приходским

клиром или о том, что Яков был прихожанином, активно участвовавшим в жизни Троицкой церкви. Алексей прожил всего три месяца и умер 29 декабря 1809 года от горячки. Для младенца «горячка» означала, скорее всего, острую инфекцию — лихорадку неясного происхождения, которая в условиях отсутствия медицинской помощи могла убить ребёнка за несколько дней.

ИЩ-П4-007 — Наталья Яковлева Щепёткина (20.08.1812–≈1833)

20 августа 1812 года у мещанина Якова Ильина Щепёткина родилась дочь Наталья. Восприемницей при крещении стала жена пятидесятника Андрея Туполева Парасковья. В исповедных ведомостях Наталья прослеживается последовательно: в 1825 году ей 13 лет, в 1828 году — 15, в 1832 году — 19. В 1834 году она уже не указывается в переписи. Проверка всех Натальей в промежутке 1830–1850 годов не выявила ни одной, которая выходила бы замуж или рожала под этим именем. Скорее всего, Наталья умерла — вероятно, в 1833 году, между последней записью о ней и следующей переписью. Для женщины 20–21 года наиболее вероятными причинами смерти были инфекционные заболевания, осложнения беременности или туберкулёз — болезни, которые в условиях Севера часто заканчивались смертельно. Тот факт, что она не вышла замуж к 19 годам, в то время как её сестра Марья вышла замуж в 23, может говорить о пробле-

мах со здоровьем, которые делали её нежелательной невестой, или о том, что семья не могла собрать приданое.

ИЩ-П4-008 — Иосиф Яковлев Щепёткин (31.03.1815–≈1821)

31 марта 1815 года у мещанина Якова Ильина Щепёткина родился сын Иосиф. Восприемником при крещении стал сын атамана Ефима Туполева Алексей. Связь семьи с Туполевыми — постоянная: крёстными у детей Якова неоднократно выступали члены этого рода (атаман Ефим Туполев, пятидесятник Андрей Туполев и его сын). Это говорит о том, что Щепёткины и Туполевы были близкими семьями — возможно, кумовьями или соседями, и связь между ними укреплялась с каждым крещением. Иосиф прожил около шести лет: в переписи за 1821 год он вычеркнут, а в 1822 году уже не указан. Причина смерти не зафиксирована, но для ребёнка шести лет в условиях Севера наиболее вероятны инфекционные заболевания или несчастный случай.

ИЩ-П3-009 — Сила Яковлев Щепёткин (10.08.1817–12.02.1887)

10 августа 1817 года у мещанина Якова Ильина Щепёткина родился сын Сила. Восприемниками при крещении стали сын атамана Ефима Туполева Алексей и дочь казака Ивана Кайдалова Екатерина. Сочетание мещанских и казачьих кумовьёв отражает социальную среду Сургута, где мещане, ка-

заки и крестьяне жили бок о бок и были связаны через кумовство, соседство и совместные промыслы.

Сила женился 11 января 1848 года на Александре Павловне Щепёткиной (БЩ П4 016) — из ветки БЩ. Этот брак — единственный документально подтверждённый случай соединения двух ветвей рода, БЩ и ИЩ, через брачный союз. До этого момента линии Бориса и Ильи шли параллельно, не пересекаясь, хотя и жили в одном городе и, вероятно, поддерживали родственные связи. Брак Силы и Александры объединил крестьянскую и мещанскую ветви в одну семью — и их потомки стали наследниками обеих линий.

В семье Силы и Александры родилось семеро детей: Ирина (1850), Феодосия (1852), Андрей (1853), Роман (1855), Георгий (1859), Николай (1864) и Сергей (1868). Все дети дали большое потомство, кроме Николая, который прожил всего 2 года и умер от горячки. Подробно о детях Силы будет рассказано в отдельной главе.

Сила прожил 69 лет и умер в Сургуте от старости — формулировка, которую священники использовали для обозначения естественной смерти при отсутствии явных симптомов заболевания. Александра Павловна прожила 67 лет и также умерла от старости. Оба дожили до преклонного по тем временам возраста, что говорит о крепком здоровье и определённом уровне хозяйственной стабильности.

ИЩ-П4-010 — Марья Яковлевна Щепёткина

(20.06.1819–08.10.1892)

20 июня 1819 года у мещанина Якова Ильина Щепёткина родилась дочь Марья. Восприемником при крещении стала жена казака Максима Самострелова Екатерина. 26 июля 1842 года Марья вышла замуж за Ивана Матвеевича Панкина (1815–?), сургутского казака. В метрической записи о браке указано: «сургутский казак Иоанн Матфиев Панкин, православного вероисповедания, первым браком 27 лет, за дочь сургутского мещанина Якова Щепёткина православного вероисповедания, 21 год». Поручителями по жениху были Данил Климентов, крестьянин Евдоким Силин и казак Радион Панкин. По невесте — казак Сафрон Новосильцев и мещанин Андрей Щепёткин (сын брата Якова, Ивана Ильина). Поручительство Андрея Щепёткина по невесте — ещё одно свидетельство родственных связей между ветвями: двоюродный брат выступил гарантом брака своей кузины.

Брак мещанки и казака — обычное явление для Сургута, где сословные границы в небольшом городе были проницаемы. В семье Панкиных родилось четверо детей: Амос (1843), Пелагея (1847), Мария (1851) и Василий (1860). Марья Яковлевна прожила 73 года и умерла в Сургуте от старости.

ИЩ-П4-011 — Алексей Яковлевич Щепёткин (10.03.1823–04.1823)

10 марта 1823 года у мещанина Якова Ильина Щепёткина родился сын Алексей. Восприемником при крещении стал

сын пятидесятника Андрея Туполева Иван. Имя Алексей было дано повторно — первый Алексей, рождённый в 1809 году, умер младенцем четырнадцать лет назад. Повторное присвоение имени умершего ребёнка было обычной практикой: имя считалось принадлежащим семье, и его возвращали новорождённому, чтобы «продолжить» линию. Второй Алексей прожил один месяц и умер в апреле 1823 года от горячки. Два сына с одним именем, оба умершие младенцами — тяжёлая утрата, которая была, увы, нередкой в сибирских семьях того времени.

Судьба Якова и Аграфены: завершение главы

Яков Ильин умер 18 апреля 1835 года в Сургуте «от горячки» — так в документах XIX века обозначали острые инфекционные заболевания, нередко переходившие в тиф, пневмонию или сепсис. Для мужчины 59 лет, пережившего смерть четверых из семерых детей, горячка могла стать последствием обычной простуды, обострения хронического заболевания или контакта с больным. В небольшом городе, где все жили в тесноте и инфекции распространялись быстро, эпидемии были постоянной угрозой. Тот факт, что и Яков, и его брат Иван Ильин (умерший в 1836 году), и сын Якова — младенец Алексей — все умерли от горячки, может говорить о том, что в Сургуте в 1830-е годы были неблагоприятные санитарные условия или периодические вспышки инфекционных заболеваний.

Аграфена Кирилова пережила мужа на несколько лет. В

исповедной ведомости за 1831 год она ещё указана в составе семьи. В 1832 году записи о ней нет. Точная дата смерти не зафиксирована, но это произошло между 1831 и 1832 годом. Если исходить из расчётного года рождения ≈1777, ей было около 54–55 лет. Причина смерти не зафиксирована, однако для женщины этого возраста в условиях Севера наиболее вероятны инфекционные заболевания или болезни от переохлаждения. Возможно, что смерть Аграфены также была связана с той же эпидемической обстановкой, которая в последующие годы унесла и Якова.

Источники

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 164. Исповедные ведомости и метрические книги Сургута

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 106 Л. 6 Метрические книги Сургутской троицкой церкви за 1847 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 105 Л. 104 Метрические книги Сургутской Троицкой церкви за 1845 - 1849 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 104 Л. 122 Метрические книги Градо-Сургутской Троицкой церкви 1839 -1844 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 99 Л. 182 Метрические книги Берёзовского округа 1860 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 98 Л. 168 Метрические книги Берёзовского округа 1859

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 95 Л. 169 Метрические книги Берёзовского округа 1855 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 93 Л. 192 Метрические книги Берёзовского округа 1853

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 92 Л. 172 Метрические книги Берёзовского округа 1852 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 91 Л. 164 Метрические книги Берёзовского округа 1851 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 71 Л. 114 Метрические книги Берёзовского округа 1843 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Р223 Оп. 1 Д. 1 Л. 72 Метрические книги Градо-Сургутской Троицкой церкви

МКУ МА г. Сургута. Ф. Р223 Оп. 1 Д. 2 Л. 25 Метрические книги Градо-Сургутской Троицкой церкви

МКУ МА г. Сургута. Ф. Р223 Оп. 1 Д. 9. Л. 257 Метрическая книга Градо Сургутской Троицкой церкви (записи о рождении, браке, смерти).

МКУ МА г. Сургута. Ф. Р223 Оп. 1 Д. 12 Л. 65, 85 Метрические книги Градо-Сургутской Троицкой церкви

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, Оп. 8, Д. 44. Ревизские сказки 1782 года (город Сургут).

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д. 754 Л. 8

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189, Оп. 1, Д. 1. Л. 40, 115, 116, 137, 558, 569, 596, 610, 617, 662, 702, 716, 739, 755, 781, 797, 799, 836, Исповедные ведомости Сургута.

Белькова А. Е. Названия болезней и их симптомов в мет-

рических книгах первой половины XIX века Тюменского духовного правления. Часть третья: об умерших // КиберЛенинка. — 2014. (О «горячке» и других причинах смерти в метрических книгах сибирских приходов.)

Пузанов В. Д. Сургутский уезд в конце XVI–XVIII вв. // Вестник угроведения. — 2019.

Швецов С. П. Краткие заметки относительно домашнего быта жителей Сургута. (О быте, занятиях и условиях жизни сургутян.)

Зобнин Ф. К. Материалы о быте сургутян. (О жилище, одежде, пище и социальных обычаях сургутян.)

Распространение эпидемий и голода среди коренного населения Сибири в XIX — начале XX в. // Молодой учёный. (О горячке, оспе, кори в сибирских округах.)

Здравоохранение Тобольского Севера // Вестник ТюмГУ. (О медицинском обслуживании, эпидемиях тифа и оспы на Тобольском Севере.)

Сибирь в Отечественной войне 1812 года. (О рекрутских наборах и сборе пожертвований в Тобольской губернии.)

SurWiki. Храм во имя Живоначальныя Троицы. (О строительстве каменной Троицкой церкви в Сургуте.)

SurWiki. Сургут XVIII–XIX вв. (О пожарах, административном статусе и численности населения.)

Сила Яковлевич Щепёткин
(1817–1887),

Щепёткин Семён Петрович

Годы жизни: 1772 - 16.04.1843

Место жительства: г. Сургут - г. Берёзов

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Пётр Борисович БЩ-П2-002

Годы жизни: 1738 - 02.08.1812

Мать: Щепёткина Фёкла Гавриловна БЩ-П2-005

Годы жизни: 1749 - 1807

СУПРУГ(А)

Щепёткина Марфа Матвеевна (1782 - 09.02.1835) код: БЩ-П3-007

Щепёткин Семён Петрович (1772–16.04.1843)

Ранние годы Семёна

Семён Петрович Щепёткин родился, вероятно, в 1772 году — в последний год царствования Екатерины II не за горами, а Сибирь уже переживала первые губернские преобразования. Точный год рождения и данные о крещении неизвестны: метрические книги сургутского прихода за это время не сохранились. Первые документальные сведения относятся к ревизской сказке 1795 года (5 я ревизия), где Семён записан в возрасте 16 лет в составе семьи отца, Петра Борисовича Щепёткина, государственного крестьянина города Сургута. Исповедные ведомости дополняют картину: в 1804 году ему 25 лет, в 1805-м — 26, в 1807-м — 28.

Семён рос в Сургуте — небольшом городе, который к моменту его юности переживал серьёзные перемены. В 1782 году, когда Семёну было около 10 лет, было учреждено Тобольское наместничество, и Сургут стал уездным городом. Но уже в 1804 году, когда Семёну было 32 года, указом императора Александра I Сургут утратил статус уездного города и был переведён в разряд заштатных, с припиской к Берёзовскому уезду. Сургутские присутственные места были переведены в Омск, в городе остался лишь комиссар, подчинённый Березовскому исправнику. Для крестьянского общества это означало, что все административные вопросы теперь реша-

лись через Берёзов — город, расположенный в сотнях вёрст к северу, на реке Северной Сосьве.

Потеря Сургутом статуса уездного города была частью общей тенденции: южные города Сибири росли быстрее, и Сургут, с его полусотней дворов и полу сельским характером жизни, не мог конкурировать с ними. Но для молодого крестьянина Семёна Петровича это, возможно, стало толчком к решению покинуть родной город и искать лучшей доли в Берёзове — новом административном центре, к которому теперь был приписан Сургут.

Переезд в Берёзов

Семён Петрович фактически поселился в Берёзове раньше, чем это было оформлено документально. Уже в 1808 году он обвенчался в Берёзове со своей невестой Марфой Матвеевной — в Воскресенском соборе, каменном храме, заложенном в 1787 году и освящённом в 1792-м. В том же 1808 году Семён Петрович выступил поручителем на свадьбе сургутянина, солдатского сына Евдокима Ивановича Тырыкова, тоже оказавшегося в Берёзове — что говорит о том, что сургутяне перебирались сюда не поодиночке, а группами, поддерживая друг друга.

Официальное причисление к Берёзову состоялось лишь в 1815 году — по указу Тобольской казённой палаты Семён Петрович Щепёткин был выведен из сургутского крестьянского общества и причислен к городу Берёзову. Семилетний разрыв между фактическим переездом (≈1808) и официаль-

ным оформлением (1815) не был чем-то необычным: бюрократия в Сибири работала медленно, и крестьянин мог жить и работать в новом месте годами, прежде чем его формально переводили из одного общества в другое.

Берёзов — город, в котором поселился Семён

Берёзов, в котором Семён Петрович начал новую жизнь, был старше Сургута на год — основан в 1593 году — и к началу XIX века представлял собой значительно более крупный и значимый населённый пункт. Если в Сургуте жило около 500 человек, то в Берёзове в 1800 году насчитывалось 871 житель, а к 1845 году — уже 1116. Город располагался на левом возвышенном берегу реки Северной Сосьвы, верстах в двадцати пяти от её слияния с Обью. Берёзово был уездным городом Тобольской губернии, здесь действовали присутственные места, работала почтовая контора, имелось уездное училище.

Город окружали пустынные леса и тундры. Летом сообщение с внешним миром осуществлялось только по рекам: осенью добытые на промыслах рыбу и пушнину отправляли в Тобольск на дощаниках — больших плоскодонных лодках. Зимой, когда болота замерзали, открывались санные пути: на лыжах, оленьих и собачьих упряжках люди преодолевали сотни вёрст по рекам, тундрам и через Уральский хребет. Но и зимний путь был опасен: метели и снежные бураны могли застать караван в горах, заставляя людей загребаться в снежные сугробы и ждать дни, пока утихнет вьюга.

Все дома в Берёзове, как и в Сургуте, строились из дерева. Каменных зданий было всего два — Воскресенский собор (построен в 1787–1792 годах) и Богородице Рождественская церковь (освящена в 1786 году). Воскресенский собор, где Семён Петрович венчался и где крестил своих детей, был главным храмом города: каменный, с деревянной колокольней, с тремя престолами — во имя Воскресения Христова, Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая Чудотворца. В соборе хранились иконы, принесённые казаками ещё в 1592 году, при основании города.

Пожар 1808 года

В 1808 году — в тот самый год, когда Семён Петрович приехал в Берёзово и обвенчался — город был практически уничтожен пожаром. Это был один из четырёх крупнейших пожаров в истории Берёзова (до этого — в 1642, 1719 годах, после — в 1887-м). Пламя сожрало деревянную застройку, сгорели остатки кремлёвской стены — последнее напоминание о старом остроге, где при Петре I содержали государственных преступников, включая князя Меншикова. После пожара 1808 года Берёзов отстраивался заново по плану, присланному из Тобольска: улицы были спланированы заново, дома ставили по линейной разбивке.

Для Семёна Петровича это означало, что он въехал в город, который только что выгорел и начинал отстраиваться. Вокруг — пепелища, стройка, запах гари и свежего леса. Но для крестьянина, привыкшего к суровым условиям, это не

было препятствием: новые дворы означали новые возможности, а отстройка города — работу и заработок.

1812 год: Война и Сибирь

В 1812 году, когда Семёну Петровичу было около 40 лет и у него уже двое сыновей — Иван (родился в феврале 1811 го) и Даниил (родился в декабре 1812 го), — в Россию вторглась армия Наполеона. Сибирь была далеко от театра военных действий, но война коснулась и её. В Тобольской губернии проводились рекрутские наборы: по указу от 7 августа 1812 года из Сибири было взято 3552 рекрута, из них от Тобольской губернии — 2152 человека. Для немногочисленного населения Берёзовского уезда это были ощутимые потери. Кроме рекрутов, собирали деньги: к концу 1812 года по всей Сибири было внесено свыше 400 000 рублей.

Для Семёна Петровича, крестьянина с семьёй, рекрутская повинность была постоянной угрозой: каждый мужчина от 20 до 35 лет мог быть забран в армию на 25 лет — фактически навсегда. Но в 1812 году ему было уже 40 лет, и он вышел из рекрутского возраста. Его сыновья были ещё малы: Ивану — год, Даниилу — несколько дней. Опасность грозила не ему лично, но его будущему: если бы война затянулась, его подросшие сыновья могли попасть под набор.

Ссыльные в Берёзове

Берёзово с XVIII века был одним из главных мест политической ссылки в России. При Петре I здесь был построен специальный острог, куда ссылали государственных пре-

ступников. В 1727 году сюда был сослан светлейший князь Александр Меншиков — фаворит Петра I, лишённый всех званий и имущества. Меншиков жил в Берёзове до самой смерти в 1729 году и, по преданию, собственноручно строил деревянную церковь Рождества Богородицы. Затем сюда ссылали князей Долгоруковых, графа Остермана.

В 1826–1828 годах, когда Семёну Петровичу было 54–56 лет, в Берёзов прибыла новая волна ссыльных — декабристы. Первым, в январе 1828 года, приехал Иван Фёдорович Фохт — штабс-капитан, член Южного общества. Он жил в Берёзове два года, выживая случайными заказами на токарные работы и помощью местному лекарю. В апреле 1828 года прибыл барон Алексей Иванович Черкасов, который пытался открыть «общедоступные классы» для обучения местных детей грамоте, но городничий признал это «крамолой» и запретил. В июне 1828 года приехал подполковник Андрей Васильевич Ентальцев с женой Александрой Васильевной, разделившей участь мужа.

Для Семёна Петровича и его семьи появление декабристов в Берёзове было, вероятно, заметным событием: в маленьком городке, где все знали друг друга, приезд ссыльных дворян, говоривших по-французски и носивших столичные манеры, не мог пройти незамеченным. Но прямого контакта между крестьянином и ссыльными дворянами, скорее всего, не было: декабристы общались преимущественно с местной интеллигенцией и чиновниками, а крестьяне и мещане жили

своим миром — промыслами, хозяйством, повинностями.

Однако через ссыльных в город проникали и болезни. Партии колодников, шедшие этапами через Тобольскую губернию, были постоянным источником инфекций. Тиф и другие заразные болезни распространялись по «дурным условиям» пути: дождливая погода, недостаток тёплой одежды, утомление, недостаток пищи, совместное содержание здоровых и больных. Каждый населённый пункт, через который проходила партия, мог стать очагом инфекции.

Эпидемии и болезни

В годы жизни Семёна Петровича в Берёзове эпидемическая обстановка была тяжёлой. Больницы в городе не было до 1835 года — именно тогда открылась Березовская «инородческая» больница на 30 кроватей. До этого медицинская помощь фактически не оказывалась: фельдшер, упоминаемый в документах, был, по свидетельствам современников, «едва грамотный остяк, не имеющий понятия о медицине, да и медикаментов у него почти не было».

Среди населения широко распространились ревматизм, цинга, горячки различного происхождения, глистные заболевания — следствие сыроедения, к которому русское население приобщилось вслед за коренными народами. Оспопрививание в таких глухих местах фактически не проводилось. Оспа, корь, тиф уносили жизни — особенно детские. Тот факт, что из восьми сыновей Семёна Петровича один умер девятилетним от горячки (Иван, 1811–1820), а другой

прожил всего один день (Степан, 1829), хорошо иллюстрирует смертность того времени.

Сами причины смерти членов семьи Семёна Петровича — «горячка», «простуда», «чахотка», «брюшной тиф», «внутренние болезни», «сердечная болезнь», «родимец» — отражают весь спектр заболеваний, характерных для Берёзова первой половины XIX века. «Горячка» — собирательное название для острых лихорадочных состояний, включая тиф, пневмонию и сепсис. «Простуда» — болезни от переохлаждения, от воспаления лёгких до обострения хронических заболеваний. «Чахотка» — туберкулёз. «Родимец» — судорожный синдром у младенцев. «Внутренние болезни» — неясные диагнозы, которыми священники обозначали всё, что не могло быть определено на глаз.

Брак и Семья Семёна

28 января 1808 года в Воскресенском соборе Берёзова Семён Петрович Щепёткин — «Сургутского комиссарства крестьянин» — сочетался первым браком с Марфой Матвеевной (1782–09.02.1835), код: БЩ П3 007. Невеста была дочерью «присланной жены Пелагеи Ивановой» — формулировка, означавшая, что мать Марфы была сослана в Сибирь. Это указывает на то, что Марфа происходила не из старожильческой сибирской семьи, а из семьи ссыльных — обычное явление для Берёзова, где значительную часть населения составляли потомки ссыльных.

Поручителями на свадьбе были духовного правления при-

став Яков Гаврилов Сосырев и священник Василий Бешкильцев — тот самый, в приходе которого совершались крещения детей Семёна Петровича. Связь с Бешкильцевыми, судя по более поздним записям, была длительной: сын Семёна, Александр, женился в 1853 году на Прасковье Васильевне Бешкильцевой — вероятно, дочери или родственнице того самого священника. Это говорит о том, что Семён Петрович был человеком, сумевшим войти в местное общество Берёзова и установить связи с местной интеллигенцией.

В браке у Семёна Петровича и Марфы Матвеевны родилось восемь сыновей за восемнадцать лет — с 1811 по 1829 год. Все родились в Берёзове. Их судьбы складывались поразному, но в целом — это история большого, крепкого рода, разросшегося от одного переселенца в ветвистое дерево.

Дети Семёна и Марфы

БЩ-П4-001 — Иван Семёнович Щепёткин (22.02.1811–19.04.1820)

22 февраля у сургутского комиссарства крестьянина Семёна Щепёткина родился сын Иван. Восприемниками при крещении стали экспедитор Иван Карасёв и мещанская дочь Стефанида Афанасьева Торлопова. Иван прожил 9 лет и умер в Берёзове от горячки. Для мальчика девяти лет «горячка» могла означать тиф, скарлатину или другое острое инфекционное заболевание, которое в условиях отсутствия медицинской помощи было смертельным.

БЩ-П4-002 — Даниил Семёнович Щепёткин (11.12.1812–1881)

11 декабря у сургутского крестьянина Семёна Петровича Щепёткина родился сын Даниил. Восприемниками при крещении стали экспедитор Иван Кононов Карасёв и жена канцеляриста городнического правления Филиппа Ивановича Федулова Анна Алексеевна. Тот факт, что крёстной выступила жена чиновника городнического правления, говорит о том, что Семён Петрович имел связи среди Берёзовской администрации — не только крестьянское окружение, но и чиновничье.

Даниил стал самым заметным из всех сыновей Семёна Петровича. У него было два брака — с Евдокией Петровной Ослоповой и Екатериной Васильевной. От обоих браков родилось 18 детей:

Васса (1832), Параскева (1835), Анисья (1836), Пётр (1839), Андрей (1840), Матвей (1841), Виктор (1842), Порфирий (1842), Василий (1843), Мария (1845), Мария (1846), Ксенофонт (1847), Василий (1848), Евгений (1849), Феопемпт (1851), Порфирий (1853), Александр (1854), Мария (1868). Восемнадцать детей — рекорд для рода Щепёткиных. Повторение имён (Мария — трижды, Василий — дважды, Порфирий — дважды) говорит о высокой младенческой смертности: имена умерших детей давали повторно новорождённым.

Даниил служил приказчиком у Берёзовского купеческо-

го сына Котовщикова, занимался виноторговлей и жил, надо полагать, не бедно. Он имел широкие связи в Берёзовском обществе: сблизился с чиновником, который стал крёстным четверых его сыновей. Сына Матвея он выгодно женил на дочери Берёзовского купеческого брата Александра Александровича Нижегородцева. Старший сын Пётр учился в Берёзовском уездном училище, и хотя полного курса не окончил, имел способности к счётному делу, которые были замечены. В 1862 году крестьянское общество Берёзова избрало его на три года депутатом в оценочную комиссию недвижимых имуществ. Впоследствии ему пришлось быть бухгалтером казначейства, депутатом в составе квартирной комиссии, старшим надзирателем тюремного замка в Берёзове, почтальоном Тобольской губернской почтовой конторы, бухгалтером Ялуторовского окружного казначейства и бухгалтером Тобольской казённой палаты, помощником распорядителя Тобольского ломбарда. Более 40 лет Пётр Данилович прожил в Тобольске, где и умер в конце 1914 года. Его сын Антонин стал учителем, преподавал в южных уездах Тобольской губернии и получил известность благодаря своей общественной активности: состоял действительным членом общества взаимного вспомоществования, учащим и учившим в учебных заведениях Тобольской губернии, сотрудничал с губернским музеем, публиковал заметки в «Сибирском листке», интересовался сибирским русским фольклором. Даниил Семёнович прожил 68 лет и умер в Берёзове

в 1881 году. Подробно о детях Даниила будет рассказано в отдельной главе.

БЩ-П4-003 — Леонтий Семёнович Щепёткин (14.07.1815–03.10.1861)

14 июля у крестьянина Семёна Петровича Щепёткина родился сын Леонтий. Восприемниками при крещении стали титулярный советник уездного суда Максим Карпов и жена титулярного советника Ивана Фёдулова Анна. Титулярные советники — чиновники 9 го класса — были представителями Берёзовской административной элиты, и то, что они выступали крёстными у сына крестьянина, говорит о заметном положении Семёна Петровича в местном обществе. В 1839 году Леонтий женился на Анне Васильевне Сверчковой. В их браке родилось 7 детей: Анна (1840), Агриппина (1843), Николай (1858), Васса (1848), Александра (1854), Мария (1854), Наталья (1856). Леонтий прожил 46 лет и умер в Берёзове от простуды в 1861 году. «Простуда» в метрических книгах означала широкий спектр заболеваний, вызванных воздействием холода: от воспаления лёгких и бронхита до обострения хронических болезней.

БЩ-П4-004 — Михаил Семёнович Щепёткин (09.09.1817–03.07.1853)

9 сентября у крестьянина Семёна Петровича Щепёткина родился сын Михаил. Восприемниками при крещении ста-

ли уездный судья Максим Фёдорович Карпов и жена казака Алексея Поленова Стефанида Афанасьевна. Михаил прожил 35 лет и умер в Берёзове от горячки в 1853 году. Семьи у него не зафиксировано — он мог остаться холостым, что в условиях небольшого города не было редкостью.

БЩ-П4-005 — Семён Семёнович Щепёткин (01.02.1819–30.03.1891)

1 февраля у крестьянина Семёна Петровича Щепёткина родился сын Семён — названный в честь отца. Восприемниками при крещении стали пензинского губернского города купец Ефим Бочкарёв и та же жена казака Алексея Поленова Стефанида Афанасьевна. Присутствие иногороднего купца среди восприемников — примечательная деталь: Ефим Бочкарёв был приезжим из Пензы, и его выбор в качестве крёстного говорит о торговых связях берёзовского общества с купцами из центральной России. Семён Семёнович женился дважды. В 1842 году — на Татьяне Дмитриевне Шаховой. В их семье родилось двое сыновей: Иван (1843) и Михаил (1844). В 1845 году скончалась жена Татьяна. В 1847 году Семён женился второй раз — на Анне Григорьевне Гундыревой, но совместных детей не зафиксировано. Семён Семёнович прожил 72 года и умер в Берёзове от брюшного тифа 30 марта 1891 года. Брюшной тиф — кишечная инфекция, распространявшаяся через заражённую воду и пищу; в условиях плохого водоснабжения и отсутствия санитарии он был

постоянной угрозой для жителей сибирских городов.

БЩ-П4-006 — Захар Семёнович Щепёткин (06.09.1821–06.12.1858)

6 сентября у крестьянина Семёна Петровича Щепёткина родился сын Захарий. Восприемниками при крещении стали Николай Алексеевич Высоцкий и та же жена казака Алексея Поленова Стефанида Афанасьевна. Захар женился два раза — на Анне Михайловне Кокоулиной и Степаниде Филипповне Шаховой. С Анной у них родилось 6 детей: Пелагея (1848), Николай (1849), Анна (1851), Евдокия (1852), Неонила (1853), Василий (1854). Анна Михайловна скончалась в 1855 году от простуды. В 1857 году Захар женился на Степаниде, но совместных детей не зафиксировано. После смерти Захара в 1858 году Степанида вышла замуж в 1860 году за Якова Ивановича Палтырева и родила ему пятерых детей. Захар прожил 37 лет и умер в Берёзове от «внутренних болезней» — формулировка, которой священники обозначали заболевания, не поддающиеся определению на глаз. Его сын Николай окончил Берёзовское уездное училище, избрал профессию учителя и в 1880-е годы преподавал в селе Сухоруковском Берёзовского округа. Заслужил звание личного почётного гражданина. В первом десятилетии XX века жил в Берёзове, избирался старостой Воскресенского собора.

БЩ-П4-007 — Александр Семёнович Щепёткин (1827–04.04.1889)

В исповедной ведомости 1831 года Александр записан в возрасте 4 лет. Метрической записи о рождении не сохранилось. В 1853 году женился на Парасковье Васильевне Бешкильцевой — вероятно, из семьи того самого священника Василия Бешкильцева, который венчал родителей Александра в 1808 году. В их семье родилось 4 детей: Феодосия (1854), Анна (1854), Амфилохий (1864), Порфирий (1868). Известно, что Александр родился в Берёзове, дети его тоже в Берёзове, позже вся семья перебралась жить в село Чемашевское Берёзовского округа. Александр прожил 62 года и умер в Чемашевском от сердечной болезни 4 апреля 1889 года. Его братья Иван и Александр Семёновичи (внуки Семёна Петровича) также переселились в Чемашевское, а в списке населённых мест Берёзовского района на 1926 год значится заимка Щепёткина, состоявшая из двух хозяйств с 11 жителями.

БЩ-П4-008 — Степан Семёнович Щепёткин (07.04.1829–08.04.1829)

Прожил один день. Родился в Берёзове, умер там же от «родимца» — так в метрических книгах обозначали судорожный синдром у младенцев, чаще всего связанный с родовой травмой, инфекцией или нарушением обмена веществ. В условиях отсутствия медицинской помощи родимец был

одной из самых частых причин смерти новорождённых.

Судьба Семёна и Марфы: завершение главы

Марфа Матвеевна умерла первой — 9 февраля 1835 года от чахотки. Чахотка — туберкулёз лёгких — была одной из самых распространённых болезней в сибирских городах, особенно в условиях тесноты деревянных изб, плохого питания и сурового климата. Для женщины 53 лет, родившей восьмерых детей и пережившей смерть одного из них, чахотка могла стать следствием многолетнего истощения организма. Семён Петрович остался вдовцом в 63 года, с младшими сыновьями на руках — Александру было 8 лет, когда умерла мать.

Семён Петрович пережил жену на восемь лет. Он умер 16 апреля 1843 года в Берёзове от простуды. Для мужчины 71 года, прожившего жизнь в суровых условиях Севера, «простуда» могла означать воспаление лёгких, бронхит или обострение хронических заболеваний — всё то, что в условиях отсутствия медицинской помощи и долгой зимы могло убить пожилого человека за несколько дней.

К моменту смерти Семёна Петровича в Берёзове только-только открылась больница — в 1835 году, Березовская «инородческая» больница на 30 кроватей. Но для Семёна Петровича это уже было поздно: он прожил всю жизнь без медицинской помощи, как и его жена, и большинство его современников.

Источники

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 39 Л. 180 Метрические книги Березовского округа 1808 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 42 Л. 173 Метрические книги Березовского округа 1811 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 43 Л. 23 Метрические книги Березовского округа 1812 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 45 Л. 19 Метрические книги города Березова 1815 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 47 Л. 145 Метрические книги Березовского округа 1817 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 49 Л. 134 Метрические книги Березовского округа 1819 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 50 Л. 151 Метрические книги Березовского округа 1820 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 51 Л. 137 Метрические книги Березовского округа 1821 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 55 Л. 5 Метрические книги Березовского округа 1828 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 56 Л. 8 Метрические книги Березовского округа 1829 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 59 Л. 171 Метрические книги Березовского округа 1832 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 61 Л. 144, 147 Метрические книги Березовского округа 1835 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 62 Л. 158 Метрические книги Березовского округа 1836 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 66 Л. 36 Метрические книги Березовского округа 1839 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 67 Л. 13 Метрические книги Березовского округа 1840 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 70 Л. 14 Метрические книги Березовского округа 1842 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 73 Л. 16, 27 Метрические книги Березовского округа 1845 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 75 Л. 5 Метрические книги Березовского округа 1847 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 76 Л. 18 Метрическая книга Березовской городской Богородице-Рождественской церкви за 1847 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 88 Л. 12 Метрические книги Березовского округа 1848 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 89 Л. 15 Метрические книги Березовского округа 1849 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 91 Л. 4, 5, 12, 14, 23 Метрические книги Березовского округа 1851 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 93 Л. 14, 15 Метрические книги Березовского округа 1853 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 94 Л. 6 Метрические книги Березовского округа 1854 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 96 Л. 8 Метрические книги Березовского округа 1856 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 97 Л. 27, 33 Мет-

рические книги Березовского округа 1857 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 98 Л. 25 Метрические книги Березовского округа 1859 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 114. Метрические книги Берёзовского округа.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 164. Исповедные ведомости Сургута 1796–1838 годов.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 9. Метрическая книга Сургутской Троицкой церкви.

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И716 Оп. 1 Д. 24 Л. 164

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И716 Оп. 1 Д. 9 Л. 12, 42, 45, 53, 70, 117, 123 Метрические книги 1839-1844

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И716 Оп. 1 Д. 11 Л. 18, 34, 85, 87, 186, 357

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И716 Оп. 1 Д. 24 Л. 164

МКУ МА г. Сургута. Ф. И1 Оп. 4 Д. 1 Л. 26, 54, 228, 316 Метрическая книга Воскресенского собора града Берёзова Тобольской духовной Консистории (1860-1873)

МКУ МА г. Сургута. Ф. И1 Оп. 4 Д. 2 Л. 70 Метрическая книга Воскресенского собора града Берёзова Тобольской духовной Консистории (1890-1894)

МКУ МА г. Сургута. Ф. И1 Оп. 4 Д. 7 Л. 48 Метрическая книга Воскресенского собора града Берёзова Тобольской духовной Консистории (1920-1929, 1932-1937)

МКУ МА г. Сургута. Ф. И1 Оп. 6 Д. 16 Л. 306 Метрическая книга Чемашевской Николаевской церкви

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д. 762 Л. 497

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д. 747 Л. 31

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154 Оп. 8 Д. 277. Л. 42 Ревизские сказки 1795 года (город Сургут).

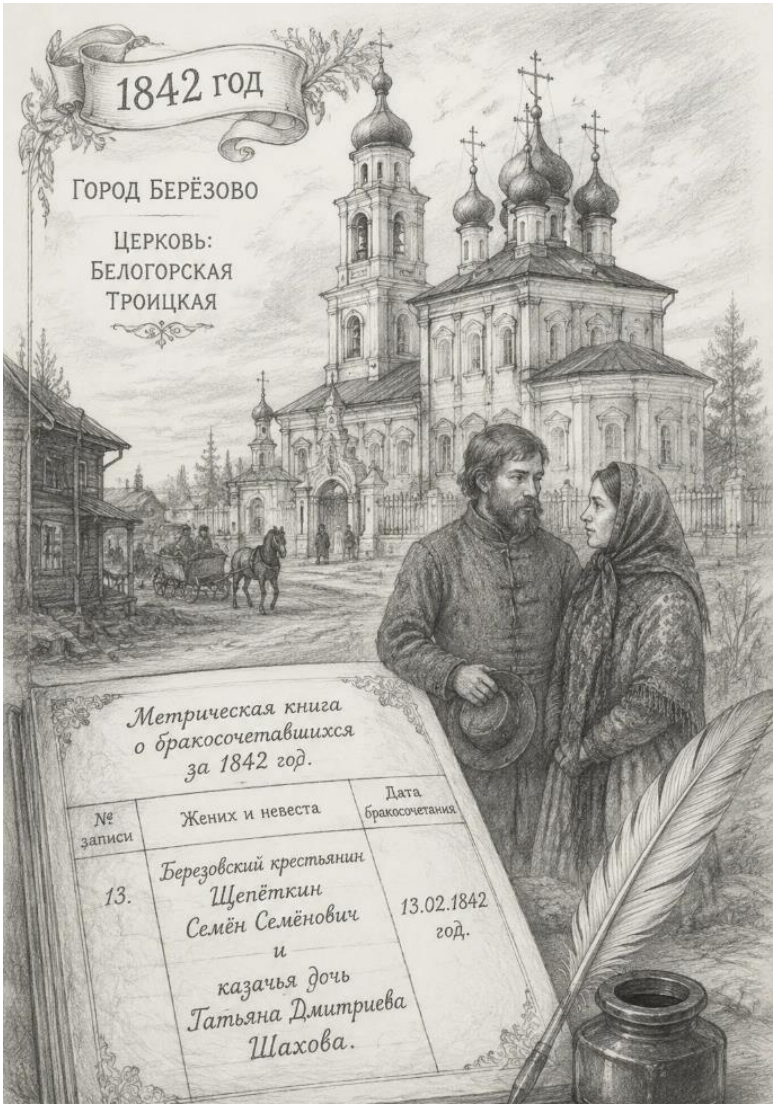
Пузанов В. Д. Сургутский уезд в конце XVI–XVIII вв. // Вестник угроведения. — 2019.

Государственный архив Югры. Очерк № 18. Город Березов — от остяцкого поселения до уездного центра Сибири.

Государственный архив Югры. Очерк № 20. Декабристы в Березове.

Шуляк В. Г. Березов и Сургут как административные центры севера Тобольской губернии конца XIX — начала XX в.: медико-санитарное состояние // Вестник ТюмГУ.

Ершов М. Ф. Город Березов конца XVIII — начала XX вв. // Вестник угроведения.

1842 год
Город Берёзово
Церковь:
Белогорская
Троицкая
Метрическая книга
о бракосочетавшихся
за 1842 год.
№ записи
Жених и невеста
Дата бракосочетания
13.
Березовский крестьянин
Щепёткин
Семён Семёнович
и
казачья дочь
Татьяна Дмитриева
Шахова.
13.02.1842
год.

Щепёткин Павел Петрович

Годы жизни: 1775 - 1859

Место жительства: г. Сургут - Тундрино

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Пётр Борисович БЩ-П2-002

Годы жизни: 1738 - 02.08.1812

Мать: Щепёткина Фёкла Гавриловна БЩ-П2-005

Годы жизни: 1749 - 1807

СУПРУГ(А)

Щепёткина Евдакия Ивановна (1779 - 19.03.1837) код: БЩ-П3-008

Щепёткин Павел Петрович (1775–1859)

Ранние годы Павла

Павел Петрович Щепёткин родился в 1775 году — в последний год перед началом эпохи «просвещённого абсолютизма» Екатерины II, когда империя менялась сверху, а для сибирского крестьянина эти перемены оставались далёкими и почти незаметными. Единственный источник о его возрасте — ревизская сказка 4-й ревизии (1782 год), где Павел записан в возрасте четырёх месяцев в составе семьи отца, Петра Борисовича Щепёткина, государственного крестьянина города Сургута. Метрической записи о рождении и крещении не сохранилось: в деревянных церквях Севера бумаги гибли от сырости и пожаров, и именно ревизии часто становились единственной документальной опорой для генеалогов.

Павел был младшим братом Семёна Петровича (БЩ П3 001), который на три года старше. Их судьбы сложились поразному, хотя начинались рядом: Семён фактически поселился в Берёзове раньше, чем это было оформлено документально. Уже в 1808 году он обвенчался в Берёзове со своей невестой Марфой Матвеевной в Воскресенском соборе — каменном храме, заложенном в 1787 году и освящённом в 1792 году. В том же 1808 году Семён Петрович выступил поручителем на свадьбе сургутянина, солдатского сына Евдокима Ивановича Тырыкова, тоже оказавшегося в Берёзове.

Это говорит о том, что сургутяне перебирались сюда не поодиночке, а группами, поддерживая друг друга в новом месте.

Официальное причисление Семёна Петровича к Берёзову состоялось лишь в 1815 году: по указу Тобольской казённой палаты он был выведен из сургутского крестьянского общества и причислен к городу Берёзову. Семилетний разрыв между фактическим переездом (около 1808) и официальным оформлением не был чем-то необычным: бюрократия в Сибири работала медленно, и крестьянин мог жить и работать в новом месте годами, прежде чем его формально переводили из одного общества в другое.

В браке у Семёна Петровича и Марфы Матвеевны родилось восемь сыновей за восемнадцать лет — с 1811 по 1829 год, все родились в Берёзове. Их судьбы складывались поразному, но в целом это история большого, крепкого рода, выросшего от одного переселенца в ветвистое дерево. Самым заметным из сыновей стал Даниил: он служил приказчиком у берёзовского купеческого сына Котовщикова, занимался виноторговлей и имел широкие связи в обществе. Его сын Матвей был выгодно женат на дочери берёзовского купеческого брата Александра Александровича Нижегородцева, а старший сын Пётр прошёл путь от ученика уездного училища до бухгалтера Тобольской казённой палаты и помощника распорядителя Тобольского ломбарда.

В отличие от линии ИЩ, где Илья Семёнович перешёл из

крестьян в мещане, линия БЩ оставалась крестьянской. В метрической записи о браке Павла в 1806 году он так и назван — «упразднённого города Сургута крестьянин». И все его дети, и их дети тоже были крестьянами. Это определяло и повинности, и образ жизни: крестьянское тягло, подушная подать, подводная и дорожная повинности, казённые заготовки. Но в Сургуте, где земледелия фактически не было, крестьянин мало отличался от мещанина по роду занятий: и те и другие жили рыбным промыслом, извозом, заготовкой дров и дикоросов.

Сургут в годы жизни Павла: между городом и волостью

Павел Петрович прожил 84 года, но не все они пришлись на Сургут. Его жизненный путь чётко делится на два отрезка: Сургутский и Тундринский. И оба эти отрезка шли на фоне больших перемен, которые делали Север не просто фоном, а настоящим испытанием для семьи.

1782 год, когда Павлу было семь лет, — учреждение Тобольского наместничества. Сургут стал уездным городом. Это было время надежд: появились новые административные учреждения, усилился документооборот, началось строительство каменного Троицкого собора. Город как будто ожил. Именно тогда и была составлена та самая ревизская сказка, где маленький Павел впервые зафиксирован документально.

Но в 1804 году, когда Павлу исполнилось 29 лет, случи-

лась катастрофа. Указом императора Александра I Сургут утратил статус уездного города и был переведён в разряд заштатных, с припиской к Берёзовскому уезду. Присутственные места перевели в Омск, в городе остался лишь комиссар, подчинённый берёзовскому исправнику. В метрической записи о браке Павла в 1806 году Сургут так и назван — «упразднённый город». Для крестьянина это означало, что все административные вопросы теперь решались через Берёзов, а сам город превратился в глухую провинцию провинции. Именно в эти годы брат Павла, Семён Петрович, решил уехать в Берёзов — туда, где была администрация, где можно было найти работу и подняться. Павел остался.

До 1822 года семья Павла стабильно отмечалась в исповедных ведомостях как государственные крестьяне Сургута. Эти ведомости были важным инструментом учёта: священники фиксировали, кто из прихожан был на исповеди и причастии, и по этим спискам историки сегодня восстанавливают состав семей и перемещения людей. Исчезновение семьи Павла из ведомостей после 1822 года — не случайность и не ошибка писца. Это след реального поворота в судьбе: Павел переехал в Тундрино.

Тундрино в начале XIX века было не просто «деревней», а станцией и центром волости — важным узлом на речной и сухопутной сети Приобья. Станция Тундринская находилась в 92 верстах от Сургута и была вторым по численности русского населения поселением в Сургутском уезде. Для

крестьянина переезд туда означал смену хозяйственных ориентиров: вместо городской суеты и близости к административным центрам — жизнь в волости, где главными занятиями оставались рыбный промысел, извоз, заготовки и отхожие промыслы.

Важно понимать, что в промежутке между 1823 и 1831 годами семья Павла, скорее всего, учитывалась в документах Тундринской волости или по месту промыслов, поэтому её нет в сургутских ведомостях. Начиная с 1832 года священники вновь стали записывать семью Павла — но уже как уездных крестьян Сургута. Эта формулировка может показаться противоречивой, но она типична для документов того времени: человек числился по уезду, а не по конкретному населённому пункту. То есть формально Павел оставался «уездным крестьянином» Сургутского уезда, хотя фактически жил в Тундринской волости. Бюрократическая инерция и особенности учёта делали такие расхождения нормой: семья могла жить в волости десятилетиями, но в ревизиях и ведомостях значиться по уездному городу.

22 июля 1840 года, когда Павлу было 65 лет, в Сургуте случился самый страшный пожар в его истории. «От неизвестной причины» город полностью выгорел: 83 дома, деревянная церковь, ограда, караульня, казачья сборная изба, питейный дом с подвалом. Уцелел только каменный Троицкий собор — единственное каменное здание, строительство которого началось ещё в 1781 году.

Финский учёный лингвист Матиас Александр Кастрен, проезжавший через Сургут в 1845 году, описал увиденное так: «От прежнего могущественного города осталось только несколько жилых лачуг, беспорядочно разбросанных среди пожарищ, ни одной порядочной улицы, ни одного хорошего строения, даже редко где есть стёкла на окнах».

Для Павла, жившего к тому времени в Тундрине, этот пожар стал не личной катастрофой, а вестью о гибели старого Сургута — того города, где он родился, женился и растил детей. Если бы он оставался в Сургуте, ему в 65 лет пришлось бы заново рубить дом, заготавливать лес, восстанавливать хозяйство. В Тундрине его быт был устроен иначе: там он опирался на волостную общину, на связи с местными семьями, на промыслы, привязанные к реке и сезонным маршрутам.

К 1850-м годам Сургут отстроился — появилось 160 новых домов, — и Павел, вероятно, знал об этом возрождении. Он мог слышать рассказы приезжавших из города, мог встречать знакомых, возвращавшихся в родные места, мог видеть, как меняется привычный ландшафт. Но сам он уже прочно был связан с Тундрином: там жили его взрослые дети, там складывался новый уклад, в котором пожар 1840 года стал рубежом между «старым» и «новым» Севером.

Эпидемии в годы жизни Павла: между Сургутом и Тундрином

Сургут в годы жизни Павла Петровича был местом, где

любая болезнь становилась не просто личной бедой, а испытанием для всей семьи и общины. При этом важно помнить: до 1823 года Павел жил в Сургуте, а после — в Тундринской волости. И хотя административные отчёты и метрические книги чаще фиксировали Сургут, для самого Павла и его близких эпидемия приходила не в абстрактный «уезд», а в конкретный дом — будь то городская изба или сельский двор на берегу Оби.

Медицинской помощи фактически не существовало: до 1835 года больницы в Сургуте не было вообще. В 1825 году в городе числился один-единственный оспопрививатель, но оспопрививание в глухих местах шло нерегулярно, а детрит (материал для вакцинации) часто отсутствовал. Для Тундрино, находившегося в 92 верстах от города, ситуация была ещё сложнее: помощь сюда почти не доходила, а любые известия о болезнях приходили с запозданием.

Эпидемии били по семье точечно, но неотвратимо

1812 год. В семье Павла умер годовалый сын Семён от кори. Тогда Павел ещё жил в Сургуте. Корь в метрических книгах часто фиксировалась как детская болезнь, но для младенца она была смертельно опасной: в тесноте деревянных изб инфекция распространялась стремительно, а отсутствие прививок делало почти неизбежными тяжёлые осложнения. Эта трагедия стала первой большой утратой в семье.

1823 год. Именно в этом году Павел переехал в Тундрино. Для историка эта дата — рубеж: семья исчезает из исповед-

ных ведомостей Сургута. Для семьи же это был не только переезд, но и смена среды обитания: вместо городской тесноты — более разреженная сельская община, близость к реке, сезонные промыслы. Но и здесь не было защиты от болезней: в небольших поселениях, где все семьи тесно связаны, любая вспышка быстро охватывала десятки дворов. В том же 1823 году из записей пропадает сын Василия — ему было 13 лет. Причина смерти не зафиксирована, но в условиях Севера для подростка наиболее вероятны инфекционные заболевания, которые в волостях распространялись, не менее быстро, чем в городе.

1830–1831 годы. Первая эпидемия холеры в России. Начавшись в долине Ганга и пройдя через Персию, холера за два года унесла около 200 000 жизней. До Сибири эпидемия дошла не сразу из за удалённости и слабого развития транспортных путей, но Тобольская губерния стала одним из первых сибирских регионов, куда инфекция могла проникнуть по речным маршрутам. Для Павла, жившего к этому времени в Тундрине, угроза была не абстрактной: слухи о «море» быстро разносились по волостям, а речной путь связывал даже самые отдалённые поселения.

1835 год. В Сургуте зафиксирована эпидемия «краснухи»: заболело 720 человек. При населении города в 500–600 жителей это означало, что переболел почти каждый. Важно понимать, что термин «краснуха» в документах той эпохи мог обозначать разные сыпные лихорадочные болезни — в

том числе скарлатину и другие инфекции. Хотя эпидемия официально отмечена в Сургуте, её волны неизбежно доходили и до Тундринской волости: люди ездили в город по делам, на рынок, к священникам, возвращались с новостями — и с инфекцией. Павлу в тот год было около 60 лет, и вполне вероятно, что он либо сам переболел, либо ухаживал за больными родственниками, рискуя жизнью.

1837 год. Двойная трагедия, которая ударила уже по взрослой семье Павла. 19 марта от горячки умерла его жена Евдокия Ивановна в возрасте 58 лет. А 17 апреля в станции Тундринской от чахотки умер старший сын Иван — ему было всего 30 лет. То, что Иван умер именно в Тундринской, подчёркивает: к этому времени связь семьи с волостью стала прочной, и многие её члены жили здесь постоянно. «Горячка», убившая Евдокию, могла быть связана с последствиями эпидемии 1835 года либо с новой вспышкой инфекции: в небольших сообществах лихорадочные болезни циркулировали годами, возвращаясь с новыми волнами. Чахотка (туберкулёз), ставшая причиной смерти Ивана, была одной из самых распространённых причин гибели молодых людей в Сибири — её подпитывали плохое питание, сырость в избах и тяжёлый труд.

1848 год. Холера впервые пришла в Тобольск: за короткое время заболело 1125 человек, умерло 635. Сургут из-за своей удалённости пострадал меньше, чем южные города губернии, но слухи о бедствии доходили и сюда. Для Павла,

которому в тот год было 73 года, эти вести были особенно тревожными: он уже пережил пожар, смерть жены и сына, множество болезней — и понимал, что новая волна может ударить по оставшимся близким.

1853–1854 годы. Новая вспышка холеры в Тобольской губернии. Случаи фиксировались в Тюмени и Тобольске. Павлу было уже 78–79 лет — глубокий старик, который видел, как болезни выкашивали целые поколения его семьи. Для него эти известия были не просто строками в отчётах, а напоминанием о хрупкости жизни, которую он наблюдал на протяжении всей своей долгой судьбы.

Брак и Семья

16 июля 1806 года Павел Петрович Щепёткин — «упразднённого города Сургута крестьянин» — обвенчался с Евдокией Ивановной Замятиной (1779–1837; код: БЩ П3 008), дочерью крестьянина Ивана Яковлевича Замятина. Запись в метрической книге звучит предельно лаконично, как и положено документу: «16 числа упразднённого города Сургута крестьянин Павел Петрович Щепеткин того же города у крестьянина Ивана Яковлевича Замятина на дочери его родной, девице Евдокии, первым браком венчаны. Поручителей не записано».

Но за этой сухой строкой скрывается вполне живая картина. Для небольшого Сургута, где все семьи знали друг друга десятилетиями, такая простота могла быть нормой: священник и без поручителей понимал, что препятствий к бра-

ку нет, а родственные и соседские связи и так держали всех на виду. Отсутствие поручителей не обязательно говорит о бедности или изоляции семьи — скорее, о доверии общины и о том, что свадьба была «своей», привычной, без лишней торжественности.

Евдокия Ивановна родилась в 1779 году, то есть к моменту венчания ей было 27 лет — по меркам начала XIX века возраст уже не девичий. В крестьянской среде девушек нередко выдавали замуж в 16–20 лет, и к 27 годам незамужняя женщина считалась «перестарком». Причины такой задержки могли быть разными: возможно, семья берегла дочь как помощницу по хозяйству, или не находилось подходящего жениха, или были какие-то семейные обстоятельства. Но для Павла, которому в 1806 году исполнилось 31 год, Евдокия была идеальной парой: зрелой, хозяйственной, понимавшей, как устроена крестьянская жизнь.

Семья Замятиных была хорошо известна в Сургуте. Отец Евдокии, Иван Яковлевич Замятин, числился крестьянином, и его имя встречается в документах не раз — а значит, это была устойчивая, укоренённая в городе семья. Для Павла, который всю жизнь оставался в Сургуте и позже переехал в Тундрино, родство с Замятиными оказалось важным: через них выстраивалась сеть связей, которая помогала и в быту, и в делах, и даже в церковных обрядах.

Показательно, что позже, в 1835 году, крестьянская жена Евдокия Ивановна Замятина (вероятно, родственница неве-

сты) выступала восприемницей при крещении внуков Павла. Это не случайность: в небольших приходах крёстными часто становились именно родственники, и такая преемственность говорит о том, что семьи Замятиных и Щепёткиных оставались близки даже спустя десятилетия после свадьбы.

Сама свадьба, скорее всего, была скромной. В крестьянском быту Сургута не было принято устраивать пышные торжества: важнее были благословение родителей, согласие общины и практическая сторона — чтобы молодая жена сразу могла влиться в хозяйство. Для семьи Павла это имело особое значение: крестьянское тягло, подушная подать, подводная и дорожная повинности, казённые заготовки требовали, чтобы в доме всегда были рабочие руки. Евдокия, выросшая в крестьянской семье, с детства знала, как вести хозяйство на Севере: как запасать дрова, сушить и солить рыбу, заготавливать дикоросы, справляться с долгой зимой и весенними разливами.

Венчание проходило в Троицкой церкви — единственном крупном храме города, который был не только духовным, но и административным центром. Именно здесь оглашали указы, вели учёт прихожан, записывали рождения, браки и смерти. Для Павла и Евдокии этот храм стал точкой отсчёта семейной истории: все важные события их жизни, от крещения детей до исповедей, фиксировались здесь. Даже когда семья позже переехала в Тундрино, где не было своей церкви, им приходилось регулярно ездить в Сургут, чтобы участ-

вовать в обрядах. Такие поездки зимой по льду или летом на лодке были не просто дорогой, а целым событием: брали с собой детей, везли подарки родственникам, старались совместить несколько дел сразу.

В браке у Павла и Евдокии родилось восемь детей за девятнадцать лет — с 1806 по 1825 год. Такая большая семья — не только отражение норм эпохи, но и показатель того, что союз оказался крепким и жизнеспособным. На плечи Евдокии легла огромная нагрузка: воспитание детей, ведение хозяйства, поддержка мужа в тяжёлых условиях Севера. И судя по тому, как прочно род Щепёткиных закрепился в документах, в том числе через крёстные связи и браки с другими семьями, Евдокия сумела выстроить вокруг себя ту самую общинную опору, которая помогала семье выживать.

Дети Павла и Евдокии

БЩ-П4-009 — Иван Павлович Щепёткин (24.09.1806–17.04.1837)

24 сентября у крестьянина Павла Щепёткина родился сын Иван. Восприемником при крещении стал Василий Буканин. Иван женился дважды. Документов о первом браке не сохранилось, но в исповедной ведомости 1833 года супругой Ивана записана Агриппина Ивановна 28 лет, с дочерью Екатериной 4 лет и сыном Павлом 1 года. Уже в следующем, 1834 году, Агриппины в составе семьи нет — вместо неё записана Фёкла Николаевна 29 лет. Возможно, Агриппина умерла, и Иван женился вторично — на Фёкле.

От этих браков у Ивана родилось шестеро детей: Екатерина (1829), Павел (1832), Григорий (1833), Илья (1834), Параскева (1835), Варвара (1837). Восприемниками выступали крестьяне Безперстовы (Яков Николаевич, Ирина, Иван Николаевич) — семья, с которой Щепёткины были связаны через брак дочери Павла, Марфы, вышедшей замуж за Афанасия Семёновича Безперстова. Также восприемницей была крестьянская жена Евдокия Ивановна Замятина — вероятно, родственница матери Ивана, Евдокии Ивановны.

Иван прожил 30 лет и умер 17 апреля 1837 года от чахотки в станции Тундринской. Станция Тундринская — старинное русское поселение в 92 верстах от Сургута, центр Тундринской волости — была вторым по численности русского населения поселением в Сургутском уезде. То, что Иван оказался там, говорит о том, что он, как крестьянин, мог быть отправлен на отхожий промысел или переселился в волость. Чахотка (туберкулёз) была одной из самых частых причин смерти молодых людей в Сибири — следствие сырости, плохого питания и тяжёлого труда.

БЩ-П4-011 — Василий Павлович Щепёткин (26.05.1809–1823)

26 мая у крестьянина Павла Щепёткина родился сын Василий. Восприемниками при крещении стали крестьянин Фёдор Замятин и жена умершего канцеляриста Фёдора Силина Марфа. Присутствие среди крёстных члена семьи За-

мятиных — родственников по линии матери — подтверждает тесные связи между семьями. Василий прожил 13 лет. Последняя запись о нём — в исповедной ведомости 1822 года. В 1823 году он уже не числится. Причина смерти не зафиксирована, но для подростка 13 лет в условиях Севера наиболее вероятны инфекционные заболевания.

БЩ-П4-012 — Семён Павлович Щепёткин (1811–01.02.1812)

Метрической записи о рождении не сохранилось, но есть запись о смерти: 1 февраля 1812 года у крестьянина Павла Петровича Щепёткина умер сын Семён в возрасте 1 года от кори. Корь была одной из самых опасных детских болезней того времени: для непривитого младенца она могла закончиться пневмонией, энцефалитом или сепсисом. В условиях Сургута, где медицинской помощи не существовало, корь убивала детей быстро.

БЩ-П4-013 — Яков Павлович Щепёткин (17.03.1812–≈1820)

17 марта у крестьянина Павла Петровича Щепёткина родился сын Яков. Восприемником при крещении стала дочь крестьянина Ивана Замятина Феодосья — ещё одна связь с семьёй матери. Яков прожил около 7 лет: последняя запись о нём — в 1819 году, в 1821 году он уже не числится в составе семьи. Причина смерти не зафиксирована.

БЩ-П4-010 — Николай Павлович Щепёткин (1814–между 1837 и 1842)

В исповедной ведомости 1815 года Николай записан в возрасте 1 года. Метрических записей о рождении не сохранилось. 17 ноября 1832 года Николай женился на Вассе Ивановне Самостреловой. Поручителями были сургутский мещанин Михаил Иоаннович Рытов и сургутский казак Стефан Галактионович Кайдалов — сочетание мещанских и казачьих поручителей говорит о том, что крестьянская семья Павла была связана с разными сословиями Сургута.

В семье Николая и Вассы родилось трое детей: Захар (18.06.1833), Марья (06.04.1834) и Пётр (17.08.1835). Марья выйдет замуж за Михаила Васильевича Долгополова, родит ему семерых детей и умрёт в 1893 году от холеры. Пётр женится в 1857 году на Параскеве Касьяновой Туполевой — из известного сургутского казачьего рода, — у них родятся 8 детей, проживёт 64 года и умрёт в 1900 году от катара желудка. Подробно о потомках будет рассказано в отдельных главах.

Дальнейшая судьба самого Николая неизвестна: между 1837 и 1842 годом он исчезает из записей.

БЩ-П4-014 — Марфа Павловна Щепёткина (04.07.1815–?)

4 июля у крестьянина Павла Щепёткина родилась дочь

Марфа. Восприемниками при крещении стали крестьянин Варфоломей Буканин и жена казака Осипа Клепикова Марфа. 10 июля 1832 года Марфа вышла замуж за Афанасия Семёновича Безперстова — из крестьянской семьи, тесно связанной со Щепёткиными (Безперствовы были восприемниками у детей Ивана Павловича). В их семье родилось четверо детей: Ульяна (1840), Семён (1842), Екатерина (1845), Мария (1847). Дальнейшая судьба Марфы неизвестна.

БЩ-П4-015 — Гаврило Павлович Щепёткин (08.07.1820–03.02.1880)

8 июля у крестьянина Павла Щепёткина родился сын Гаврило. Восприемником при крещении стал пономарь Яков Силин — церковный служитель, что говорит о связи семьи с приходским клиром, как и в линии ИЩ, где пономарь Александр Попов был крёстным у ребёнка Якова Ильина. 27 января 1846 года Гаврило женился на Наталье Ивановне Кузнецовой. В их семье родилось шестеро детей: Егор (1852), Мария (1853), Иван (1856), Пётр (1862), Василий (1865), Евгения (1867). Гаврило прожил 59 лет и умер 3 февраля 1880 года от чахотки. Он жил в Тундринской волости — как и его брат, Иван, он переселился из Сургута в сельскую местность, вероятно, для занятий крестьянским промыслом.

БЩ-П4-016 — Александра Павловна Щепёткина (21.04.1825–14.06.1892)

21 апреля у крестьянина Павла Щепёткина родилась дочь Александра — последний ребёнок в семье, родившийся, когда отцу было около 50 лет. Восприемником при крещении стал пономарь Яков Силин — тот же, что и у Гаврилы. 11 января 1848 года Александра вышла замуж за Силу Яковлевича Щепёткина (ИЩ П3 009) — из ветки ИЩ. Этот брак, как уже говорилось в главе о Якове Ильине, — единственный документально подтверждённый случай соединения двух ветвей рода, БЩ и ИЩ, через брачный союз. В семье Силы и Александры родилось семеро детей: Ирина (1850), Феодосия (1852), Андрей (1853), Роман (1855), Георгий (1859), Николай (1864), Сергей (1868). Александра прожила 67 лет и умерла в Сургуте от старости. Этот брак Александры — младшей дочери крестьянина Павла Петровича из линии БЩ — с Силой, сыном мещанина Якова Ильина из линии ИЩ, соединил две ветви, которые на протяжении полувека жили параллельно, не пересекаясь в документах. Возможно, родственные связи между ветвями сохранялись с самого начала — с тех пор, как Борис и Семён (отцы основатели) появились в Сургуте одновременно. Но именно брак Александры и Силы сделал это родство документально зафиксированным.

Как переезд в Тундрино изменил логику учёта и жизни семьи

Один из самых частых вопросов, который возникает у читателей (и у редакторов), звучит так: «Если Павел жил в

Тундрине, почему он числился по Сургуту?» Ответ кроется в самой системе учёта.

Человек числился по уезду, а не по селению. Даже если семья десятилетиями жила в волости, в ревизиях и ведомостях её могли продолжать записывать по уездному городу. Это была не ошибка и не неточность, а норма бюрократической практики.

Документы велись в разных местах. Исповедные ведомости вели священники, ревизии — администрация, а промыслы и повинности учитывались по месту фактического проживания. Поэтому в одних источниках семья «исчезает», а в других появляется под другой формулировкой.

Переезд не означал мгновенного перевода из общества. Как мы видели на примере Семёна Петровича, фактический переезд мог опережать официальное оформление на годы. То же самое могло происходить и с учётом семьи Павла в волостных документах.

Именно поэтому исчезновение семьи из сургутских ведомостей после 1822 года и появление её вновь в 1832 году как «уездных крестьян Сургута» не противоречат друг другу: это два разных регистра, которые фиксировали разные стороны жизни семьи.

Судьба Павла и Евдокии: завершение главы

Евдокия Ивановна умерла 19 марта 1837 года от горячки в возрасте 58 лет. Это был страшный год для семьи Павла: в марте умерла жена, а в апреле — старший сын Иван от

чахотки. Два месяца, две смерти. Павел остался вдовцом в 62 года, с младшими детьми на руках — Гавриле было 17, Александре — 12.

Павел Петрович прожил ещё 22 года после смерти жены. Он пережил пожар 1840 года, который сжёг Сургут дотла. Он пережил эпидемии 1830-х и 1840 х годов. Он увидел, как город постепенно отстраивается — к 1850-м годам 160 новых домов. Он увидел, как его дочь Александра в 1848 году вышла замуж за Силу Яковлевича из другой ветви рода. Он увидел рождение первых внуков от Александры и Гаврилы.

Павел Петрович умер в 1859 году — об этом свидетельствует исповедная ведомость за этот год, где он уже не числится. Если исходить из расчётного года рождения 1775, ему было около 84 лет — возраст почти невероятный для крестьянина в условиях Севера. Он пережил брата Семёна на 16 лет, жену — на 22 года, и четверых из восьмерых своих детей. Из всех Щепёткиных своего поколения Павел Петрович прожил, вероятно, дольше всех.

Его жизнь — это не только история одного крестьянина, но и микроистория целого края: как менялась административная карта, как болезни и пожары становились общими бедами, как родственные и соседские сети помогали держаться на плаву.

Источники

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154 Оп. 8 Д. 44 Ревизские сказки 1782 года (город Сургут).

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д.94 Л. 425

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д.96 Л. 19

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д.754 Л. 8

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д.766 Л. 150

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 164 Л. 107 Метрические книги Сургута 1796–1838 годов.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 104 Л. 52, 102 Метрические книги Сургута 1839–1842 годов.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 73 Л. 177 Метрические книги Березовского округа 1845 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 105 Л. 49, 63, 104 Метрические книги г. Сургута 1845 - 1849 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 92 Л. 172, 175 Метрические книги Березовского округа 1852 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1 Оп. 12 Д. 111 Л. 84 Метрические книги г. Сургута 1854 - 1857 года

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189 Оп. 1 Д.1 Л. 17, 18, 45, 46, 59, 74, 84, 87, 89, 119, 124, 128, 160, 192, 215, 260, 282, 614, 616, 661, 701, 703, 716, 725, 781 Метрические книги 1795 - 1862 года

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189 Оп. 1 Д.3 Л. 415 Метрические книги г. Сургута 1801 - 1830 года

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189 Оп. 1 Д.50 Л. 630 Исповедные ведомости 1856 - 1862 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1, Д. 1 Л. 72 Метрические книги г. Сургута

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1, Д. 3 Л. 47 Метрические книги г. Сургута

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1, Д. 2 Л. 25 Метрическая книга Градо Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1, Д. 6 Л. 307 Метрические книги г. Сургута

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1, Д. 12 Л. 65 Метрические книги г. Сургута

Белькова А. Е. Названия болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX века Тюменского духовного правления. Часть третья: об умерших // КиберЛенинка. — 2014.

SurWiki. Сургут XVIII–XIX вв. (О пожаре 1840 года, административном статусе, численности населения.)

Сургутский краеведческий музей. Первые шаги // medhistory.skmuseum.ru. (Об эпидемиях в Сургуте в XIX веке, оспопрививании, краснухе 1835 года.)

Шуляк В. Г. Берёзов и Сургут как административные центры севера Тобольской губернии конца XIX — начала XX в.: медико-санитарное состояние // Вестник ТюмГУ.

Распространение эпидемий и голода среди коренного населения Сибири в XIX — начале XX в. // Молодой учёный.

Первая эпидемия холеры в России — Википедия. (О холере 1830–1831 годов.)

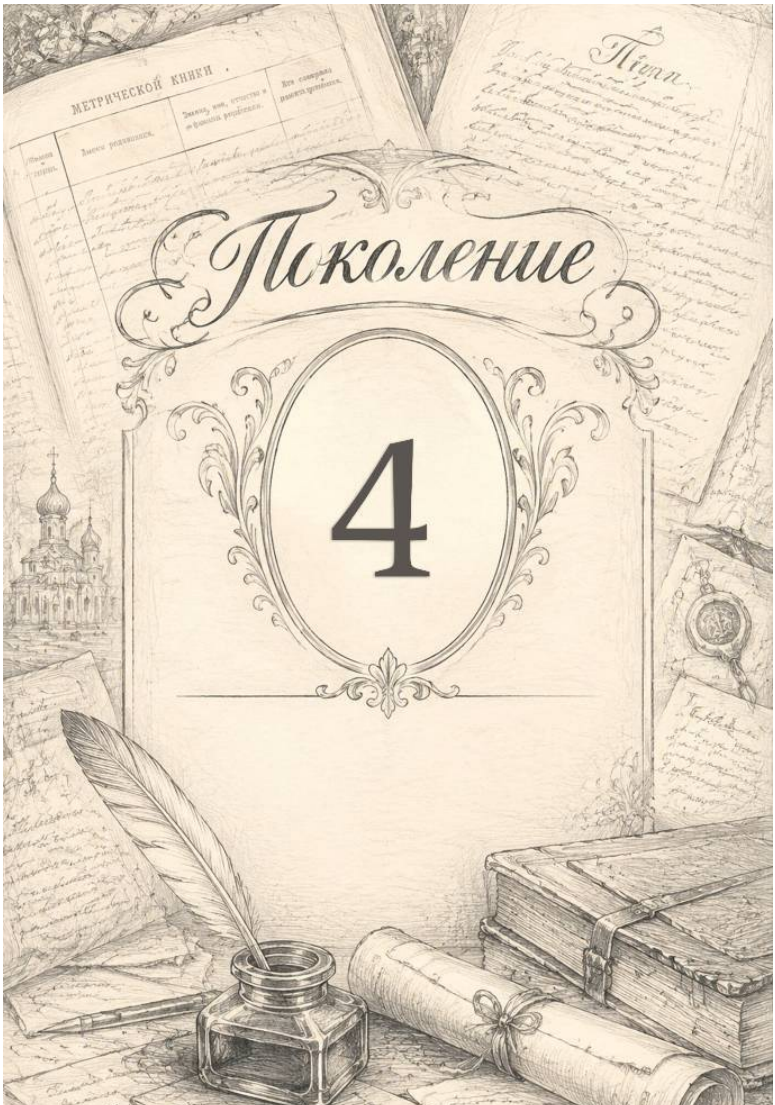
SIAPress. 185 лет назад в Сургуте разразился опустошительный пожар. (О пожаре 1840 года и восстановлении горо-

да.)

Сургутский краеведческий музей. Карта — Место ссылки — Тундрино. (О Тундринской волости и станции Тундринской.)

Пожар 1840 год
Сургут

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ
Поколение
4

Щепёткин Андрей Иванович

Годы жизни: 02.10.1803 - 11.03.1862

Место жительства: г. Сургут

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Иван Ильин ИЩ-П3-003

Годы жизни: 1771 - 1836

Мать: Щепёткина Анисья Никифоровна ИЩ-П3-006

Годы жизни: 1774 - 06.08.1854

СУПРУГ(А)

Щепёткина Авдотья Алексеевна (1806 - 20.10.1886) код: ИЩ-П4-004

Щепёткин Андрей Иванович (02.10.1803 - 11.03.1862)

В годы жизни Андрея

2 октября 1803 года у мещанина Ивана Ильина Щепёткина родился сын Андрей. Восприемником при крещении стал Ефим Туполев — из известного сургутского казачьего рода, с которым Щепёткины были связаны через кумовство не одно десятилетие. Метрическая запись сохранилась — в отличие от записей о рождении самого Ивана Ильина и его братьев и сестёр, погибших вместе с ранними метрическими книгами Сургута в пожарах.

Андрей родился в первый год правления императора Александра I — молодого, реформаторски настроенного монарха, от которого Сибирь ждала перемен. И перемены начались, но не те, каких ждали: в 1804 году, когда Андрею был один год, указом Александра I Сургут утратил статус уездного города и был переведён в разряд заштатных, с припиской к Берёзовскому уезду. Присутственные места были выведены, в городе остался лишь комиссар, подчинённый берёзовскому исправнику. В метрических записях последующих лет Сургут так и именуется — «Упразднённого города Сургута». Дядя Андрея, Семён Петрович из линии БЩ, уехал в Берёзов — туда, где была администрация и возможности. Но Иван Ильин с семьёй остался, и Андрей прожил в Сургуте всю жизнь — 58 лет. Сургут, в котором Андрей рос, был крошечным городком. Население едва превышало 500

человек. Город состоял из четырёх улиц и семи переулков, тротуаров не было, улицы не освещались. Все дома строились из соснового леса, которого вокруг было в изобилии. В некоторых домах на зиму стёкла вынимали и вставляли рамы с бычьими пузырями: они не замерзали, но и ничего через них не разглядишь. Земледелием сургутяне не занимались — «к земледелию душа не лежала». Хлеб привозили из южных округов за сотни вёрст, и стоил он дорого. Основу жизни составляли рыболовство, охота, заготовка кедровых орехов и ягод, извоз и обслуживание казённых нужд. Пища — преимущественно рыбная, с большой охотой ели рыбу «с душком» — не от неряшливости, а от бережливости: выбрасывать то, что ещё можно употребить, считалось грехом.

Единственным каменным зданием в городе был Троицкий собор, освящённый в 1801 году — за два года до рождения Андрея. Собор строился двадцать лет, с 1781 года, и в нём прошла вся жизнь Андрея: здесь его крестили, здесь он венчался, здесь крестил своих детей. Для маленького деревянного города каменный храм был не просто местом молитвы — он был символом постоянства: единственное здание, которое не сгорит.

В 1812 году, когда Андрею было 9 лет, в Россию вторглась армия Наполеона. Сибирь была далеко от театра военных действий, но война коснулась и её: по указу от 7 августа из Сибири было взято 3552 рекрута, из них от Тобольской губернии — 2152 человека. Жители Сургутского уезда со-

брали 847 рублей 53 копейки пожертвований — немного по сравнению с Тобольском, но для городка с пятьюстами жителями это были ощутимые средства. В том же году умер дед Андрея — Илья Семёнович Щепёткин, глава линии ИЩ, «от горячки». Ему было около 74 лет. Победа над Наполеоном и вступление русских войск в Париж в 1814 году стали общим праздником — весть об этом дошла и до глухого заштатного Сургута.

В 1822 году, когда Андрею было 19 лет, в Сибири была проведена реформа управления, разработанная М. М. Сперанским. Были учреждены новые административные органы, ужесточён контроль за населением, создан Приказ о ссыльных в Тобольске. Поток ссыльных резко возрос: с 1822 по 1841 год в Сибирь поступило более 170 000 ссыльных — втрое больше, чем за предыдущие пятнадцать лет. Часть из них доходила и до Сургута: в 1826 году сюда был отправлен «на вечное поселение» декабрист Андрей Шахирев. Ссыльные приносили с собой не только новые идеи, но и болезни: тиф и другие инфекции распространялись по этапам, и каждый населённый пункт, через который проходила партия колодников, мог стать очагом инфекции. В маленьком Сургуте, где все знали друг друга, приезд новых людей — особенно образованных дворян, говоривших по-французски, — был заметным событием. Но прямого контакта между мещанином и ссыльными дворянами, скорее всего, не было. Медицинской помощи в Сургуте фактически не существовало.

Больницы в городе не было до 1835 года, а фельдшер, упоминаемый в документах, был «едва грамотный остяк, не имеющий понятия о медицине, да и медикаментов у него почти не было». В 1830–1831 годах первая эпидемия холеры, начавшаяся в Индии и дошедшая до России, унесла около 200 000 жизней. До Сибири она дошла не сразу, но Тобольская губерния, расположенная на речных путях, была под угрозой. В 1832 году в Туруханском крае зафиксирована эпидемия кори. Андрею в это время было 27–28 лет — он был молод, здоров, и, вероятно, переболел одной из обычных «горячек», которые в Сургуте были делом повседневным. Но в том же 1835 году, когда Андрею было 32 года, произошло и доброе событие: в Сургуте открылась первая школа — казачья. До этого грамотность в городе была редкостью, и дети не имели возможности учиться. Школа была казачья, но для маленького города это был настоящий прорыв. В том же году в городе вспыхнула эпидемия «краснухи»: заболело 720 человек — для города с населением около 500–600 человек это означало, что переболел почти каждый житель, включая, вероятно, и самого Андрея. «Краснуха» в метрических книгах того времени могла обозначать не только краснуху в современном понимании, но и другие сыпные лихорадочные болезни, включая скарлатину.

22 июля 1840 года, когда Андрею Ивановичу было 37 лет, Сургут выгорел дотла. «От неизвестной причины» огонь уничтожил 83 дома, деревянную церковь, ограду, караульню,

казачью сборную избу, питейный дом с подвалом. Уцелел только каменный Троицкий собор. Финский учёный лингвист Матиас Александр Кастрен, проезжавший через Сургут в 1845 году, описал увиденное так: «От прежнего могущественного города осталось только несколько жилых лачуг, беспорядочно разбросанных среди пожарищ, ни одной порядочной улицы, ни одного хорошего строения, даже редко где есть стёкла на окнах». Если дом Андрея Ивановича уцелел — ему повезло. Но даже если сгорел, в 37 лет мещанину пришлось отстраиваться заново: рубить новый дом, заготавливать лес, восстанавливать хозяйство. А у него на руках — жена и пятеро детей: Якову 9, Егору 8, Ивану 7, Максиму 4. Дочь Евдокия умерла младенцем девятью годами раньше.

Но Сургут возрождался. В 1844 году, когда Андрею было 41 год, через Сургут прошёл первый пароход — из Тюмени в Томск. Появление парохода на Оби меняло всё: сообщение с внешним миром становилось быстрее и надёжнее. Рыбу и пушнину теперь можно было вывозить быстрее, а хлеб и товары — завозить дешевле. Для мещанина Андрея это означало новые возможности для промысла и торговли. К 1850-м годам Сургут отстроился: 160 новых домов, население превысило 1000 человек. Город, который Кастрен в 1845 году описал как «несколько жалких лачуг среди пожарищ», снова стал жить. Андрей, вероятно, застал это возрождение — и, может быть, участвовал в нём: мещане несли повинности по строительству и ремонту городских сооружений.

В 1848 году, когда Андрею было 45 лет, холера пришла в Тобольск: за короткое время заболело 1125 человек, умерло 635. Сургут, в силу своей удалённости, пострадал меньше, но слухи о «море», косившем людей в Тобольске и Тюмени, доходили и до глухих уголков. Впрочем, в семье Андрея в этот год произошло радостное событие: дочь Александра, выданная замуж за Силу Яковлевича из линии ИЩ, родила первого ребёнка — внучку Ирину. Андрей стал дедом.

Брак и Семья

Брак Андрея Ивановича и Авдотьи (Евдокии) Алексеевны (1806–26.10.1886), код: ИЩ П3 004, зафиксирован в исповедной ведомости за 1828 год. В 1825 году Андрей ещё неженат — следовательно, венчание состоялось между 1825 и 1828 годом, когда ему было 22–25 лет. Метрических записей о браке не сохранилось. Бракосочетание проводилось в Троицкой церкви. В браке у Андрея и Авдотьи родилось девятеро детей за двадцать один год — с 1828 по 1849 год. Их судьбы отражают уже знакомую картину сибирской жизни: один ребёнок умер младенцем, один — в годовалом возрасте, один — в 26 лет, и только четверо оставили потомство. Дети Андрея и Евдокии ИЩ-П5-001 — Иван Андреевич (14.10.1828–?) 14 октября у мещанина Андрея Иванова Щепёткина родился сын Иван. Восприемником при крещении стал Иван Андреев Туполев — ещё одна связь с казачьим родом Туполевых. В исповедных ведомостях 1828 и 1829 года записи об Иване нет. Судьба его неизвестна: воз-

можно, он умер в младенчестве, и запись о смерти не сохранилась или была утеряна.

ИЩ-П5-002 — Евдокия Андреевна (10.02.1830–20.02.1831)

10 февраля у мещанина Андрея Иванова Щепёткина родилась дочь Евдокия. Восприемницей стала мещанская дочь Татьяна Алексеева Калпашникова. Евдокия прожила один год и умерла в Сургуте от удушья. «Удушье» в метрических книгах могло обозначать удушье от воспаления гортани (круп), астматический приступ, задыхание от простуды или острой инфекции дыхательных путей — для младенца любая из этих причин была смертельной в условиях отсутствия медицинской помощи.

ИЩ-П5-003 — Яков Андреевич (18.11.1831–10.03.1880)

18 ноября у мещанина Андрея Ивановича и жены его Евдокии Алексеевны родился сын Яков. Восприемником при крещении стал казачий сын Стахий Новосильцев. 10 ноября 1850 года Яков женился на Анне Никифоровой Тверетиновой. В их семье родилось шестеро детей: Василий (1853), Прокопий (1854), Евфимий (1855), Дарья (1857), Ефим (1860), Евдокия (1865). Яков прожил 48 лет и умер в Сургуте от чахотки.

ИЩ-П5-004 — Егор (Георгий) Андреевич (04.04.1832–?)

4 апреля у сургутского мещанина Андрея Ивановича Щепёткина родился сын Егор от жены Евдокии Алексеевны. Восприемником стал сургутский крестьянин Иосиф Афанасьевич Кузнецов. Последняя запись о Егоре — в исповедной ведомости 1862 года, ему 29 лет. Жены и детей нет. Следующих переписей не сохранилось. Судьба неизвестна.

ИЩ-П5-005 — Иван (Иоанн) Андреевич (25.01.1833–29.01.1888)

25 января у сургутского мещанина Андрея Ивановича Щепёткина и законной жены его Евдокии Алексеевны родился сын Иоанн. Восприемником при крещении стал Тундринской станции сургутский крестьянин Павел Максимович Замятин — связь с семьёй Замятиных, как и в линии БЩ, где Павел Петрович женился на Замятиной. 22 мая 1868 года Иван женился на Анастасии Алексеевне Портновой. У них родилось двое детей: Ефимий (1877) и Екатерина (1879). В 1881 году умерла супруга Анастасия от чахотки. 30 августа 1882 года Иван женился второй раз — на Агриппине Иоанновной Корепановой. У них родился сын Даниил (1884). Иван прожил 55 лет и умер в Сургуте от чахотки. Рождение второго Ивана в 1833 году — через пять лет после первого (1828) — может говорить о том, что первый Иван умер в раннем детстве, и имя было дано повторно.

ИЩ-П5-006 — Максим Андреевич (05.08.1836–26.02.1863)

5 августа у мещанина Андрея Ивановича Щепёткина и жены его Евдокии Алексеевной родился сын Максим. Восприемником при крещении стал крестьянин Иосиф Афанасьевич Кузнецов — тот же, что и у Егора. Максим прожил 26 лет. Жены и детей не было. Умер в Сургуте от горячки. Для молодого мужчины 26 лет «горячка» могла означать тиф, пневмонию или другое острое инфекционное заболевание.

ИЩ-П5-007 — Марфа Андреевна (1840–18.04.1887)

В исповедной ведомости 1850 года Марфа записана в возрасте 10 лет. Метрической записи о рождении не сохранилось. 9 июля 1867 года Марфа вышла замуж за Андрея Яковлевича Тверетинова и родила ему шестеро детей: Сергей (1868), Анна (1869), Анисья (1871), Александр (1875), Евфимий (1880). Марфа прожила 47 лет и умерла 18 апреля 1887 года в Сургуте.

ИЩ-П5-008 — Василий Андреевич (01.03.1845–24.02.1887)

5 марта (по метрической записи — 1 марта) у мещанина Андрея Ивановича Щепёткина и жены его Евдокии Алексеевны родился сын Василий. Восприемником при крещении стал почтового отделения письмоводитель Конишников —

необычная деталь: письмоводитель был чиновником, и его выбор в качестве крёстного говорит о связях семьи с почтовым ведомством. 14 января 1870 года Василий женился на Евдокии Ивановне Сусловой. У них родилось трое детей: Василий (1872), Андрей (1878), Илья (1885). Василий прожил 41 год и умер в Томске от чахотки. Между 1878 и 1885 годами он переехал из Сургута в Томск — первый документально зафиксированный случай отъезда из Сургута в линии ИЩ. Двое его детей — Василий и Андрей — родились в Сургуте, но умерли в Томске. Третий — Илья — родился уже в Томске.

ИЩ-П5-009 — Ирина Андреевна (01.05.1849–22.09.1901)

1 мая у мещанина Андрея Ивановича Щепёткина и жены его Евдокии Алексеевны родилась дочь Ирина — последний ребёнок в семье, родившийся, когда отцу было 46 лет. Восприемницей при крещении стала казачья жена Александра Алексеевна Голова. 26 апреля 1870 года Ирина вышла замуж за Тихона Полуектовича Кушникова. В их семье родилось пятеро детей: Николай (1871), Александра (1873), Алексей (1879), Василий (1883), Александра (1885). Ирина прожила 52 года и умерла в Сургуте от чахотки.

Судьба Андрея и Авдотьи: завершение главы

Андрей Иванович умер 11 марта 1862 года в Сургуте. В исходных данных причина смерти не указана. Однако для

мужчины 58 лет, пережившего пожар 1840 года и эпидемии 1830-х — 1850-х годов, наиболее вероятны инфекционные заболевания, болезни от переохлаждения или последствия тяжёлого труда. Чахотка (туберкулёз), от которой умерли три его сына — Яков, Иван и Василий, — также могла стать причиной. Туберкулёз в сибирских городах был эндемичен: плохое питание, сырость в избах, скученность способствовали его распространению. Авдотья Алексеевна пережила мужа на 24 года. Она умерла 26 октября 1886 года в возрасте 80 лет «от старости». Для женщины, пережившей мужа, воспитавшей девятерых детей (из которых четверо умерли раньше неё), дожить до 80 лет в условиях Севера было выдающимся достижением. К моменту её смерти в Сургуте уже была больница на 16 кроватей и уездный врач — но для Авдотьи Алексеевны, как и для большинства её поколения, это уже было поздно.

Источники

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189 Оп. 1 Д.1 Л. 3, 48, 55, 166, 291, 585, 628, 874, 848, 861, 892, 895

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 164 Л. 59 Исповедные ведомости и метрические книги Сургута 1796–1838 годов.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 114 Л. 202 Метрические книги Берёзовского округа 1862 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 111 Л. 14, 64 Метрические книги Сургутской Троицкой церкви 1854-1857 го-

да

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 105 Л. 4, 125 Метрическая книга Градо Сургутской Троицкой церкви за 1845 - 1849 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 99 Л. 190 Метрические книги Берёзовского округа 1860 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 90 Л. 178 Метрические книги Берёзовского округа 1850 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 93 Л. 175 Метрические книги Берёзовского округа 1853 год

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э 1, Оп. 12, Д. 89 Л. 153 Метрические книги Берёзовского округа 1849 год

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, Оп. 8, Д. 44. Ревизские сказки 1782 года (город Сургут).

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 80 Д.94 Л. 866

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 16 Л. 49 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 11 Л. 58 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 9 Л. 33, 87, 204, 260 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 7 Л. 128, 161 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 6 Л. 66, 134, 137, 184, 214, 265, 307 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 3 Л. 27, 28, 72, 142, 270 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 2 Л. 15, 111, 169, 172 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223, Оп. 1, Д. 1 Л. 41, 118, 244 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

ГАТО (Томск) Ф. 527 Оп. 1 Д. 41 Л. 33, 180

Белькова А. Е. Названия болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX века Тюменского духовного правления. Часть третья: об умерших // КиберЛенинка. — 2014.

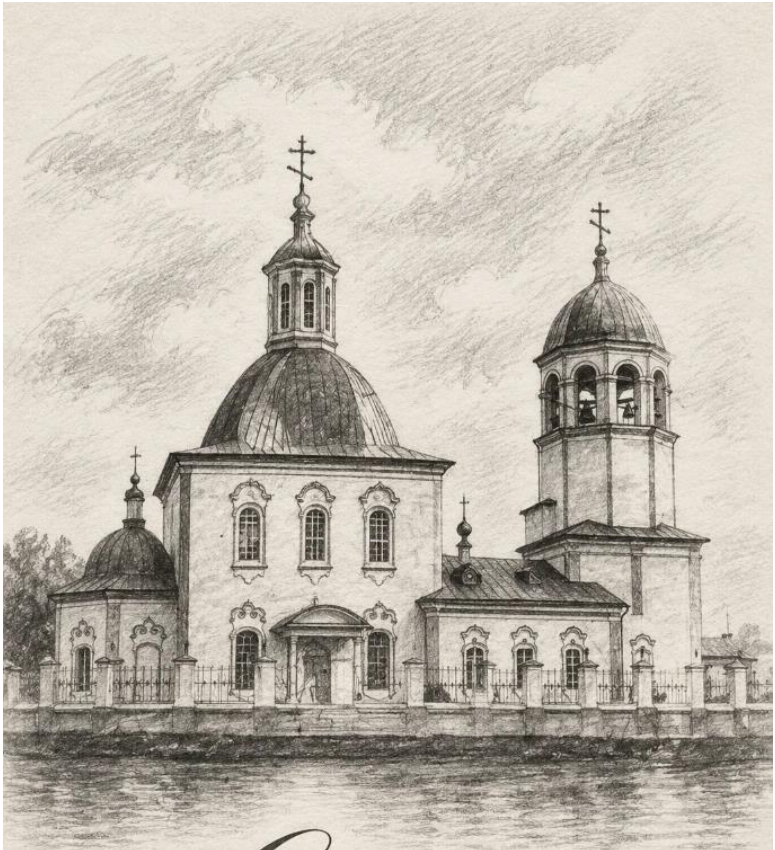
SurWiki. Сургут XVIII–XIX вв. (О пожаре 1840 года, административном статусе, численности населения.)

Шуляк В. Г. Берёзов и Сургут как административные центры севера Тобольской губернии: медико-санитарное состояние // Вестник ТюмГУ.

Зобнин Ф. К. Материалы о быте Сургутян. (О жилище, одежде, пище.)

SIAPress. 185 лет назад в Сургуте разразился опустошительный пожар. (О пожаре 1840 года.)

Первая эпидемия холеры в России — Википедия. (О холере 1830–1831 годов.)

Сургут

Свято-Троицкий собор

1801 год

Щепёткин Сила Яковлевич

Годы жизни: 10.08.1817 - 12.02.1887

Место жительства: г. Сургут

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Яков Ильин ИЩ-П3-005

Годы жизни: 1776 - 18.04.1835

Мать: Щепёткина Аграфена Кирилловна ИЩ-П3-007

Годы жизни: 1777 - 1832

СУПРУГ(А)

Щепёткина Александра Павловна (21.04.1825 - 14.06.1892) код: ИЩ-П4-016

Щепёткин Сила Яковлевич (10.08.1817 - 12.02.1887)

В годы жизни Силы Яковлевича

10 августа 1817 года у мещанина Якова Ильина Щепёткина родился сын Сила. Восприемниками при крещении стали крестьянская жена Евдокия Кузнецова, сын атамана Туполева Алексей и дочь казака Ивана Кайдалова Екатерина — сочетание мещанских, крестьянских и казачьих кумовьёв, характерное для Сургута, где все сословия жили бок о бок. Первая запись о Силе в исповедных переписях появилась в 1819 году — ему было два года. Сила родился при императоре Александре I — императоре, от которого Сибирь ждала перемен и получила их, но не все и не сразу.

В 1822 году, когда Силе было пять лет, в Сибири была проведена реформа управления, разработанная М. М. Сперанским: учреждены новые административные органы, ужесточён контроль за населением, создан Приказ о ссыльных в Тобольске. Поток ссыльных резко возрос — с 1822 по 1841 год в Сибирь поступило более 170 000 человек, втрое больше, чем за предыдущие пятнадцать лет. Часть доходила и до Сургута: в 1826 году сюда отправили «на вечное поселение» декабриста Андрея Шахирева. Ссыльные приносили не только новые идеи, но и болезни: тиф и другие инфекции распространялись по этапам, и каждый населённый пункт на пути партии колодников мог стать очагом инфекции.

Судьба Шахирева оказалась короткой. Поручик Черни-

говского полка, участник «Общества соединённых славян», он прожил в Сургуте меньше двух лет. 17 мая 1828 года, когда Силе было десять лет, Шахирев скоропостижно умер во время отлучки на птичий промысел — вёрстах в четырёх от города. По донесению о его смерти, последний сургутский декабрист завещал оставшееся имущество «на исправление обветшалой каменной соборной Троицкой церкви… для поминовения души его». Так человек, сосланный на край света, уходил из жизни с мыслью о соборе — том самом, где спустя двадцать лет будет венчаться Сила Щепёткин. В том же 1828 году в Сургут прибыл второй осуждённый по делу 14 декабря — Тизенгаузен; тяжело заболев, он в 1829 году добился перевода в Тобольск. Декабристская страница Сургутской истории оказалась короткой, но её след остался: замолвленное слово о соборе, донесения, памяти горожан.

В том же 1825 году, когда Силе было восемь лет, в Петербурге произошло восстание декабристов — событие, которое определило всю внутреннюю политику России на тридцать лет вперёд. Николай I, вступивший на престол, ужесточил контроль, усилил цензуру, увеличил армию. Для Сибири это означало усиление военного присутствия и новый поток ссыльных. В том же 1825 году в Сургуте насчитывалось 532 жителя — 282 мужчины и 250 женщин. Город, в котором рос Сила, оставался крошечным: четыре улицы, семь переулков, ни тротуаров, ни освещения. Все дома деревянные, в некоторых на зиму стёкла заменяли бычьими пузырями. Земле-

делием не занимались — хлеб привозили из южных округов за сотни вёрст. Основу жизни составляли рыболовство, охота, заготовка кедровых орехов и ягод, извоз.

В 1830–1831 годах, когда Силе было 13–14 лет, первая эпидемия холеры, начавшаяся в Индии и дошедшая до России, унесла около 200 000 жизней. До Сибири она дошла не сразу, но Тобольская губерния, расположенная на речных путях, была под угрозой. В 1832 году в Туруханском крае зафиксирована эпидемия кори. Медицинской помощи в Сургуте фактически не существовало: фельдшер, упоминаемый в документах, был «едва грамотный остяк, не имеющий понятия о медицине, да и медикаментов у него почти не было». Но в том же 1835 году, когда Силе было 18 лет, произошло и доброе событие: в Сургуте открылась первая школа — казачья. До этого грамотность в городе была редкостью, и дети не имели возможности учиться. Для маленького города это был настоящий прорыв. Правда, в том же году в городе вспыхнула эпидемия «краснухи»: заболело 720 человек — для города с населением около 500–600 человек это означало, что переболел почти каждый житель, включая, вероятно, и самого Силу. «Краснуха» в метрических книгах могла обозначать не только краснуху в современном понимании, но и другие сыпные лихорадочные болезни, включая скарлатину.

Весной 1837 года, когда Силе было 20 лет, Тобольскую губернию посетил цесаревич Александр Николаевич — будущий император Александр II. Девятнадцатилетний наслед-

ник проехал через Пермь, Екатеринбург, Тюмень и Тобольск — «обручение с Россией», как назвал это путешествие его наставник, поэт Василий Жуковский. До Сургута цесаревич не доехал, но весть о его визите в губернию дошла и до заштатного городка. Это было событие, которое сургутяне запомнили: посещение Сибири членом императорской семьи стало важным символическим жестом — впервые будущий монарх увидел своими глазами сибирские города и их жителей. В Тобольске цесаревич встретился с декабристами и ходатайствовал перед отцом об облегчении их участи.

22 июля 1840 года, когда Силе было 23 года, Сургут выгорел дотла. «От неизвестной причины» огонь уничтожил 83 дома, деревянную церковь, ограду, караульню, казачью сборную избу, питейный дом с подвалом. Уцелел только каменный Троицкий собор — единственное каменное здание, строительство которого завершилось в 1801 году. Финский учёный Матиас Кастрен, проезжавший через Сургут в 1845 году, увидел «несколько жалких лачуг, беспорядочно разбросанных среди пожарищ, ни одной порядочной улицы, ни одного хорошего строения». Если дом семьи Якова Ильина уцелел — повезло. Если сгорел — Силе, его отцу и братьям пришлось рубить новый. Но Сургут возрождался. В 1844 году, когда Силе было 27 лет, через город прошёл первый пароход — из Тюмени в Томск. Появление парохода на Оби меняло всё: сообщение с внешним миром становилось быстрее и надёжнее, рыбу и пушнину можно было вывозить быст-

рее, а хлеб и товары — завозить дешевле. Для молодого мещанина это означало новые возможности. К 1850-м годам Сургут отстроился: 160 новых домов, население превысило 1000 человек. Город снова стал жить.

В 1848 году, когда Силе было 30 лет (в метрической записи — 31; разница, вероятно, от округления возраста писцом или иной даты рождения в приходских книгах), произошло самое важное событие в его личной жизни — и одно из ключевых в истории рода. 11 января он женился на Александре Павловне Щепёткиной — из ветки БЩ. В метрической записи сказано: «сургутский мещанин Сила Яковлев Щепёткин православного исповедания, первым браком 31 год. Девица Александра Павлова Щепёткина крестьянина Павла Щепёткина дочь, православная, первым браком 24 года». Поручителями были казак Яков, Василей Тверетинов, крестьянин Матвей Силин и мещанин Андрей Щепёткин — сын дяди Силы, Ивана Ильина, из линии ИЩ. Это единственный документально подтверждённый брак между двумя ветвями рода — БЩ и ИЩ. До этого линии Бориса и Ильи шли параллельно более полувека, не пересекаясь в документах. Брак Силы и Александры соединил крестьянскую и мещанскую ветви, и их потомки стали наследниками обеих линий. Кем они приходились друг другу — неизвестно: возможно, дальними родственниками, возможно — просто однофамильцами, которых свели общие знакомые. Но сам факт брака между Щепёткиными из разных ветвей говорит о том, что родственные

связи между линиями сохранялись.

Венчание, вероятнее всего, прошло в Троицком соборе — единственном храме города: деревянная церковь сгорела в пожаре 1840 года, и каменному собору, спасённому огнём и отремонтированному отчасти на средства, завещанные умершим декабристом, было суждено стать местом главного события семейной жизни Силы. Так в судьбе рода сходятся три линии времени: пожар, ссылка и свадьба.

В том же 1848 году холера пришла в Тобольск: за короткое время заболело 1125 человек, умерло 635. Сургут, в силу удалённости, пострадал меньше, но слухи о «море» доходили и до глухих уголков. Однако для семьи Силы 1848 год остался, прежде всего, годом свадьбы — и началом большой семьи. И в этой свадьбе есть деталь, которая говорит о Сургуте лучше любых цифр. В донесении о смерти Шахирева двадцатью годами раньше упомянут, мещанин Силин — тот, с кем декабрист уехал на промысел в свой последний день. А поручителем на свадьбе Силы в 1848-м — крестьянин Матвей Силин. Скорее всего, это одна и та же сургутская семья Силиных: в 1828-м она была рядом с умирающим ссыльным, в 1848-м — рядом с молодожёнами Щепёткиными. Маленький город, где круг «всех-всех знающих» замкнут так плотно, что один и тот же род оказывается в двух событиях через двадцать лет и через сословную границу: мещанин на промысле — крестьянин на венчании.

В 1853–1856 годах, когда Силе было 36–39 лет, Россия

вела Крымскую войну. Сибирь была далеко от театра военных действий, но Тобольские полки сражались на Дунае и в Севастополе. Из Тобольской губернии были призваны сотни рекрутов, и среди уроженцев губернии, павших под Севастополем и Бахчисараем, были крестьяне из уездов, соседних с Сургутским. Для Силы — мещанина, уже вышедшего из рекрутского возраста, — война означала прежде всего рост повинностей и тревогу за подрастающих сыновей.

В 1861 году, когда Силе было 44 года, Александр II отменил крепостное право. Для Сибири, где крепостных было мало — около 3400 человек на всю губернию, — реформа сказалась не столько на освобождении крестьян, сколько на новом потоке переселенцев: освобождённые крестьяне из центральных губерний начали перебираться в Сибирь, и население губернии за последующие десятилетия выросло почти вдвое. Для Сургута это означало приток новых людей, новых ремёсел, новых болезней — переселенцы нередко становились разносчиками инфекций среди местного населения.

В 1866 году, когда Силе было 49 лет, распоряжением Тобольского губернаторского правления была учреждена Сургутская Рождественская ярмарка — ежегодная, с 23 декабря по 15 января. Ярмарка привлекала остяков и самоедов, привозивших пушнину и рыбу. Правда, по свидетельствам современников, торговля процветала не на ярмарочных рядах, а на дворах купцов, за закрытыми воротами. Тем не ме-

нее, учреждение ярмарки — знак того, что город оживал. А в 1867 году, когда Силе было 50 лет, Сургуту вернули статус окружного города. После 63 лет в статусе заштатного город снова стал административным центром. Это означало возвращение присутственных мест, расширение штата чиновников, появление новых учреждений. К концу XIX века в городе были две церкви, два училища — мужское и женское, больница, почтово-телеграфная контора, полицейское управление. В начале 1860-х годов в Сургуте появилась школа для девочек, а в 1865 году для неё выстроили специальное здание — на средства одного из представителей казачьего рода Туполевых, с которыми Щепёткины были связаны через кумовство не одно десятилетие: сын атамана Туполева Алексей полвека назад, в 1817 году, держал младенца Силу у купели.

В 1870-х годах, когда Сила был уже пожилым человеком, в Сургут начала прибывать новая волна ссыльных — народники, осуждённые по «Процессу 50-ти» и «Процессу 193-х». Ссыльные занимались кустарным производством — сапожным, столярным делом, — преподавали, организовывали библиотеки. Сергей Швецов, сосланный в Сургут в 1880 году, собрал материал о быте сургутян и написал книгу «Очерки Сургутского края». К 1870 году население Сургута достигло 1061 человека, а в пик 1887–1888 годов на менее чем 50 жителей приходился один ссыльный. Для Силы, всю жизнь прожившего в маленьком городе, где все знали друг

друга, появление образованных ссыльных — учителей, студентов, врачей — было, вероятно, заметным событием. Но прямого контакта между пожилым мещанином и ссыльными интеллигентами, скорее всего, не было.

В 1880 году, когда Силе было 63 года, из Сургута проложили грунтовую дорогу до Белоярской пристани — пять вёрст до места, где останавливались пароходы. В 1881 году казачья команда в Сургуте была реорганизована, городовые казаки переведены в мещанское сословие. Это означало, что сословные границы, которые разделяли сургутян на казаков, крестьян и мещан, начинали размываться — и семья Силы, всегда связанная через кумовство с казачьими родами, теперь формально оказалась в одном сословии со своими бывшими казачьими соседями.

Так прошёл его век — от младенца, которого держал у купели сын казачьего атамана, до пожилого мещанина, жившего в городе, где сословия смешались, а пароходы заменили казачьи разъезды. Сила Яковлевич пережил пожар, уничтоживший две трети города, холерные эпидемии, три смерти императоров, отмену крепостного права и превращение заштатного городка обратно в окружной центр. Он был мещанином в четвёртом поколении — но в его жизни, как в капле воды, отразилась вся история Сургута XIX века. Впереди у него оставались ещё годы — годы, когда он будет смотреть, как растут его дети и как город, в котором он родился, окончательно вступает в новое время.

Брак Силы и Александры: союз, соединивший две ветви рода

Брак Силы Яковлевича Щепёткина (ИЩ П3 009) и Александры Павловны (21.04.1825–14.06.1892) был заключён 11 января 1848 года. К этому моменту Силе было 31 год, Александре — 24. Оба вступали в брак первым браком, оба были православными — и оба, по меркам той эпохи, женились в зрелом возрасте. Для крестьянской среды, где юношей нередко женили в 17–18 лет, а девушек выдавали замуж к двадцати, эти цифры заметно выбиваются из привычного ряда. Возможных объяснений несколько: отложенные года могли быть связаны с необходимостью «досидеть» до смерти отца (Павел Петрович умер только в 1859-м, но выделение сына в самостоятельное хозяйство могло откладываться по хозяйственным соображениям), с поиском подходящей партии в небольшом городке, где круг женихов и невест был ограничен, или с военной службой, которая уносила молодых людей из Сургута на годы. Точная причина из документов не видна, но сам факт позднего брака говорит о том, что это было обдуманное, взрослое решение, а не сделка, сколоченная родителями.

Поручителями на венчании выступили казак Яков, Василий Тверетинов, крестьянин Матвей Силин и мещанин Андрей Щепёткин — двоюродный брат Силы по линии ИЩ. Этот список заслуживает отдельного прочтения, потому что в нём зашифрована вся социальная география сургутского

сообщества того времени.

Казак и мещанин, крестьянин и — снова мещанин: четыре поручителя представляют три сословия, и все четыре человека знали жениха и невесту достаточно близко, чтобы ручаться за них перед церковью. Поручительство в православном венчании было не формальностью, а ответственностью: поручители свидетельствовали, что жених и невеста свободны от прежних брачных обязательств, не состоят в запрещённой степени родства, венчаются по взаимному согласию и не принуждены к браку. В случае, если бы брак позже оказался оспорим, поручители отвечали перед приходом и духовным правлением. Поэтому в поручители брали не случайных людей, а тех, кто знал семью годами — и потому их имена, как отпечаток, показывают окружение пары.

Особого внимания заслуживает Андрей Щепёткин. Он — двоюродный брат Силы по линии ИЩ, то есть представитель той самой второй ветви рода, которая на протяжении полувека жила параллельно с ветвью БЩ, не пересекаясь в документах. Его поручительство на свадьбе дочери Павла Петровича — это ещё одно косвенное свидетельство того, что связи между линиями не прервались и после смерти отцов-основателей. В небольшом Сургуте, где всё держалось на родстве, кумовстве и общей памятью о предках, Андрей вполне мог быть «своим» для семьи Александры задолго до этого брака: они могли вместе стоять в одной церкви, быть крёстными у одних и тех же детей, знать друг друга по промыслам

и ярмаркам. Формально его роль — гарант брака жениха; фактически — мост между двумя ветвями, который теперь стал документально зафиксированным.

Венчание, как и все обряды этой семьи, прошло в Сургуте — в Троицкой церкви, через которую прошли крещения, свадьбы и похороны уже трёх поколений Щепёткиных. Для Александры это была родная приходская церковь: здесь крестили её, здесь же, за сорок лет до этого, венчались её родители. Январская свадьба — время между Крещенскими праздниками и Масленицей — была традиционным «свадебным» периодом для крестьянского календаря: конец полевых и промысловых работ, относительно свободное время, длинные зимние вечера. По льду Оби гости и родня могли добраться на санях — и, судя по составу поручителей из разных сословий, гостей на свадьбе наверняка было немало: казаки, мещане, крестьяне, — весь тот узкий круг сургутского общества, где все были друг другу роднёй или кумовьями.

В семье Силы и Александры родилось семеро детей за двадцать лет — с 1850 по 1868 год. Ирина (1850), Феодосия (1852), Андрей (1853), Роман (1855), Георгий (1859), Николай (1864) и Сергей (1868). Обратим внимание на промежутки между рождениями: 1850–1852–1853–1855 — плотная серия, типичная для молодой крестьянской семьи, где рождение ребёнка каждые год-два было нормой. Затем разрыв в четыре года (1855–1859), три года (1859–1864) и снова четыре (1864–1868). Такие «провалы» в документах обычно

объясняются двумя причинами, и чаще всего они шли одновременно: смерти младенцев, не доживших до записи в исповедной ведомости, и периодические отлучки главы семьи на промыслы — когда зачатия просто не случалось из-за разлуки. Все семеро детей, однако, дожили как минимум до записи в ведомостях, а старшие — Ирина, Феодосия, Андрей, Роман — наверняка застали и деда Павла Петровича, умершего в 1859 году: то есть старшие внуки и дед делили одну избу хотя бы первые годы их жизни.

Наконец, нельзя не заметить знак эпохи в самих датах. Брак заключён в 1848 году — за семь лет до отмены крепостного права, в мир, который ещё не подозревал о великих реформах. Дети рождались в 1850–1860-х — в эпоху перемен, которые непосредственнее всего ударили по сибирскому государственному крестьянству (которое, в отличие от помещичьих крестьян, было свободным, но несло иное тягло). Александра родила последнего сына в 1868 году, когда её отец уже три десятилетия как покоился, а сама она проживёт ещё почти четверть века — до 1892 года, умерев в Сургуте от старости в 67 лет. Из восьмерых детей её родителей она окажется последней живой: та, что родилась последней, уйдёт последней.

Так брак 1848 года, скромный по обряду, оказался поворотным для всего рода: он не только соединил две ветви, БЩ и ИЩ, в один союз — он сделал их единство видимым в документах, по которым потомки, спустя полтора века, смогли

восстановить эту связь.

Дети Силы и Александры: продолжение великого рода

ИЩ-П5-016 — Ирина Силовна (11.04.1850–21.08.1892)

Ирина родилась в Сургуте 11 апреля 1850 года. Восприемницей стала сургутская вдова, казачья жена Фелицата Дмитриевна Туполева. 10 мая 1872 года Ирина вышла замуж за казака Иоанна Стафетовича Новосильцева — из того же казачьего рода, представители которого были крёстными у детей Силы и его отца. Поручителями по жениху были казак Логин Новосильцев и казак Пётр Тверетин. По невесте — крестьянин Фёдор Кузнецов и сын Ивана Андреева Тверетина. В браке Ирина родила семерых детей: Дмитрий (1872), Ефимий (1873), Анисия (1878), Илья (1882), Евгений (1883), Андрей (1885), Николай (1889). Ирина прожила 42 года и умерла в Сургуте от холеры 21 августа 1892 года. Холера в Тобольской губернии в 1890-е годы была постоянной угрозой: она распространялась через заражённую воду и пищу, и в условиях плохого водоснабжения и отсутствия санитарии косила жителей сибирских городов.

ИЩ-П5-017 — Федосия Силовна (17.05.1852–?)

Федосия родилась в Сургуте 17 мая 1852 года. Восприемницей стала крестьянская жена Евдокия Яковлева Замятина — связь с семьёй Замятиных, как и в линии БЩ, где Павел

Петрович женился на Замятиной. 12 ноября 1871 года Федосия вышла замуж за Дмитрия Прокопьевича Сторолиева. Поручителями были крестьянин Прокопий Кузнецов, казак Фёдор Куйвашев, по невесте — казаки Дмитрий Кондаков и Василий Туполев. В семье родилось пятеро детей: Елизавета (1874), Антонида (1876), Матвей (1877), Иоанн (1879), Анна (1880). Информации о смерти Федосии нет.

ИЩ-П5-018 — Андрей Силович (27.11.1853–?)

27 ноября 1853 года у мещанина Силы Яковлевича Щепёткина и законной жены Александры Павловны родился сын Андрей. Восприемниками при крещении стали казак Иван Матвеевич Панкин и дочь урядника Никифора Тверетинова Марфа. 28 сентября 1877 года Андрей женился на Наталье Парфириевне Гурьевой — дочери крестьянина-переселенца Парфирия Гурьева. Первым браком. В их семье родилось одиннадцать детей: Прокопий (1878), Иоанн (1879), Стефан (1882), Марфа (1884), Александра (1887), Василий (1890), Андрей (1892), Павел (1896), Антоний (1899), Юлия (1900), Ефимий (1903). Одиннадцать детей — самая большая семья среди всех потомков линии ИЩ. Информации о смерти Андрея Силовича не сохранилось.

ИЩ-П5-019 — Роман Силович (29.09.1855–?)

29 сентября 1855 года у Силы Яковлевича и Александры Павловны родился сын Роман. Восприемниками при креще-

нии стали казак Фёдор Панкин и поселенка Марья Агеева Лабазина. 31 марта 1885 года Роман женился на Анастасии Петровне Фирсовой. В их семье родилось одиннадцать детей: Иоанн (1886), Вера (1887), Параскева (1888), Георгий (1893), Александр (1895), Василий (1898), Мария (1900), Зоя (1904), Мария (1905), Матрона (1905), Николай (1907). Повторение имён (Мария дважды) говорит о высокой младенческой смертности. Информации о смерти Романа Силовича не сохранилось.

ИЩ-П5-020 — Георгий Силович (11.04.1859–?)

11 апреля 1859 года у сургутского мещанина Силы Яковлевича и законной жены Александры Павловны родился сын Георгий. Восприемником при крещении стал отставной казак Михайло Васильевич Глазунов. Метрической записи о браке не сохранилось, но супруга Георгия — Ирина Дмитриевна — фигурирует в записях о рождении детей. В их семье родилось семеро детей: Мария (1895), Евгений (1896), Виктор (1898), Дмитрий (1900), Александр (1902), Михаил (1904), Константин (1906). Информации о смерти Георгия Силовича не сохранилось.

ИЩ-П5-021 — Николай Силович (03.05.1864–30.05.1866)

3 мая 1864 года у Силы Яковлевича и Александры Павловны родился сын Николай. Восприемниками были кре-

стьянин Афанасий Гаврилов Кайдалов и казачья жена Ирина Яковлева Куйвашева. Николай прожил два года и умер в Сургуте от горячки 30 мая 1866 года. Для двухлетнего ребёнка «горячка» означала острую инфекцию — корь, скарлатину, пневмонию, — которая в условиях отсутствия медицинской помощи убивала быстро. Николай — единственный из семерых детей Силы и Александры, кто умер в детстве. Остальные все дожили до взрослого возраста и оставили потомство.

ИЩ-П5-022 — Сергей Силович (03.10.1868–?)

3 октября 1868 года у Силы Яковлевича и Александры Павловны родился сын Сергей — последний ребёнок в семье, родившийся, когда отцу был 51 год. 19 января 1892 года Сергей женился на Феодосии Иоанновне Буканиной. В их семье родилось двое сыновей: Александр (1893) и Николай (1894). Дальнейшая судьба семьи неизвестна.

Судьба Силы и Александры: завершение земного пути

Сила Яковлевич прожил 69 лет и умер 12 февраля 1887 года в Сургуте «от старости» — так в метрических книгах священники обозначали естественную смерть при отсутствии явных симптомов болезни. За этой краткой формулой стояло многое. «От старости» умирали те, чей организм уже не мог справиться ни с одной новой болезнью: лёгкая простуда, ослабевшее сердце, третья или четвёртая зима подряд,

которую старик уже не догонял. Врач при этом, как правило, не вызывался — а в Сургуте его, по сути, и не было. Запись «от старости» была честной формулой века: человек дожил, и смерть пришла не как катастрофа, а как естественный итог.

Для мужчины, пережившего пожар 1840 года, эпидемии 1830-х — 1850-х годов, смерть двухлетнего сына и всю жизнь работавшего в условиях Севера, дожить до 69 лет было выдающимся достижением. Смертность среди сургутских мещан была высокой в любом возрасте: эпидемии, плохая вода, тяжёлая физическая работа, бескормица в неурожайные годы. Редко кто из ровесников Силы доживал до его лет — на его свадьбе в 1848 году среди поручителей и кумовьёв вряд ли было много мужчин старше шестидесяти. Сила пережил отца, Якова Ильина, на 52 года, мать Аграфену Кирилову — на 55 лет, и всех своих братьев и сестёр, умерших в детстве или молодости. Он принадлежал к последнему поколению сургутян, помнивших старый уклад, — и дожил до времени пароходов, земской почты и школьных зданий.

Хоронили его, по всей видимости, в Троицком соборе — том самом каменном храме, который уцелел в пожаре 1840 года, был отремонтирован отчасти на средства, завещанные умершим декабристом Шахиревым, и в котором тридцать девять лет назад венчался сам Сила. Похороны мещанина в маленьком городе были событием не частным, а общим: колокольный звон, знакомые лица, тот самый замкнутый круг «всех-всех знающих», в котором Сила прожил всю жизнь и

в котором его знали от рождения до гроба. Ему было 69 лет — больше, чем прожил любой из его родителей и почти всех его братьев и сестёр. В роду Щепёткиных он стал первым, кто умер не от инфекции, не от раны, не в младенчестве, а просто от прожитых лет.

Александра Павловна пережила мужа на пять лет. Она умерла 14 июня 1892 года в Сургуте, тоже «от старости», в возрасте 67 лет. Эти пять лет вдовства были непростым временем: мужчина в крестьянско-мещанской семье был хозяйственным центром, и вдова оказывалась одна — с домом, огородом, сетями, дровами, с заботой о младших внуках. По всей видимости, вокруг неё сплотились дети: старшие сыновья и дочери уже имели собственные семьи, и вдова, вероятно, жила при одном из них или держала свой двор при их помощи.

Её смерть пришлась на тот же год, когда холера унесла старшую дочь Ирину. 1892 год — это время великой всероссийской холерной эпидемии, дошедшей, в том числе до Тобольской губернии: болезнь шла по железным дорогам, пароходам и рекам, и удалённый Сургут в этот раз уже не был отрезан от мира — пароходы, в своё время принесшие городу удобства, принесли и инфекцию. Так в одну семью пришли в один год две смерти: матери — тихой, естественной, «от старости», и дочери — внезапной, от страшной болезни, знакомой роду по эпидемиям прошлых десятилетий. Для Александры это было горем, которое она узнала незадолго

до собственной смерти; в памяти детей и внуков 1892 год остался годом двойного удара.

Сама Александра умерла от старости, а не от холеры — и в этом есть своя справедливость: она не оказалась среди жертв очередной эпидемии, которых в её жизни было столько, сколько не пережила почти ни одна женщина её поколения. Для женщины, родившей семерых детей, шестеро из которых дожили до взрослого возраста, это был достойный итог. Выжили шестеро — а это значит, что она вынянчила, выучила, выдала по миру и проводила в самостоятельную жизнь шесть ветвей рода. В Сургуте XIX века такой счёт был скорее удачей, чем нормой: детская смертность забирала из больших семей по одному-два ребёнка, а то и больше. У Александры Павловны «из семерых — шестеро» — это результат её двадцатилетнего материнского труда, каждая потеря которого (как и смерть двухлетнего сына у Силы) оставалась в семье живой болью до конца дней.

Они прожили вместе тридцать девять лет — от январского венчания 1848 года до его смерти в феврале 1887-го. Их жизнь пришлась на тот отрезок сибирской истории, когда маленький Сургут прошёл путь от пожарища и казачьих разъездов до окружного города с училищами и пароходной пристанью. Они видели, как меняется мир, — и сами сделали то, что меняется в нём самое прочное: вырастили семью, в которой соединились две ветви рода, БЩ и ИЩ, и через которую Щепёткины вступили в XX век.

Источники

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154 Оп. 8 Д. 44. Ревизские сказки 1782 года (город Сургут).

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 189 Оп. 1 Д. 1 Л. 3, 116, 739, 836

ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156 Оп. 20 Д. 754 Л. 8

МКУ МА г. Сургута. Ф. И1 Оп. 1 Д. 15 Л. 281 Метрические книги Селиярово 1876 - 1887 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 164 Метрические книги Сургута 1796–1838 годов.

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 105 Л. 104 Метрические книги Сургута 1845 - 1849 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 98 Л. 168 Метрические книги Березовского округа 1859 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 95 Л. 169 Метрические книги Березовского округа 1855 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 93 Л. 192 Метрические книги Березовского округа 1853 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. Э-1 Оп. 12 Д. 92 Л. 172 Метрические книги Березовского округа 1852 года

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 1 Л. 72, 203 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 2 Л. 25 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 3 Л. 37, 88, 99, 149, 211 Метрическая книга Сургута Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 6 Л. 16, 81, 93, 137, 172, 178, 211, 274, 147 Метрическая книга Градо-Сургутской Троицкой церкви

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 7 Л. 80, 94, 179 Метрическая книга Сургута Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 9 Л. 88, 219, 257 Метрическая книга Сургута Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 11 Л. 36, 78, 103, 151, 163 Метрическая книга Сургута Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 12 Л. 97,34, 40, 65, 81, 318, 327 Метрическая книга Сургутска Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 14 Л. 8, 32, 161, 177, 216, 277, 283, 289 Метрическая книга Сургута Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 16 Л. 74, 109, 163, 186, 220, 236 Метрическая книга Сургута Троицкой церкви.

МКУ МА г. Сургута. Ф. 223 Оп. 1 Д. 20 Л. 165 Метрическая книга Сургута Троицкой церкви.

Белькова А. Е. Названия болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX века

Тюменского духовного правления. Часть третья: об умерших // КиберЛенинка. — 2014.

SurWiki. Сургут XVIII–XIX вв. (О пожаре 1840 года, восстановлении статуса города, численности населения.)

Сургутский краеведческий музей. Первые шаги //

medhistory.skmuseum.ru. (Об эпидемиях, оспопрививании, краснухе 1835 года.)

SurWiki. История школы в истории города. (О первой школе в Сургуте, женском училище.)

Шуляк В. Г. Берёзов и Сургут как административные центры севера Тобольской губернии: медико-санитарное состояние // Вестник ТюмГУ.

Зобнин Ф. К. Материалы о быте Сургутян.

АиФ Югра. Шесть раз за два века. Как Сургут из уездного города в село превращался. (О смене административного статуса.)

АиФ Тюмень. Обручение наследника с Россией. Зачем Александр II приезжал в Сибирь? (О визите цесаревича в 1837 году.)

UGRA-NEWS. «Почти все сургутяне жили очень зажиточно…». (О быте сургутян в 1870–1880-х годах, ссыльных.)

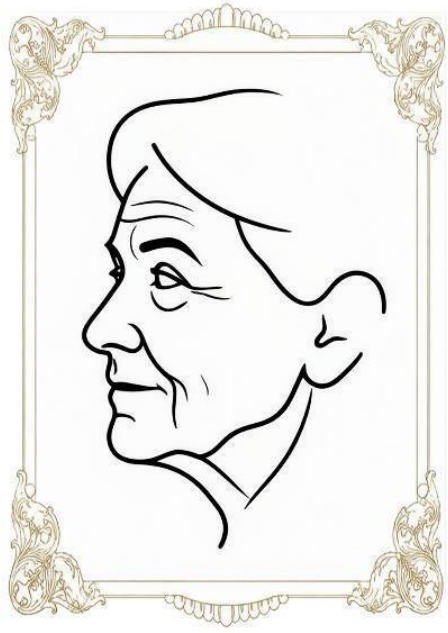
Земляки — народный интернет-портал. Проведение ярмарок в Сургутском уезде. (О Рождественской ярмарке 1866 года.)

КиберЛенинка. Сургут как пример противостояния власти и оппозиции во второй половине 1880-х годов. (О политической ссылке в Сургуте.)

МегаТюмень. Бессмертный полк: Крымская война 1853–1856. (Об уроженцах Тобольской губернии в Крымской войне.)

История освоения и развития Сибири XVI–XXI вв. (Об

отмене крепостного права и переселенцах в Сибири.)

Щепёткина Марья Яковлевна

Годы жизни: 20.06.1819 - 08.10.1892

Место жительства: г. Сургут

РОДИТЕЛИ:

Отец: Щепёткин Яков Ильин ИЩ-П3-005

Годы жизни: 1776 - 18.04.1835

Мать: Щепёткина Аграфена Кирилловна ИЩ-П3-007

Годы жизни: 1777 - 1832

СУПРУГ(А)

Пашкин Иван Матвеевич (1815 - ?) код: ИЩ-П4-012

Щепёткина Марья Яковлевна (20.06.1819–08.10.1892)

В годы жизни Марьи

20 июня 1819 года у сургутского мещанина Якова Ильина Щепёткина родилась дочь Марья. Восприемницей при крещении стала жена казака Максима Самострелова Екатерина — ещё одно свидетельство тесных связей Щепёткиных с казачьими семьями Сургута. В метрических книгах и исповедных ведомостях Марья всегда числилась как дочь мещанина, но её судьба с ранних лет оказалась прочно связана с казачьим миром.

Марья росла в Сургуте, который в начале XIX века оставался крошечным городом: четыре улицы, семь переулков, деревянные дома, зимой окна в некоторых избах закрывали бычьими пузырями. В 1822 году, когда Марье было три года, в Сибири прошла реформа М. М. Сперанского — усилился административный контроль, вырос поток ссыльных. В 1826 году в Сургут на вечное поселение отправили декабриста Андрея Шахирева. Для жителей маленького города появление ссыльных дворян было заметным событием: они несли с собой не только новые идеи, но и болезни, и слухи о столичных делах.

В 1830–1831 годах Россию накрыла первая эпидемия холеры. До Сибири она дошла не сразу, но угроза висела над Тобольской губернией постоянно: по рекам и трактам ин-

фекции добирались даже до самых глухих уголков. Медицинской помощи в Сургуте почти не было: фельдшер, упоминаемый в документах, был «едва грамотный», а лекарств — минимум. В таких условиях любая простуда могла обернуться тяжёлой болезнью, а детская смертность оставалась высокой.

Когда Марье исполнилось 15 лет, в 1834 году, в Сургутском округе случился большой неурожай, и город оказался на грани голода. Хлеб привозили издалека, и стоил он дорого. Семьи выживали за счёт рыболовства, охоты, заготовки кедровых орехов и ягод. Для мещанской семьи Щепёткиных это означало постоянную борьбу за выживание: каждый лишний рот был испытанием, а каждая трудовая рука — спасением.

К 1840 м годам Сургут понемногу менялся. В 1835 году в городе открылась первая школа — казачья. Грамотность оставалась редкостью, но у детей появилась возможность учиться. В 1840 году город почти полностью сгорел: огонь уничтожил 83 дома, деревянную церковь, караульню, питейный дом. Уцелел только каменный Троицкий собор — единственное каменное здание, символ постоянства в деревянном городе. Если дом семьи Якова Ильина сгорел, то его домочадцам пришлось заново рубить избу, заготавливать лес, восстанавливать хозяйство.

22 июля 1840 года пожар стал переломным моментом для города. В последующие годы Сургут отстраивался, и к сере-

дине 1840 х в нём снова было больше сотни домов. В 1844 году через Сургут прошёл первый пароход — из Тюмени в Томск. Появление парохода на Оби меняло экономику: рыбу и пушнину можно было вывозить быстрее, а хлеб и товары — завозить дешевле. Для мещан и казаков это означало новые возможности для промысла и торговли.

Брак с Иваном Матвеевичем Панкиным

26 июля 1842 года 21-летняя Марья Яковлевна Щепёткина вышла замуж за Ивана Матвеевича Панкина — сургутского казака. В метрической записи сказано: «сургутский казак Иоанн Матфиев Панкин, православного вероисповедания, первым браком, 27 лет; за дочь сургутского мещанина Якова Щепёткина, православного вероисповедания, 21 год».

Поручителями по жениху были Даниил Климентов, крестьянин Евдоким Силин и казак Радион Панкин. По невесте — казак Сафрон Новосильцев и мещанин Андрей Щепёткин (сын Ивана Ильина, двоюродный брат Марьи). Участие Андрея Щепёткина в качестве поручителя — ещё одно подтверждение того, что разные линии рода Щепёткиных поддерживали родственные и соседские связи.

Брак мещанки и казака был типичным для Сургута: сословия жили бок о бок, часто роднились через кумовство и соседство. Для Марьи это означало переход в казачий мир: её дети автоматически становились казаками, несли воинскую службу, жили по казачьим правилам.

Дети Марьи и Ивана Панкиных

Амос Иванович Панкин (15.06.1843–15.06.1843)

Амос появился на свет 15 июня 1843 года и в тот же день ушёл из жизни. В метрической записи причина обозначена расплывчато — «несчастье». В практике сургутских метрических книг такая формулировка нередко маскировала внезапную смерть младенца, которую священник не мог однозначно отнести к какой-либо болезни.

Для XIX века в условиях Сургута это было, к сожалению, типично: детская смертность оставалась крайне высокой, а диагностика — минимальной. «Несчастьем» могли назвать:

удушье во сне (в том числе из-за бытовых условий — тесная изба, дым, отсутствие вентиляции);

случайное травмирование (падение, ожог);

внезапные судороги или остановку дыхания у новорождённого;

острую кишечную инфекцию или сепсис, развившийся за считанные часы.

Для Марьи Яковлевны и Ивана Матвеевича смерть сына в день рождения стала первым и особенно горьким ударом: радость обернулась трагедией, и горе было тем тяжелее, что объяснить его толком никто не мог.

Пелагея Ивановна Панкина (27.04.1847–29.07.1903)

Пелагея родилась в Сургуте в семье казака. Восприемницей при крещении стала казачья дочь Параскева Алексеевна Туполева — ещё одно свидетельство того, как тесно пе-

реплетались судьбы сургутских семей через кумовство.

В 17 лет, 26 января 1864 года, Пелагея вышла замуж за урядника Ивана Стефановича Кайдалова. Поручителями по жениху выступили старший урядник Ефим Кайдалов и казак Феодосий Кайдалов, по невесте — мещанин Григорий Тверетинов. Это подчёркивает смешанный характер связей: казачьи семьи, мещане и крестьяне в Сургуте постоянно пересекались.

В браке Пелагея родила семерых детей:

Иван (1868);

Дарья (1871–1871) — прожила менее года;

Павел (1872);

Пелагея (1874–1879) — умерла в возрасте 5 лет;

Александра (1878);

Константин (1879);

Исидор (1881).

Судьба детей была непростой: двое умерли в раннем возрасте. Сама Пелагея прожила 56 лет и скончалась 29 июля 1903 года от чахотки (туберкулёза). Её супруг, Иван Стефанович, умер ещё раньше — 4 сентября 1885 года, также от чахотки. В условиях сибирских городов с их сыростью, скученностью и недостатком полноценного питания туберкулёз был распространённым и часто смертельным заболеванием, особенно среди тех, кто много времени проводил на улице или жил в холодных помещениях.

Пелагея успела увидеть взросление большинства своих

детей, но её жизнь, как и жизнь многих женщин того времени, была отмечена постоянной тревогой за здоровье детей и тяжёлым бытом.

Мария Ивановна Панкина (28.03.1851–28.08.1863)

Мария родилась 28 марта 1851 года в семье казака Ивана Матвеевича. Восприемницей стала дочь отставного писаря Ивана Туполева, девица Евдокия — ещё одна ниточка родственных связей через кумовство, характерное для Сургута.

Девочка прожила всего 12 лет. Она умерла 28 августа 1863 года от «горячки». В метрических книгах под этим словом скрывались самые разные острые состояния: корь, скарлатина, пневмония, тиф, а также тяжёлые кишечные инфекции, которые в условиях плохой гигиены и недостатка медицинской помощи быстро приводили к смерти.

Смерть Марии стала второй тяжёлой утратой для семьи. Для родителей потерять двоих детей — младенца и 12-летнюю дочь — было огромным горем, которое не сглаживалось временем.

Василий Иванович Панкин (11.04.1860–?)

Василий родился 11 апреля 1860 года в семье казака 4-й роты Ивана Матвеевича Панкина. Восприемником при крещении стал казак Тихон Матвеевич Панкин — вероятно, родственник, что подчёркивает важность родственных сетей в казачьей среде.

17 февраля 1880 года Василий женился на Елене Иоанновне Кушниковой, дочери отставного казака. Поручителями были старший урядник Тихон Кушников, казак Анфион Менщиков (по жениху), отставной казак Феодор Тверетинов и казак Тихон Кайдалов (по невесте). Такой состав поручителей показывает, что семья Василия оставалась в плотной сети казачьих и мещанских связей Сургута.

У Василия и Елены родилось 11 детей:

Павел (1880–1881);
Екатерина (1884–1885);
Михаил (1885–1886);
Стефан (1887);
Александра (1888–1889);
Аврамий (1896–1897);
Мария (1898);
Елена (1899);
Леонид (1900);
Павла (1904–1904).

Из этих одиннадцати детей пятеро умерли в младенчестве или в раннем детстве. Согласно метрическим записям, причиной смерти большинства из них был «понос» — так в документах обозначали острые кишечные заболевания. В реалиях конца XIX века это почти всегда означало тяжёлую диарею, вызванную инфекцией (дизентерией, сальмонеллёзом, ротавирусом и т. п.) либо отравлением из-за загрязнённой воды или пищи.

Почему «понос» был столь смертелен:

Отсутствие медицинской помощи. В Сургуте и окрестностях квалифицированная помощь была редкостью, а лекарства — примитивными.

Плохая гигиена. Вода из реки или колодцев могла быть заражена, посуда и руки — недостаточно чистыми.

Питание младенцев. При нехватке грудного молока детей пытались докармливать смесями на основе муки, молока сомнительного качества или отваров, что провоцировало расстройства пищеварения.

Климат и условия жизни. Холод, сырость, плохая вентиляция и скученность в избах способствовали распространению инфекций.

Потеря стольких детей — тяжёлое испытание для любой семьи. В то же время рождение 11 детей и выживание части из них говорит о том, что семья старалась держаться: каждый выживший ребёнок был надеждой и опорой.

Семья Василия переехала сначала в Локосовский район, а затем он был записан как отец из Вартовских юрт — мещанин Василий Иоаннович Панкин. Это отражает общую тенденцию конца XIX — начала XX века: люди искали более удобные места для жизни и промысла, уходили от старых центров к новым.

Судьба Василия и Елены остаётся неизвестной, но их история — это история многих сибирских семей: тяжёлый труд, постоянные утраты, надежда на лучшее и готовность

двигаться дальше ради оставшихся детей.

Судьба Марьи и Ивана: завершение земного пути

Марья Яковлевна прожила 73 года и умерла 8 октября 1892 года в Сургуте «от старости» — так в метрических книгах обозначали естественную смерть без явных признаков болезни. Для женщины, пережившей смерть двух детей, воспитавшей двоих оставшихся, дожившей до того, как её внуки завели свои семьи, это был достойный итог.

Её супруг Иван Матвеевич Панкин умер раньше, но точная дата его смерти неизвестна. Судьба их сына Василия и его семьи прослеживается до начала XX века, а линия Пелагеи дала несколько поколений потомков.

Источники

ГБУТО ГА в г. Тобольске Ф. 189 Оп. 1 Д. 1 Л. 116, 755, 836

МКУ МА в г. Сургуте Ф. И1 Оп. 7 Д. 7 Л. 35, 41, 84, 118, 249, 270 Метрическая книга Богоявленской церкви села Ваховское Локосовского прихода Сургутского уезда Тобольской духовной Консистории

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.